

В защиту Н. Д. Кондратьева. Постраничные комментарии к статье А. С. Смирнова¹

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев

Анализ работы А. С. Смирнова подтверждает, что абсолютное большинство его идей и выводов являются неверными, часто просто намеренно искажающими реальные факты и взаимосвязи. Многие же из того, в чем со Смирновым согласиться все-таки можно, не является оригинальным. Полезным является поднятие вопросов о связи идей Н. Д. Кондратьева и М. И. Туган-Барановского, попытка анализа взаимосвязи длинных и средних циклов, введение в оборот книг и работ, которые сегодня мало используются. Утверждения же, что истоки теории Кондратьева находятся в работах Туган-Барановского, что эти истоки лежат прежде всего в исследовании последнего «Бумажные деньги и металл» (1917 г.), «что теорию Кондратьева нельзя правильно оценить без знания этой работы Туган-Барановского», что критика теории Кондратьева в дискуссии 1926 г. была разгромной, что Кондратьев якобы фальсифицировал длинные циклы, являются в принципе неверными.

Ключевые слова: кондратьевские циклы, длинные циклы, дискуссия, Н. Д. Кондратьев, М. И. Туган-Барановский, Д. И. Опарин, циклы Жюгляра, конъюнктура, цены, история экономических учений.

Примечание 1 (на с. 93). Положения, высказанные в аннотации, критикуются нами на протяжении всей статьи. Сейчас же отметим важный момент, что моделью цикла А. С. Смирнов фактически называет его схему или структуру (то есть последовательность фаз цикла). Это надо иметь в виду, поскольку сам Кондратьев понятие «модель цикла» употреблял в ином смысле – как описание эндогенного механизма цикла, см. прим. 16.

Примечание 2 (на с. 94). Относительно дефектов такой классификации в отношении многих периодов см. ниже в прим. 107, 109, 112, 113 и др.

Примечание 3 (на с. 95). Смирнов неправ. Все серьезные исследователи в России знали, что теория Кондратьева на Западе никогда не была частью мейнстрима (см., например: Меньшиков, Клименко 1989: 18). И вряд ли у кого-то можно найти обратное утверждение.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-02-00330).

Примечание 4 (на с. 95). Относительно работы Губанова см. прим. 73. Что касается «анахронизмов» в прогнозах, то хотелось бы, чтобы Смирнов был конкретнее. Во всяком случае, до сих пор многие прогнозы базируются на теории длинных волн, например о так называемом шестом технологическом укладе (некоторые публиковались и в наших альманахах). Что же касается актуальности замечаний оппонентов Кондратьева, то даже из приведенных фрагментов дискуссии 1926 г. видно, что это очень сильное преувеличение, хотя бы потому, что многие замечания (если не их большинство) исходили либо из особенностей марксистской теории, либо из тогдашнего уровня экономической науки, озабоченной влиянием количества золота на цены и правильностью выведения вековой тенденции в отношении цен. Важным аргументом (особенно у Д. И. Опарина, см., например: Опарин 1926б/1989: 347, 348; Богданов 1926/1989: 301) была сложность применения математических методов к анализу полуторатных циклов. Но сегодня число циклов явно увеличилось.

Примечание 5 (на с. 96). Действительно, даты начала и конца волн и циклов у Кондратьева колебались. В работе 1922 г. «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» Кондратьев (1922/2002: 322–323) дает такую схему «конъюнктурных волн больших циклов»: 1789–1809–1848 = около 50 лет (арифметическая ошибка, фактически 60 лет. – Л. Г., А. К.); 1849–1873–1895/96 = 47 лет; 1896–1920–... (этот цикл, естественно, не окончен, только одна фаза. – Л. Г., А. К.).

В 1925 г. в работе «Большие циклы конъюнктуры» Кондратьева (1925/1993: 34) датировки такие: 1789–1814–1848/49 = 60 лет; 1849–1873–1896 = 47; 1896–1920–... В 1926 г. в докладе он вновь повторяет эти даты (Кондратьев 1926/2002: 351).

Но в тезисах к этому докладу (Там же: 397–398) Кондратьев, обобщая поведение разных показателей, дает уже несколько иные даты с «вилками»: конец 1780-х – начало 1790-х – 1810/1817 – 1844/1851; 1844/1851–1870/1875–1890/1896; 1890/1896–1914/1920 – объясняя это тем, что «расхождение точек перелома по отдельным кривым... в единичных случаях превосходит 5 лет» (Там же: 398).

Критиковать за это Кондратьева не просто трудно – невозможно. Любой, кто всерьез занимался периодизацией, понимает, что все процессы не могут измениться одновременно, что границы периодов всегда условны и могут датироваться определенной «вилкой». Неудивительно, что в работе «Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров» (Кондратьев 1928/2002) Николай Дмитриевич весьма подробно показывает длинные циклы конъюнктуры по разным товарам, поясняя, по каким товарам и каким образом в зависимости от методики колеблются максимумы и минимумы цен.

Примечание 6 (на с. 96). Относительно этой цитаты (Туган-Барановский 1997: 336) см. прим. 13.

Примечание 7 (на с. 96). Относительно цитаты (Туган-Барановский 2004: 76) стоит отметить следующее. Издание, которым пользуется А. С. Смирнов – это, как мы понимаем, переиздание (1900 г.) книги М. И. Туган-Барановского 1894 г. «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь» (Туган-Барановский 1900/2004). К сожалению, нам не удалось найти именно это издание, чтобы проверить цитату. Мы пользуемся переизданием 1913 г. (см.: Туган-Барановский 1913/2008). Однако это позволило сравнить цитаты в обоих изданиях, из этого стала видна некоторая эволюция мысли Туган-Барановского. Вот как выглядят в издании 1913 г. приведенные Смирновым строки: «Наряду с такими мелкими колебаниями, повторяющимися с известной правильностью каждое десятилетие, могут быть более крупные колебания, охватывающие несколько десятков лет: 30-летие 1820–1850 гг. было эпохой падения товарных цен вследствие неблагоприятных условий международной торговли, а 20-летие 1850–1870 гг. было временем поднятия товарных цен вследствие того, что международная торговля оживилась. Таким образом, факт поднятия уровня товарных цен может быть удовлетворительно объяснен, даже если мы не будем придавать никакого значения добыче золота в 50-х и 60-х годах» (Туган-Барановский 1913/2008: 143).

Стоит отметить, что во фрагменте, который приведен А. С. Смирновым, оба периода имеют примерно одинаковую длительность, а в более позднем фрагменте экономист говорит о длительности периодов в несколько десятков лет и не считает, что такие периоды должны иметь примерно одинаковую длину (он прямо противопоставляет 30-летие и 20-летие). Отсюда видно, что его мысль работала не в направлении того, чтобы видеть эти длительные колебания периодическими и правильно циклическими, а только в том направлении, что его объяснения колебаний цен в средних циклах могут быть использованы для объяснения колебаний в более длительные периоды. Данное уточнение пригодится нам, когда мы будем рассматривать взгляды Туган-Барановского на длительные периоды колебания цен.

Примечание 8 (на с. 96). Просим обратить внимание, что и в цитате Туган-Барановского, и в цитате Лескюра речь идет не о циклах, а только о движениях, колебаниях и волнах. В отношении комментария к Лескюру характерно слово, которое употребляет Смирнов – что он «*продолжает*» Туган-Барановского. На чем основывается Смирнов, полагая, что Лескюр именно продолжает, то есть развивает, мысль Туган-Барановского, совершенно неясно (хотя книга Лескюра и вышла позже). Но из контекста у читателя невольно создается впечатление, что у истоков длинноволновой теории стоит Туган-Барановский². За этим выбором слова стоит метод

² Да и мысль Лескюра несколько отличается от мысли Туган-Барановского. Лескюр не говорит в отличие от русского экономиста о длительных чередованиях повышения и пониже-

Смирнова – он наслаивает высказывания, чтобы доказать несуществующие заимствования одного ученого у другого. Между тем отметим, что Кондратьев в числе своих предшественников по исследованию длинных циклов Туган-Барановского нигде не называет (почему, мы объясняли в предварительной статье на с. 76). Зато указывает на Ж. Лескюра в ряде своих работ и при этом отмечает, что тот, вероятно, был склонен рассматривать этот процесс как циклически-волновой, в отличие от многих других (Кондратьев 1925/1993: 28), включая и Туган-Барановского. Таким образом, непохоже, чтобы Лескюр «продолжал» Туган-Барановского. Напоминаем, что список предшественников Кондратьева и их работ, затрагивающих проблему длинных волн, мы приводим в первой критической статье в Приложении на с. 88–92.

Примечание 9 (на с. 97). К разбору приведенной Смирновым цитаты, которая вырвана из контекста и искажает общий подход ученого, мы вернемся ниже (в прим. 10). А пока обращаем внимание на то, как ловко подменяет Смирнов термины. Выше он говорил о том, что Туган-Барановский и Лескюр обратили внимание на присутствие *длинных колебаний конъюнктуры*, в цитате сам Туган-Барановский говорит об *«обширных периодах»* подъема и упадка денежных цен», которые имеют волнообразные колебания. Но Смирнов перед данной цитатой пишет: «В работе “Бумажные деньги и металл” Туган-Барановский приравнял конъюнктуру в коротких и больших **циклах**» (выделено нами. – Л. Г., А. К.). И все... «Волнообразные колебания» Туган-Барановского незаметно превратились в большие циклы. Дело сделано. Отсюда читатель может сделать вывод, что именно Туган-Барановский предложил гипотезу о больших циклах на основе своей теории о средних, а Кондратьев ее заимствовал. Между тем именно доказательство того, что эти волнообразные колебания цен являются циклами (а, следовательно, объясняются не только внешними, но и внутренними, эндогенными причинами и имеют периодическую природу), а также то, что, имея циклическую природу, эти колебания проявляются не

ния цен. Он озабочен доказательством того, что длительный период депрессии с 1873 по 1893 г., который он выделяет, не противоречит его теории промышленного цикла, «закона развития капиталистических обществ (правильных периодов подъемов и застоя) (Лескюр 1908: 167–168). «Но существование длинных периодов застоя не только не подрывает нашей теории, но, напротив, поясняет ее, оно объясняет особенности периодов подъема и застоя, имевших место в это время» (Там же: 168). Впрочем, Лескюр выделяет также длинные периоды подъема и застоя, не связывая их прямо с конъюнктурой цен. Причем эти периоды не являются равными, выглядят несколько странными. «Если очень обобщать, то можно сказать, что с 1825 по 1873 г. мир переживал период подъема, а с 1873 по 1894 период застоя, а с 1895 г. снова начался подъем (Там же: 13). Как видим, Лескюр странным образом объединил понижательную полосу 1825–1849 гг. и повышательную 1849–1873 гг. в один депрессивный период. Почему он это сделал, неясно, но вполне понятно, что Лескюр не следовал за Туган-Барановским, а в отношении периодизации длинных циклов также не был явным предшественником Кондратьева.

только в ценах, но и во многих других индикаторах, является достижением Кондратьева. В целом в главную заслугу Кондратьеву надо поставить не «открытие длинных волн» (они были известны и до него, и он это совершенно прямо отмечал [см., например: Кондратьев 1925/1993: 26–29]), а систематичность и глубину исследования длинных циклов и создание на этой базе целостной теории.

Действительно, Кондратьев пишет следующее: «Вопрос о больших циклах не только не разработан, но в литературе пока нет определенного признания даже их существования. Однако отдельные авторы все же подходили к этому предмету, правда, в довольно отрывочной и случайной форме (выделено нами. – Л. Г., А. К.). Мнения их по вопросу о существовании больших циклов различны. Одни из них склонны признать вероятность существования больших циклов. Другие констатируют существование длительных периодов повышения и понижения конъюнктуры, но не дают определенного ответа на вопрос о цикличности в смене этих периодов. Третьи, отмечая большие периоды подъемов и понижения конъюнктуры, определенно отрицают их цикличность, рассматривая их как случайные» (Кондратьев 1925/1993: 26)³. «Из предыдущего обзора видно, что лишь очень немногие авторы касались вопроса о больших колебаниях конъюнктуры (немногие в смысле того, сколько требовала эта проблема, но в целом довольно немалое число, что видно из Приложения к нашей предыдущей статье в этом альманахе на с. 88–92. – Л. Г., А. К.). При этом некоторые из них касались лишь вопроса о больших колебаниях цен (как Туган-Барановский. – Л. Г., А. К.). Между взглядами авторов, сталкивающихся с вопросом о длительных колебаниях конъюнктуры, нет единства, и притом не только по вопросу о причинах этих колебаний, но и по вопросу об их характере, в частности по вопросу об их закономерности и цикличности. Нет ни одного автора, который бы исследовал вопрос о больших циклах специально. Нет ни одного автора, который бы признавал существование этих циклов вполне определенно и ясно» (Там же: 29). Кондратьев, таким образом, пишет, что хотя длинные волны в долгосрочной экономической динамике (и прежде всего ценовой динамике) и были уже открыты к тому времени, как он занялся этим вопросом, они не были убедительно интерпретированы и систематически изучены. Но само открытие длинных волн Кондратьев себе ни в коем случае не пытается приписывать. Проведя исследование, Кондратьев через некоторое время добавляет: «На основании специального исследования больших циклов конъюнктуры мы пришли к выводу, что большие волны в движении цен

³ Туган-Барановский, как увидим далее, относился ко второму типу исследователей, которые не высказывали определенного мнения по вопросу цикличности больших колебаний, поскольку эта проблема их не занимала. Но из предварительного контент-анализа произведений Туган-Барановского все же можно сделать определенные выводы о том, что он не рассматривал длительные колебания как достаточно периодические циклы (см. прим. 10 и 13).

представляют из себя только одну составную часть общих длительных колебаний в динамике народного хозяйства и что эти длительные колебания вообще и колебания цен в частности не могут быть объяснены влиянием внешних, эпизодических причин, в том числе и влиянием добычи золота» (Кондратьев 1928/2002: 451).

Теперь читателю легче разобраться и с другим словесным фокусом Смирнова. Очень ловко сказано: «...передавал эстафету». И у читателя складывается образ ученика (то есть Кондратьева), который получил наследство от учителя (Туган-Барановского), развил его, но скромно умалчивает о роли учителя. Однако «открытие» Смирнова, что якобы Кондратьев получил эстафету в исследовании длинной цикличности от Туган-Барановского, никоим образом не подтверждается. Во-первых, как видно из вышеприведенных цитат и списка литературы в вышеупомянутом Приложении на с. 88–92, Кондратьев получил эстафету от целого ряда ученых. Во-вторых, даже оппоненты Кондратьева по дискуссии в ряду упомянутых ими фамилий исследователей длинных волн Туган-Барановского не называют (речь у них идет только о развитии идеи последнего о капитале).

Об идеях Туган-Барановского, которые Кондратьев развивал, мы уже говорили в нашей первой критической статье (с. 82–85). Сейчас рассмотрим некоторые аспекты этой темы подробнее (другие будут обсуждены ниже, в частности в прим. 15). Начнем с личных взаимоотношений Кондратьева и Туган-Барановского. О них можно судить по книге Кондратьева «Михаил Иванович Туган-Барановский», второй абзац которой выглядит таким образом: «Не являясь строгим последователем Михаила Ивановича и расходясь с ним в очень многих вопросах по существу, автор тем не менее считает себя одним из ближайших учеников его. Поэтому он смотрит на предлагаемый очерк и как на свой долг в отношении покойного и любимого учителя» (Кондратьев 1923: 5–6)⁴. Итак, Кондратьев действительно признавал Туган-Барановского своим учителем, но подчеркивал существенные расхождения во взглядах. Странно, что Смирнов даже не упоминает об этой книге, хотя, исследуя преемственность взглядов Кондратьева и Туган-Барановского, вроде бы обязан ее использовать. Тем более что в этом биографическом очерке Кондратьев посвящает определенное место и книге М. И. Туган-Барановского «Бумажные деньги и металл». А ведь ей Смирнов придает какое-то особое значение.

Что же утверждает А. С. Смирнов? Во-первых, что истоки теории Н. Кондратьева находятся в работах Туган-Барановского, во-вторых, что

⁴ Есть еще один, более короткий биографический очерк Кондратьева о Туган-Барановском, изданный в этом же 1923 г.: Кондратьев Н. Д. М. И. Туган-Барановский (основные черты научного мировоззрения). Петроград, 1923 (25 с.). Позже он был переиздан (см.: Кондратьев 1923/1990; 1923/2004).

эти истоки лежат прежде всего в исследовании последнего «Бумажные деньги и металл» (1917 г.), в-третьих, «что теорию Кондратьева нельзя правильно оценить без знания этой работы Туган-Барановского». Признать эти утверждения Смирнова верными мы не можем. Тем не менее, некоторая известная взаимосвязь идей ученых действительно имела место. А поскольку Смирнов ставит своей целью не объективное исследование взаимосвязей научного развития, а пытается навязать придуманную им взаимосвязь, тем самым очерняя Кондратьева и искажая реальные взгляды Туган-Барановского, мы вынуждены заняться тщательным качественным контент-анализом книги Туган-Барановского «Бумажные деньги и металл», хотя, по нашему мнению, такой анализ дает немного для понимания настоящих истоков теории длинных циклов. Реальная же взаимосвязь идей Кондратьева и Туган-Барановского состояла в развитии первым важной идеи последнего о накоплении капитала, которая лежала в основе его наиболее известной книги «Периодические промышленные кризисы» (Туган-Барановский 1913/2008). В книге «Бумажные деньги и металл» данная идея не являлась ведущей в теме исследования, но показалась Михаилу Ивановичу удачной, чтобы упомянуть ее в связи с длительными периодами колебания цен. Но ни о каких истоках теории длинных циклов в этой книге Туган-Барановского говорить невозможно, ибо их там нет. Да и не абсурдно ли искать такие истоки у ученого, который длинные циклы не исследовал?

В очерке о Туган-Барановском Кондратьев (1923) достаточно подробно останавливается на главных идеях книги последнего «Бумажные деньги и металл». Так, на с. 72–73 он пересказывает теорию ценности денег Туган-Барановского, что и составляло основу содержания книги последнего: «Количественная теория денег могла бы найти свое применение полностью исключительно в сфере бумажного обращения. В отношении к этой ограниченной сфере обращения она, безусловно, верна, и в этом смысле в ней есть элемент истины. Что же касается основы денежного обращения – металлических денег – то объяснения ценности денег нужно искать на стороне товарного рынка, и в этом прав был Тук. Однако ценность денег, вопреки Туку, представляется не функцией цен отдельных товаров, а функцией состояния общей экономической конъюнктуры и ее **циклических** (выделено нами. – Л. Г., А. К.) колебаний. Это основной тезис теории денег Михаила Ивановича, теории, которую он назвал конъюнктурной»⁵.

⁵ Поясним, что хотя Кондратьев не говорит здесь, о какой длительности циклических колебаний писал Туган-Барановский, но из самой книги последнего видно, что он многократно говорил в ней именно о средних циклах, которые только и называл циклами. И только в одном месте Туган-Барановский (1917/1998: 319–322) высказал предположение, что от

Далее Кондратьев пишет (1923: 73): «Но выставив этот в высшей степени оригинальный тезис, Михаил Иванович, к сожалению, не дал последовательного развития и обоснования его, не вскрыл механизм взаимосвязи между колебаниями конъюнктуры и ценностью денег». И далее Кондратьев говорит, что до некоторой степени этот пробел восполняют более ранние работы Туган-Барановского. Затем Кондратьев (Там же: 80–82) пересказывает эти идеи Туган-Барановского (из его более ранней и наиболее известной книги «Периодические промышленные кризисы») о колебаниях в темпах накопления и расходования капитала. Он признает ценность такого подхода, но в то же время поясняет, в чем состоят его слабые стороны. Последнее важно уже потому, что позволяет увидеть, что Кондратьев, развивая в своей теории эту идею, заимствовал ее отнюдь не механически. Наконец, отметим очень важный для нашей темы момент. Кондратьев заключает: «Очевидно, именно здесь и открывается путь и возникает необходимость для дальнейшего усовершенствования и усложнения его теории» (Кондратьев 1923: 82). Фактически он намечает для себя поле деятельности на базе развития идеи своего учителя. Напомним, что писалось это в 1923 г., то есть задолго до дискуссии 1926 г. Н. Д. Кондратьев открыто показывает, что именно он собирается заимствовать и развивать у Туган-Барановского, а именно – теорию влияния колебаний в накоплении капитала, которую он использует для объяснения одной из ряда причин длинноволновой цикличности. Об этом же Кондратьев говорил и в своем заключительном слове во время дискуссии 1926 г. (Кондратьев 1926б/1989: 342). Но ни о какой модели длинного (либо среднего) цикла Туган-Барановского, ни о какой его периодизации длинных циклов или искажении этой периодизации Кондратьевым, как утверждает Смирнов (см. ниже, с. 98), ни в одном месте сказано не было.

Мы полагаем, что абсурдно строить гипотезы о том, в какой степени идеи Туган-Барановского о причинах продолжительных колебаний конъюнктуры повлияли на теорию длинных циклов Кондратьева, если в первую очередь не опираться на высказывания самого Кондратьева. Ибо если ученый прямо говорит, что и почему он заимствовал у своего учителя, то именно его слова и надо признавать верными, если не будет доказано, что по какой-то причине он умышленно искажал истину (в прим. 15 мы увидим, что никакого искажения не было). Однако Смирнов поступает иначе. Он упорно не замечает собственных признаний Кондратьева в отношении связи его теории с теорией Туган-Барановского, чтобы это не мешало ему придумывать несуществующие взаимосвязи, которые Смирнову намного удобнее критиковать и опровергать.

тех же причин зависят и более длительные колебания конъюнктуры, которые, однако, он не называл циклами (и не мог назвать). Зато среднесрочные колебания в этом же предложении он назвал циклами. Случайностью такая избирательность объяснена быть не может. Ниже мы еще вернемся к этому месту книги Туган-Барановского, поскольку Смирнов считает его центральным в своих доказательствах.

Примечание 10 (на с. 97). Феноменально! Смирнов проделал всю работу за Туган-Барановского. Для этого он объединил два периода из цитаты одной книги (Туган-Барановский 1894) и два – из другой книги (Туган-Барановский 1917/1998), разделенных годами и темами. И создал периодизацию. Только чья это периодизация: Туган-Барановского или Смирнова? Мы думаем, что сам Михаил Иванович от нее бы открестился. Задумайтесь вопросом: а почему, собственно, Туган-Барановский в последней книге не упомянул все четыре периода? Вероятно, дело в том, что, как мы увидим чуть ниже, у него были основания сомневаться в периоде 1850–1873 гг. Главное же совершенно очевидно: ни о какой периодизации длительных периодов смены конъюнктуры Туган-Барановский не думал, иначе бы он об этом прямо написал, поскольку никакого труда добавить еще два периода не было. Словом, Смирнов приписал Туган-Барановскому то, чего тот никогда не делал, и на этом основании выстраивает и свою концепцию, и критику Кондратьева (мы еще вернемся к этому вопросу в прим. 13). А пока, не ограничиваясь цитатой, приведенной выше Смирновым, посмотрим внимательнее, что, собственно, говорил Туган-Барановский по поводу долгосрочных колебаний в работе «Бумажные деньги и металл». Прежде всего рассмотрим период 1850–1870 гг. Создается впечатление, что в этой книге он вовсе не случайно не упоминает его как период повышения цен.

«Другой эпохой, когда добыча драгоценных металлов (золота) внезапно увеличилась не менее значительно, были 50-е гг. закончившегося века, эпоха открытия калифорнийских россыпей и австралийских рудников. И в это время экономисты настаивали на обесценении золота под влиянием увеличения его добычи; но если в это время и наблюдалось повышение товарных цен, то такое незначительное, что самый факт его очень спорен. Во всяком случае, история цен этого времени не дает никаких оснований заключать о каком-либо непосредственном влиянии австралийского и калифорнийского золота» (Туган-Барановский 1917/1998: 320). Напомним, что в «Периодических промышленных кризисах» он все же признавал не только заметное повышение цен в 20-летие 1850–1870-х гг. (Он же 1913/2008: 143, 145 и 146 – см. выше прим. 7), но и определенное (хотя и не решающее) влияние на это повышение роста добычи золота, которое «произвело известное действие на товарный рынок путем расширения спроса на товары», а «прилив золота в Англию не остался без влияния на английские цены» (Там же: 144, 145). В 1917 г. он практически отрицает факт повышения цен. Можно предположить, что Туган-Барановский противоречит своим более ранним высказываниям по причине того, что признание роста товарных цен в результате увеличения количества драгоценного металла (и металлических денег) противоречило выдвигаемой им в «Бумажных деньгах и металле» теории ценности денег. Напомним

(см. выше), что он отрицал в отношении металлических денег количественную теорию И. Фишера (а именно то, что ценность не только бумажных, но и золотых денег зависит от их количества). Такое предположение соотносится с характером Туган-Барановского как ученого, у которого проявлялись колебания во взглядах под влиянием различных причин вследствие недостаточной систематичности его исследований (Кондратьев в упомянутом биографическом очерке [Кондратьев 1923: 20–25 и далее] подробно останавливается на этой характеристике Туган-Барановского). Но как бы то ни было, из данного сравнения взглядов ученого абсолютно ясно, что ни о какой периодичности в длительных периодах колебаний конъюнктуры он не думал и не рассматривал их как длинные циклы. И тем более он не мог думать о какой-то периодизации таких циклов, если он отрицал (существенный) подъем цен в период 1850–1870 гг. Ниже мы найдем еще подтверждения тому, что он не рассматривал длительные колебания хоть в какой-то мере как периодические. Таким образом, ни о какой якобы периодизации Туган-Барановским длинных циклов (ни даже «обширных периодов») не может быть и речи, слова самого ученого опровергают даже предположение о том, что он выстраивал какую-то периодизацию.

Итак, промежуточный вывод. Когда в 1894 г. выходило первое издание «Периодических промышленных кризисов» Туган-Барановского, он указал на то, что помимо колебаний конъюнктуры в промышленных (средних, десятилетних) циклах *могут быть* еще и колебания более длительные. Экономист не случайно привел в пример периоды 1820–1840-х и 1850–1870-х гг. Это были как раз периоды, фактическую основу которых он хорошо знал и мог о ней судить не понаслышке. Но к этому времени представления о длинных волнах были весьма смутные. Ближайшая к выходу книги, говоря словами Кондратьева, «понижительная волна второго цикла» (1873–1896 гг.) еще не была осмыслена; также непонятно, насколько экономисты могли принимать во внимание данные о волне конца XVIII – начала XIX в. Вот почему ученый ограничивается просто констатацией такой возможности, что само по себе было немаловажно, но и не давало ему какого-то приоритета⁶. При этом Туган-Барановский считал, что период 1850–1870-х гг. был периодом повышения товарных цен.

⁶ Длительные периоды колебаний цен уже отмечались в литературе, например У. Джевансом (Jevons 1884), который, по словам С. М. Меньшикова и Л. А. Клименко (1989: 7), исследовал длительные ряды цен и обнаружил длительные периоды понижения и повышения цен, но не смог указать на причины этого явления. Джеванс в своем исследовании ссылается на статью 1847 г. Х. Клайда (см.: Румянцева 2003: 16), которого иногда называют едва ли не первым исследователем, заговорившим о длинных волнах (см., например: Duijn 1983: 59). Отметим, что на эту книгу Джеванса Кондратьев ссылается уже в «Мировом хозяйстве...» (Кондратьев 1922/2002: 322).

В 1917 г., конечно, исторический опыт обогатился. Можно было бы уже вести речь о пяти «волнах»/фазах (т. е. двух с половиной длинных циклах). Но в этот момент ученый увлекся своей теорией ценности денег, и для того, чтобы ей не противоречить, сам же поставил под сомнение идею, что в 1850-е гг. можно говорить о какой-то заметной инфляции. А раз так, естественно, ни о какой периодичности или хотя бы систематичности смены волн конъюнктуры писать он уже не мог.

Другие фрагменты, где он упоминает о длительных периодах повышения цен, тем более показывают, что никакой периодичности в них он не видел. Например, Туган-Барановский ставит в один ряд разные по длительности периоды: эпоху революции цен XVI в. и новейшую эпоху, то есть начало XX в. (Туган-Барановский 1917/1998: 321; см. цитату ниже). Это значит, что ни о каких циклах речи быть не может, так как эпохи разные по длительности (революция цен занимает едва ли не целое столетие) и разделены огромным интервалом. Эпохи различны по своему содержанию (революцию цен Туган-Барановский [Там же: 318] объясняет ростом товарно-денежных отношений, монетизацией экономики XVI в., «развитием денежного хозяйства»). Мало того, такие эпохи он рассматривает не только как синхронные в мировой экономике, но и как локальные. Так, в качестве аналогичного примера он приводит и рост цен на сельскохозяйственные товары в течение ста лет в России (Туган-Барановский 1917/1998: 318). Всякая попытка сделать Туган-Барановского автором теории длинных циклов опровергается самим Туган-Барановским, поскольку циклами он однозначно называет только промышленные средние (7–11-летние) циклы. А то, что механизм роста ценности денег мог быть похожим и в более длительные периоды, для него не означало, что они также имели цикличность. Интуитивно (небезосновательно) он чувствовал, что аналогия здесь вполне уместна, но не более того, идею о длительных периодах он не развивает нужным образом. Он пишет однозначно, что наряду с продолжительными периодами повышения товарных цен существуют **правильные периодические** колебания товарных цен, охватывающие приблизительно десятилетие (Там же: 319/320). То есть продолжительные периоды он не считает правильными и периодическими, как бы ни хотелось этого Смирнову.

Приводим весь фрагмент целиком. Из него читатель может легко увидеть, что экономист озабочен доказательством того, что деньги могут менять ценность безотносительно к их количеству в обращении, а не доказательством существования длинных циклов. Также ясно видно, что Туган-Барановский никак не мог в выделяемых им периодах видеть какие-то правильные длинные циклы:

Наряду с более продолжительными периодами изменения товарных цен всем хорошо известны правильные периодические ко-

лебания товарных цен, охватывающие приблизительно десятилетие. Колебания эти находятся в связи с тем характерным явлением капиталистического строя, которое было названо автором этой книги промышленным циклом. В восходящем фазисе промышленного цикла товарные цены растут; затем следует кризис и цены начинают падать, чем характеризуется нисходящий фазис промышленного цикла. Промышленный цикл представляет собой типичное явление современного хозяйства и наблюдается во всех капиталистических странах с большей или меньшей правильностью.

Относительно этих периодических колебаний денежных цен не может быть никакого сомнения, что они не находятся ни в малейшей связи с колебаниями количества денег. Между тем, колебания эти весьма значительны и устанавливаются статистически без малейшего труда при помощи метода так называемых «чисел показателей». Кривые «чисел показателей» показывают правильные волны денежных цен в зависимости от фазисов промышленного цикла, причем в фазисах подъема «число показателей» стоит выше, чем в фазисе упадка, нередко на несколько десятков процентов.

Это является фактическим доказательством, что ценность денег может весьма значительно изменяться совершенно независимо от изменения количества денег в народном хозяйстве. Относительно причин изменения ценности денег в более продолжительные промежутки времени, напр., в эпоху великой революции цен, в шестидесятых годах и в новейшую эпоху вздорожания жизни, в экономической литературе идут споры, одни экономисты ставят эти изменения цен в связь с изменением количества денег, другие такую связь отрицают.

Мне эта связь кажется весьма сомнительной, и я считаю более правильным объяснять и эти колебания ценности денег по аналогии с колебаниями денежных цен в более короткие промежутки времени. Во всяком случае, только изменения ценности денег этого последнего рода, находящиеся в связи с фазисами промышленного цикла, могут считаться объясненными наукой в достаточной степени (Туган-Барановский 1917/1998: 320–321).

Далее он пишет:

Смена этих фазисов находит себе объяснение в теории промышленных кризисов, которой мы здесь касаться не будем. Достаточно лишь указать на тот всем известный механизм, при посредстве которого изменяется ценность денег в зависимости от движения промышленного цикла.

Понимая этот механизм, мы можем объяснить и колебания ценности денег в более продолжительные периоды времени. От чего зависел, например, подъем товарных цен в последние два десятилетия, являющийся периодом резко выраженного вздорожания жизни, в то время как два предшествовавшие десятилетия характе-

ризовались, наоборот, низкими ценами? От изменения конъюнктуры товарного рынка.

Чем было вызвано это изменение конъюнктуры, над этим мы останавливаться не можем. Скажем только, что и более [Смирнов начинал цитату с этого места, что, несомненно, позволило ему исказить общую идею Туган-Барановского в свою пользу. – Л. Г., А. К.] обширные периоды падения и подъема ценности денег должны быть объясняемы так же, как мы объясняем более короткие периоды волнообразных колебаний ценности денег, охватывающие собой приблизительно десятилетие. Правда, следует признать, что более обширные периоды подъема и упадка денежных цен изучены наукой гораздо менее, чем более короткие циклические колебания. Тут перед экономистом открывается новая, еще не исследованная наукой, область. Но все заставляет думать, что и в этой области действуют те же реальные силы, механизм которых нам ясен в применении к фазисам промышленного цикла (Туган-Барановский 1917/1998: 322).

Вывод. Вышеприведенная (на с. 97) периодизация из четырех длительных периодов колебаний конъюнктуры (с 1825 по 1817 г.) – это творчество исключительно Смирнова, не имеющее никакого отношения к истинным взглядам Туган-Барановского и в еще меньшей степени относящееся к истокам теории Кондратьева. См. также нашу первую критическую статью (с. 76–77 и сноску 4).

Примечание 11 (на с. 97). Как мы видели выше в прим. 10, Туган-Барановский ни о каких длинных циклах речь не вел и длинную цикличность не исследовал. Соответственно никакой эстафеты здесь не было и быть не могло, учитывая разные подходы Туган-Барановского и Кондратьева к цикличности. Конечно, *неудивительно*, что Кондратьев стал в 1921–1922 гг. исследовать большие циклы, но это вовсе не связано с тем, что он заимствовал и теорию, и метод у Туган-Барановского. Это было связано с работой его Конъюнктурного института. Смирнов, к сожалению, избрал метод «зомбирования» читателя, подменяя факты или просто выдумывая их. При этом одна фантазия или искажение нагромождается на другие и в итоге создаются негативный образ и псевдополе для критики.

Примечание 12 (на с. 97). «Фактически оставалось объединить эти два периода в один большой цикл», – утверждает Смирнов. Почему же Туган-Барановский этого не сделал? Смирнов не дает ответа, уводя читателя в сторону от вопроса. А ответ простой. Как мы видели в прим. 10, Туган-Барановский просто не рассматривал длительные периоды изменения конъюнктуры как циклы. Соответственно (как показано в прим. 11) никакой эстафеты от учителя к ученику не было! Отметим также, что хотя, по Смирнову, такое объединение периодов в цикл было просто делом техники, однако реально переход от рассмотрения каких-то периодов

смены конъюнктуры к тому, чтобы попытаться доказать, что здесь есть закономерность и повторяемость, – это серьезный теоретический прорыв. Именно этот прорыв и осуществил Кондратьев.

Примечание 13 (на с. 98). Здесь опять начинается нагромождение одной фантазии Смирнова на другую, поэтому нам придется последовательно развенчивать их. Во-первых, как мы выяснили в прим. 10, Туган-Барановский не говорил и не мог говорить о структуре длинных циклов. Во-вторых, почему Смирнов решил, что структура среднего (промышленного) цикла у Туган-Барановского состоит всего из двух фаз: «восходящий фазис – нисходящий фазис»? Чтобы понять, почему Смирнов настаивает на двухфазовой схеме промышленного цикла у Туган-Барановского, придется вернуться к цитате, которую Смирнов приводит на с. 96. «Колебания эти находятся в связи с <...> промышленным циклом. В восходящем фазисе промышленного цикла товарные цены растут, затем следует кризис, и цены начинают падать, чем характеризуется нисходящий фазис промышленного цикла». Очень характерно, что Смирнов дает цитату, по которой он воспроизводит «модель» промышленного цикла Туган-Барановского, не по его ведущей в данной тематике книге «Периодические промышленные кризисы» (Туган-Барановский 1913/2008), а по книге «Бумажные деньги и металл» (Он же 1917/1998), в которой ученый вообще только вскользь упоминал промышленные кризисы и даже не стал объяснять механизм повышения и понижения товарных цен, механизм, которому он в промышленных кризисах посвятил очень значительное (где-то даже центральное) место. И ясно, что если автор пишет о средних циклах между делом, он не станет перегружать читателя важными подробностями, а даст очень приблизительную схему. И вот на этой-то схеме, походя набросанной экономистом в книге с совершенно иной темой, Смирнов строит всю свою теорию, «не замечая» более полные схемы средних циклов, которые ученый использует в своей профильной по данной тематике книге.

Посмотрим теперь, какие фазы в промышленном (среднем) цикле выделял Туган-Барановский в своем главном труде по промышленным циклам (Он же 1913/2008). В целом он придерживался четырехфазовой модели среднесрочного цикла, хотя иногда и упрощает схему до трех фаз, но в местах наиболее подробного изложения механизма работы цикла их четыре (Там же: 312–313). Сразу отметим, что в длинном цикле Кондратьева речь идет только о двух фазах⁷. Ниже мы еще вернемся к вопросу о том, какую структуру *среднего* цикла считал верной сам Кондратьев (см. прим. 28).

⁷ Хотя некоторые дальнейшие интерпретаторы, такие как Й. Шумпетер (Schumpeter 1939) или японский экономист М. Хироока (Hirooka 2006), и пытались представить длинный цикл в четырех фазах (подобные схемы можно найти в: Меньшиков, Клименко 1989: 76; Полетаев, Савельева 1988: 75). Но это уже другой сюжет.

В-третьих, сразу о порядке следования фаз. Мы уже говорили во вводной статье, что один лишь Смирнов придает какое-то сакральное значение тому, с какой фазы цикл должен начинаться, утверждая, что «кроме вопроса о механизме развертывания циклов Жюгляра большое значение имеет определение их начальной фазы» (с. 102). Экономисты, будь то исследователи среднего или длинного цикла, не считают это серьезной проблемой. Возможно, более систематичным умам и нравится начинать средний цикл с подъема и заканчивать кризисом, но цикл на то и цикл, чтобы совершаться независимо от того, откуда его начинать. Главное, чтобы в нем чередовались одинаковые фазы в постоянной последовательности. Что же касается Туган-Барановского, то не будучи систематиком, он вообще менял порядок перечисления фаз (и даже их количество: две-три, четыре) в зависимости от контекста и того, на чем хотел акцентировать внимание. Так, говоря о том, что Жюгляр был прав, утверждая, что цены растут при подъеме и падают при кризисе и застое, Туган-Барановский рисует трехфазовую структуру: подъем – кризис – спад (Туган-Барановский 1913/2008: 325). На этой же странице и в начале следующей он, рассуждая о накоплении и расходовании капитала, пишет уже то ли о трех, то ли о четырех фазах, да еще используя новые термины: оживление – усиленное оживление (новый термин, равный подъему и буму), кризис и застой. При этом он говорит, что «промышленный цикл завершается застоем» (Там же). Но выше в начале шестой главы он постоянно меняет порядок чередования. Имеет смысл процитировать: «Капиталистическое развитие периодически в том смысле, что оно слагается из чередующихся моментов оживления и застоя, подъема и упадка» (Там же: 312–313; то есть здесь просто противопоставлены противоположные фазы цикла общим числом четыре). Чуть ниже он уже более системно пишет о ходе цикла, начиная его с застоя: «Несколько лет в течение каждого десятилетия промышленность находится в застое, потом следует оживление, которое нарастает, пока не принимает характера ажиотажа, грюндерства; такое положение рынка предвещает наступление реакции, которое может сопровождаться паникой и биржевым крахом...» (Там же: 313). То есть здесь Туган-Барановский говорит последовательно о фазах застоя (депрессии), оживления, подъема, переходящего в спекуляцию, и о кризисе (крахе). Таким образом, в этом месте *он уже начинает цикл с застоя, а не с подъема* (именно так, как считает это правильным А. С. Смирнов).

Но и это ничего не значит, так как на этой же странице чуть ниже он пишет: «Капиталистический цикл обнимает собой, как показывает история английских кризисов, 7–11 лет» и делает сноску к этой фразе на той же странице: «Если считать циклы от начала одного застоя до начала следующего; если же считать циклы от подъема, то последний цикл охватывал даже только 6 лет» (Там же: 313).

Словом, совершенно ясно, что Туган-Барановский не только не придавал какого-либо значения тому, с какой фазы должен начинаться цикл, но и постоянно менял фазу начала в зависимости от контекста (что, повторим, соответствует особенностям его творческой манеры ученого с интуитивным подходом, если верить психологическому портрету Туган-Барановского, нарисованному Кондратьевым [1923: 17–20]). Отсюда понятно, что всякие выводы Смирнова о какой-то строгой «модели» цикла Туган-Барановского свидетельствуют, что он абсолютно не понимает этого ученого, либо речь идет о сознательной дезинформации им читателя. Не было у Туган-Барановского никакой постоянно воспроизводимой им в произведениях схемы среднего цикла, соответственно нечего было и заимствовать Кондратьеву (см. также ниже прим. 23).

В-четвертых, вернемся еще раз к «периодизации» длинных циклов, которую Смирнов приписывает Туган-Барановскому. Поскольку, как мы выяснили выше в прим. 10, 11, 12, никакой периодизации тот не строил, никакого значения соответственно не мог придавать тому, с какой волны, понижательной или повышательной, ее начинать. А значит, Кондратьев не мог ничего у него заимствовать и тем более исправлять. Главное же, повторим, есть прямое свидетельство самого Кондратьева о том, как возникла его периодизация. В своем «Заключительном слове» во время дискуссии 1926 г. (1926б/1989: 332) он упоминает книгу шведского экономиста Кнута Викселя, вышедшую в 1898 г. (Wicksell 1898), о соотношении цен, процентов и накопления, и говорит, что «в эмпирической части книги Wicksell устанавливает с 1782 по 1896 г. (книга появилась с конца 90-х гг.) почти те же большие волны, что и я»⁸. Книга Викселя появилась на 20 лет раньше, чем работа Туган-Барановского «Бумажные деньги и металл» (1917/1998), которой Смирнов придает прямо-таки мистическое значение. Причем периодизацию Викселя Туган-Барановский мог знать – в этом своем произведении Михаил Иванович ссылается на данную книгу Викселя (Туган-Барановский 1917/1998: 289, 292). Но если он не использовал эту периодизацию, то просто потому, что она не требовалась ему для целей данной работы, а главное, потому, что большими волнами конъюнктуры он серьезно не занимался и уж тем более не думал о них как о длинных циклах.

Вывод. Теперь читателю будет проще выпутаться из той паутины недомолвок и подтасовок, которые использует Смирнов. Вся конструкция его «теории» об эволюции взглядов Кондратьева рассыпается. Все переворачивается с головы на ноги и начинает выглядеть вполне закономерно и логично. Ясно, во-первых, что Кондратьеву не имело никакого смысла брать несуществующую периодизацию длинных волн Туган-Баранов-

⁸ Отметим, что К. Викселя как одного из ранних исследователей длинных волн упоминают реже, чем других, что выглядит незаслуженным.

ского, если имелась готовая и признанная периодизация Викселя. Также ясно, почему Кондратьев не упоминал Туган-Барановского среди исследователей длинных волн конъюнктуры. Во-вторых, можно предположить, что если Кондратьев взял за основу во многом разработанную и готовую периодизацию Викселя, то это с точки зрения Кондратьева было очень логично. В-третьих, для развития периодизации специально «включать период 1789–1814 гг.» Кондратьеву не требовалось, так как в периодизации Викселя уже был период с 1782 г. до начала XIX в. В-четвертых, каким-то образом изменять (чтобы начать с повышательной, а не с понижательной фазы, или чтобы подогнать под какую-то структуру среднего цикла, как фантазирует Смирнов) эту периодизацию Кондратьеву не требовалось. Все, что он сделал, – вполне правомерно добавил к волнам Викселя волну 1896–1920 гг. (или, говоря современным языком, восходящую фазу третьего длинного цикла).

Наконец, если бы, например, у Викселя либо у кого-то еще была подтверждена данными еще одна волна (понижательная), скажем, с 1760-го г., то, по нашему мнению, Кондратьев с удовольствием начал бы свою периодизацию с понижательной волны, а не с повышательной. Главной проблемой для него было именно малое количество волн и циклов, а не то, с какой волны начинать периодизацию.

Итак, ни о каком заимствовании Кондратьевым структуры среднего цикла у Туган-Барановского, чтобы перенести его на длинный цикл, ни о каком заимствовании у него периодизации длинных волн с изменением последовательности их фаз речи быть не может. Ничего этого не было, просто не могло быть за отсутствием того, что, по А. С. Смирнову, заимствовалось и изменялось. Все это чистые фантазии Смирнова. Но, подчеркнем, вредные фантазии, которые сбивают читателя и искажают облик российских ученых. Укажем, что Смирнов не мог не знать о признании Кондратьевым использования периодизации Викселя. А следовательно, он сознательно искажает факты в угоду своей выдуманной концепции.

О реальной связи между идеями Кондратьева и Туган-Барановского мы уже говорили, подробнее об этом в прим. 23.

Ну и, наконец, о коронной фразе А. С. Смирнова: «Так, путем простого перенесения модели 7–11-летних циклов Жюгляра были созданы большие циклы из конъюнктурных волн». Ею нельзя не восхищаться с точки зрения ее абсурдности. Вот ведь как, «простым перенесением», «легким движением руки» объясняет Смирнов процесс создания принципиально новой теории Кондратьева. Всем бы так «простым перенесением» создавать теории, которые возбуждают лучшие умы в течение столетия!

Примечание 14 (на с. 98). Фразы Смирнова «гипотеза Туган-Барановского... о подобии модели 7–11-летних и модели больших циклов принципиально ошибочна», и «какую модель циклов Кондратьев исполь-

зовал по гипотезе Туган-Барановского» (ниже, с. 90) лишены смысла, так как Туган-Барановский нигде не пишет ни о больших циклах (а только о длительных периодах колебания конъюнктуры), ни тем более о «модели» (структуре, схеме) большого цикла в сравнении со средним (см. прим. 10, 11, 13). Он касается только *сходства причин* работы среднего промышленного цикла и длительных колебаний конъюнктуры. «Но все заставляет думать, что и в этой области действуют те же реальные силы, механизм которых нам ясен в применении к фазисам промышленного цикла» (Туган-Барановский 1917/1998: 322). Обращаем внимание: «в этой области», а не «в длинных циклах». При этом ясно, что речь идет только о сходстве причин, но не о сходстве структур.

Примечание 15 (на с. 99). Если не знать глубоко материалы дискуссии и полагаться на честность исследователя (Смирнова), то для читателя внешне все выглядит очень убедительным: Кондратьев построил свою теорию на идеях Туган-Барановского, это было обнаружено участниками дискуссии 1926 г., которые считали данное обстоятельство очень важным. Сам Кондратьев и выглядит в такой ситуации бледно, и вроде бы приоритет в создании теории длинных циклов надо отдать его учителю. При этом навязчивая идея о некоем мистическом значении «модели» (структуры, схемы) среднего и длинного циклов, их начальной фазы, местонахождения в такой структуре кризиса, которую неустанно повторяет Смирнов, создает и вовсе впечатление какой-то «темной» истории, в которой Кондратьев играет незавидную роль и которую вытаскивает на свет автор комментируемой нами статьи.

Однако на самом деле последний использует здесь все те же приемы: передергивание, подмену значений слов, выдергивание цитат из контекста и абсолютно безоосновательные их интерпретации, – все, чтобы навязать свою (не имеющую фактических оснований) точку зрения. Мы уже видели (прим. 10, 11, 13, 14), что Туган-Барановский ни о каких длинных циклах не говорил (и не мог говорить), что он не придерживался определенной структуры (модели, по Смирнову) даже в средних (промышленных) циклах. А та структура среднего цикла, которую Смирнов приписывает Туган-Барановскому («восходящий фазис – нисходящий фазис», а кризис – лишь как точка перелома), в целом никак не соответствует взглядам этого ученого.

Нам и далее придется много цитировать, заниматься контент- и лингвистическим анализом, чтобы дезавуировать все утверждения Смирнова, чтобы читатель получил верное представление и о связи идей двух великих экономистов, и о том, какие претензии предъявлялись Кондратьеву во время дискуссии. И мы увидим, что связь между Кондратьевым и Туган-Барановским участники дискуссии видели в теории Туган-Барановского о накоплении капитала, но ни в коем случае не в том, что первый заимствовал у второго структуру длинных циклов, как утверждает Смирнов.

Поэтому начнем с того, что заново процитируем всех участников дискуссии, которые упоминали Туган-Барановского в связи с теорией длинных циклов Кондратьева.

М. И. Спектатор (один из активнейших критиков и ярый марксист): «Я целиком остаюсь на почве марксистского анализа, в то время как Кондратьев съезжает с Туган-Барановского на современных математиков. Точка зрения Кондратьева на **кризисы** (выделено нами. – Л. Г., А. К.) – это точка зрения Туган-Барановского» (Спектатор 1926/1989: 309). **Комментарий:** *Итак, Спектатор ведет речь о точке зрения на кризисы, а не на структуру средних циклов.* «Но он не сумел связать большие циклы даже с этой теорией. Ибо, если держаться той точки зрения, что хозяйственные циклы вызываются возобновлением основного капитала, то при чем тут математическая статистика, которая должна установить какие-то постоянно действующие законы регулярно повторяемых циклов, независимо ни от состава основного капитала, ни от размеров его восстановления» (Спектатор 1926/1989: 309). **Комментарий:** *Именно в этом, в причине цикличности, связанной с колебанием инвестиций, и видели все участники дискуссии связь между теорией Туган-Барановского и Кондратьева, а не в мифической смирновской «модели» цикла.*

В. Е. Богданов (его Смирнов не упомянул, но мы приводим для полноты картины): «Когда докладчик (то есть Кондратьев. – Л. Г., А. К.) развивал этот второй аргумент (о том, что причина периодичности больших циклов заключается в колебаниях в процессе накопления капиталов, см. абзац выше. – Л. Г., А. К.), то мне и многим товарищам пришел в голову Туган-Барановский» (Богданов 1926/1989: 301). **Комментарий:** *Итак, и Богданов видит связь между Кондратьевым и Туган-Барановским только в идее, что цикличность и кризисы определяются в среднем цикле колебаниями в накоплении капитала. Но ни слова о структуре цикла ни среднего, ни большого. Ни слова тем более о том, что есть какая-то гипотеза Туган-Барановского о большом цикле, которую Кондратьев взял у него. И далее докладчик критикует Кондратьева именно за идею о колебаниях в накоплении капитала.*

С. А. Фалькнер (один из активнейших критиков Кондратьева, который наиболее подробно рассматривает связь его идей и построений Туган-Барановского). «Мысль его, теория его, правильно сформулированная, это ничто иное как перенесение **теории** (выделено нами. – Л. Г., А. К.) обычных капиталистических циклов Туган-Барановского на явления больших волн в мировом движении цен» (Фалькнер 1926/1989: 308). **Комментарий:** *Итак, речь по-прежнему идет об использовании теории (то есть объяснении механизма) средних циклов, а не о переносе структуры цикла.* Далее Фалькнер говорит, что «отношение Н. Д. Кондратьева к Туган-Барановскому не вполне удовлетворительное», и приводит длинную цитату из книги «Бумажные деньги и металл» Туган-Барановского,

ту самую, что выше приведена Смирновым и нами. После этой цитаты Фалькнер говорит: «Таким образом, Н. Д. Кондратьев просто осуществляет мысль Туган-Барановского, но даже не ссылается на него» (Фалькнер 1926/1989: 308). Он единственный, кто упрекнул Кондратьева в том, что нет ссылок на Туган-Барановского, и, может быть, не без основания. Возможно, Кондратьеву правильнее было бы более открыто показать взаимосвязь своих идей с теорией Туган-Барановского (тем более что в процессе дискуссии он так и сделал – см. ниже). Однако же, возвращаясь к тому, что писал Смирнов, мы вновь видим: ни о каком заимствовании структуры среднего цикла речи у Фалькнера не идет. Собственно структура средних циклов была установлена давно (еще до Жюгляра). Главным же было (и остается поныне) объяснить причины цикличности! И теория Туган-Барановского именно в этом плане была новой и небезынтересной, так как его идеи потом признавались и использовались рядом исследователей средних циклов (см. подробнее: Туган-Барановский 1913/2008: 56; Хаберлер 2008). Но, разумеется, эта теория встречала (тоже не без основания) и ярых противников, которых было особенно много в стане ортодоксальных марксистов. И в условиях все большего распространения марксистских теорий среди советских экономистов та или иная связь с Туган-Барановским (марксистом относительным и закончившим свою жизнь в рядах противников советской власти) не была плюсом. Возможно, именно поэтому Кондратьев не подчеркивал связь определенных своих идей с Туган-Барановским, хотя мы не исключаем, что имела место и некоторая ревность ученика к учителю. Но, во всяком случае, в ходе дискуссии эту связь Кондратьев явно признал и показал, в чем она состоит и что он использовал, развивая идеи Туган-Барановского. Ниже мы приводим это место, и – повторим – очень жаль, что Смирнов даже не упомянул об этом тексте.

Наконец, Фалькнер заключает: «Но вот, несмотря на такое перенесение теории Туган-Барановского на большие волны, Н. Д. [Кондратьев] совершенно не останавливается на явных дефектах, которые в этой теории имеются», которые ясны «уже по отношению к нормальным капиталистическим циклам»; а значит, делает вывод Фалькнер, «совершенно невозможно применять эту концепцию для объяснения больших волн» (Фалькнер 1926/1989: 308, 309). **Комментарий:** Не вдаваясь в суть аргументов о дефектах теории Туган-Барановского, вновь укажем: спор шел о причинах цикличности, а именно достаточно ли убедительно Кондратьев доказывал механизм и проявления цикличности больших циклов, никак не затрагивая вопроса о структуре средних или больших циклов. Этот вопрос о структуре (модели, по Смирнову) последний просто придумал. Такого вопроса в дискуссии не было!

Д. И. Опарин. Какую же связь между идеями Туган-Барановского и Кондратьева видел главный оппонент последнего Д. И. Опарин? Он

критикует идею Кондратьева о колебаниях в сбережениях, которую использует как одно из объяснений механизма большого цикла. Понятно, что эта идея корнями восходит к теории промышленных циклов Туган-Барановского, который полагал, что «денежное накопление происходит за счет классов, не участвующих непосредственно в торгово-промышленной деятельности... в связи с понижением общего уровня цен в период депрессии» (Опарин 1926a/1989: 277–279). Опарин же считает, что колебания в накоплении денег связаны не с накоплением рантье и чиновников, а с повышением или понижением спроса со стороны торгово-промышленного оборота, поэтому теория Туган-Барановского даже в отношении средних циклов не выдерживает критики (Там же: 279). **Комментарий:** Как видим, идет узкоспециальный спор экономистов о причинах цикличности, ни о какой структуре среднего цикла здесь нет речи. И далее Опарин вполне логично для него делает вывод: «Еще менее основательной является концепция проф. Кондратьева, переносящего представления проф. Туган-Барановского со средних циклов на большие. Если бы даже теория Туган-Барановского была верна в отношении средних циклов, она совершенно не применима к большим циклам» (Там же). **Комментарий:** То есть перенос представлений, по Опарину, означал не перенос структуры, как утверждает Смирнов, а перенос **теории** средних циклов на большие. Далее Опарин оспаривает выводы Кондратьева о накоплении и роли процента. И ни слова не сказано о структуре цикла.

Вывод. Итак, ясно, что оппоненты критиковали Кондратьева за использование идеи Туган-Барановского о колебаниях в накоплении капитала непроизводительными классами. Но дадим слово самому Кондратьеву. В «Заключительном слове», отвечая на критику, он говорит: «Верно, что известная связь моей концепции с концепцией Туган-Барановского имеет место. Но верно также и то, что здесь нет простого переноса теории Туган-Барановского. Я считаю весьма плодотворной мысль Туган-Барановского о накоплении “свободного капитала” и о роли этого накопления. В остальном моя концепция глубоко отлична от концепции Туган-Барановского». Но он также добавляет: «И я не вижу ничего отрицательного в том, чтобы опираться на положения, которые выставлены ранее меня и представляются верными» (Кондратьев 1926b/1989: 342). Все сказано и о связи с идеями Туган-Барановского, включая признание ценности мысли учителя, и об отличиях во взглядах⁹. Но по-прежнему никто из

⁹ Добавим еще, что Смирнов мог бы использовать и текст примечания редакции к этому пояснению Кондратьева. Приводим его: «Кондратьев вслед за Туган-Барановским накопление денежного капитала ставил в зависимость от колебаний уровня цен и их воздействия на сбережения рантье, а также других лиц с фиксированными доходами. В этом механизме накопления Кондратьев выделял еще один фактор – колебания цен сельскохозяйственных товаров относительно промышленных цен и вызванные ими изменения в потреблении и сбережениях. В отличие от Туган-Барановского Кондратьев не рассматривал накопление

участников дискуссии не упоминает о структуре цикла. И почему бы Смирнову просто не привести эту цитату из Кондратьева? Тогда все встало бы на свои места. Нет, создается впечатление, что он почему-то испытывает к Кондратьеву острую антипатию, поэтому к нему очень подходят слова Николая Дмитриевича, сказанные по поводу несуразностей, собранных в критических замечаниях Спектатора, смысл которых примерно следующий: противоречия и несоответствия фактам для М. И. Спектатора не имеют значения, для него важнее не что есть на самом деле, а что он думает о Кондратьеве (см.: Кондратьев 1926б/1989: 339). Таким образом, либо речь идет о сознательной подмене смыслов, либо Смирнов, вычитав у участников дискуссии о сходстве взглядов Туган-Барановского и Кондратьева, но не разобравшись, о чем, собственно, идет речь, начал импровизировать и фантазировать на эту тему, все более увлекаясь своим «открытием» и разоблачением.

Итак, в отношении связи взглядов Кондратьева и Туган-Барановского можно утверждать, что она заключается в использовании первым теории второго о циклических колебаниях в темпах расходования и накопления капитала (в том числе и в отношении сбережений населения). Именно этот момент был важнейшим в теории средних (промышленных) циклов Туган-Барановского. И именно его он имел в виду, делая предположения о причинах смены долгосрочной конъюнктуры в своей работе «Бумажные деньги и металл» 1917 г., на которой строит теории г-н Смирнов. Напомним, что Кондратьев для доказательства наличия длинных волн и сформулированной им так называемой первой правильности¹⁰ продемонстрировал длинноволновые колебания в темпах накопления капитала. А колебания в инвестировании в долгосрочные сооружения (железные дороги, мосты и т. п.) он объяснял в том числе и различной конъюнктурой для накопления и расходования капитала.

Но все-таки *один раз* в дискуссии была упомянута и структура циклов.

Ее упомянул Д. И. Опарин в «Заключительном слове» в следующем контексте, когда он как бы подводил итог разнице в подходах. «Основная разница теоретических концепций (Кондратьева и Опарина. – Л. Г., А. К.), – делает вывод Опарин, – заключается в том, что у проф. Кондратьева имеют место саморазвивающиеся грандиозные циклы, по структуре своей очень близкие к средним циклам (выделено нами. – Л. Г., А. К.), тогда как

денежного капитала как самодовлеющий циклообразующий фактор» (Белянова и др. 1989: 486).

¹⁰ Она включала в себя целый ряд параметров: изобретения, длительные капитальные сооружения, изменения в добыче золота, обмене и денежном обращении и др. Правда, в известной мере часть, касающаяся накоплений населения, выглядела и как самостоятельный аспект механизма длинного цикла, поэтому Опарин был в какой-то степени прав, говоря о накоплении сбережений как о пятой правильности Кондратьева (Опарин 1926а/1989: 276).

у меня наблюдающиеся колебания (длительные по срокам. – Л. Г., А. К.) некоторых экономических элементов объясняются изменением количества золота и влиянием войн» (Опарин 19266/1989: 356)¹¹. **Комментарий:** Таким образом, по-видимому, Смирнов заимствовал именно у Опарина идею о близости структуры средних и длинных циклов. Но, по своему обыкновению, «творчески развил», искажив до неузнаваемости. Во-первых, Опарин не говорит, что Кондратьев заимствовал структуру средних циклов у Туган-Барановского. И такое заявление было бы просто глупым со стороны столь серьезного ученого, как Опарин, ибо структура средних циклов была установлена очень давно, еще до Жюгляра. Во-вторых, А. С. Смирнов по своему методу скомбинировал два разных высказывания: 1) Кондратьев перенес идею Туган-Барановского о колебаниях в накоплении и расходовании капитала как причину средней цикличности на длинные циклы (но здесь не было и речи о переносе структуры среднего цикла на большой); 2) структуры средних и длинных циклов похожи¹². И объединив это, Смирнов еще и приписал авторство структуры цикла (безо всякого основания) Туган-Барановскому. В-третьих, Опарин не развил свое утверждение о сходстве структур среднего и большого цикла, ведь если бы он всерьез в это вник, то не мог бы не заметить существенной разницы по количеству переломных кризисов. Повторим, это был для него абсолютно попутный аргумент, поскольку он пытался доказать, что введение длинных циклов необоснованно. Так, далее он резюмирует вывод из своих расхождений с Кондратьевым (Опарин 19266/1989: 356): «Таким образом, вместо терминов “большие и средние циклы” следует говорить о “длительных” и о “циклических” колебаниях». **Комментарий:** То есть цикличность он оставляет за средними циклами, но за большими цикличности не признает, а признает только наличие волн и колебаний, не имеющих внутренней (эндогенной) природы, а вызываемых внешними факторами. Иными словами, проблема не в том, что структура средних и больших циклов похожа (хотя, как мы увидим в прим. 28, на деле это не совсем так), а в том, что Д. И. Опарин больших циклов не признал.

Примечание 16 (на с. 99). Мы уже говорили, что под моделью и переносом модели среднего цикла на модель большого Смирнов имеет в виду схему цикла (последовательность фаз цикла), которую еще можно назвать структурой цикла. В дискуссии 1926 г. только Д. И. Опарин упомина-

¹¹ Отметим, что позиция Смирнова по природе длинных волн в XIX в. в этой части очень близка к мнению Опарина и ряда других экономистов, но он эту связь не декларирует.

¹² Это в принципе неудивительно для циклов. На структуру среднего цикла похожа структура циклов Китчина и Кузнеца. Структура может быть похожа, потому что речь идет о схожих явлениях различных экономических циклов, связанных с повышающимися и понижающимися фазами цен или других показателей.

нул один раз структуру цикла, но, как мы указываем в прим. 15, это упоминание не было связано с Туган-Барановским. Гораздо больше структуры циклов оппонентов Н. Д. Кондратьева интересовал механизм работы длинного цикла, статистические данные и методы их обработки.

В этой связи (и поскольку Смирнов постоянно использует слово «модель») есть смысл указать, что сам Кондратьев несколько раз в самом конце своего доклада, как бы подводя итоги сказанному, употребляет такие выражения, как «построение модели [большого] цикла» или «построенная модель больших циклов» (Кондратьев 1926/2002: 395, 397). Характерно, что Смирнов умалчивает об этом. Хотя, казалось бы, напротив, он должен был постоянно возвращаться к этим моментам. Почему умалчивает? Дело в том, что хотя Кондратьев не дает четкого определения тому, что подразумевает под моделью больших циклов, это явно не то, что имеет в виду Смирнов, не примитивное «подъем – кризис – спад». Говоря о модели большого цикла, Кондратьев, несомненно, ведет речь о закономерностях, которые придают длинноволновой цикличности регулярность. «Из предыдущего видно, что построенная модель больших циклов в достаточной степени схватывает процесс проявления большого цикла, как этот процесс был констатирован выше эмпирически. Построенная модель показывает, что динамика больших циклов обладает *внутренней закономерностью* (выделено нами. – Л. Г., А. К.)... ритм больших циклов есть отражение ритма в процессе расширения основных капитальных благ общества» (Кондратьев 1926/2002: 395). Эта последняя фраза, кстати, полностью опровергает претензию Смирнова к Кондратьеву, что якобы тот видел только конъюнктурную основу в больших циклах (см. с. 107 и наше прим. 40).

Что же касается того, на чем так яростно настаивает Смирнов, а именно: якобы Кондратьев просто перенес схему (модель) средних циклов Туган-Барановского «повышательный фазис – кризис (в центре) – понижательный фазис» на большие циклы, то средние циклы, как мы предполагаем, не только не давали Кондратьеву какого-то ключа к объяснению механизма (модели) больших циклов, но и в значительной мере осложняли его задачу, поскольку средняя цикличность сильно затемняла длинноволновую. На это указывал, кстати, и Смирнов в отношении длинных циклов в производстве чугуна (с. 107–110, см. наше прим. 43). Недаром сам Кондратьев в самом последнем абзаце своего доклада говорил, что «при построении модели больших циклов мы игнорировали факт существования средних циклов и других колебаний конъюнктуры, которые значительно осложняют ход больших циклов. Для полного объяснения хода конъюнктуры было бы необходимо дать анализ и этих средних циклов, и других колебаний. Однако это не входит в задачу моего доклада» (Кон-

дრательев 1926/2002: 397). То есть Кондратьев не только не перенес структуру средних циклов на большие, но, напротив, при построении модели больших циклов игнорировал наличие средних. Думается, что одного этого достаточно, чтобы понять безосновательность претензий Смирнова к теории Кондратьева.

Примечание 17 (на с. 99). Перед нами очередная фобия Смирнова: как называл Кондратьев средние циклы и почему он менял их обозначения? Смирнов утверждает, что Кондратьев не имел устойчивых научных взглядов, причем не только по средним, но и по большим циклам. Рассмотрим, так ли это. Прежде всего, надо понять, что поскольку до 1920-х гг. в основном в экономической науке шла речь только о жюгляровских циклах, которые не имели четкого названия, именовались по-разному: промышленные, торгово-промышленные, промышленно-торговые, промышленно-капиталистические, деловые, 7–11-летние и т. п. циклы, то понятие «средние циклы» к ним не применялось. Естественно, если речь идет только об одном виде циклов, то они не могут быть малыми, средними или большими. Поэтому в 1922 г. Кондратьев (1922/2002: 322), вполне логично противопоставляя эти циклы предложенным им большим, называет промышленные циклы малыми. То же самое можно сказать о работе 1923 г. «Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта» (Кондратьев 1923/1993: 211–212) и работе 1924 г. «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры» (Он же 1924/2002: 37). Обе эти работы Смирнов не указывает, хотя в них, особенно в работе 1924 г., есть некоторые небезыносные для нашей темы моменты (см., в частности, прим. 79). К тому же сам Кондратьев называет ее «до известной степени введением к работе о больших циклах» (Он же 1926: 167; отметим, что эту работу Кондратьева «К вопросу о больших циклах конъюнктуры» Смирнов также не использует, хотя она во многом подолжает дискуссию 1926 г. с Опариным, а также с другим оппонентом Н. Н. Сухановым). (Анализ работы 1923 г. см. также: Яковец 2002: 716–717; Белянова, Комлев 1989.)

Но уже в работе 1925 г. «Большие циклы конъюнктуры» Кондратьев предлагает условно назвать эти циклы средними (Кондратьев 1925/1993: 25, 26), так как некоторые ученые высказывали мнение о наличии реально малых (3–3,5 года) циклов. Здесь все логично. Теперь 7–11-летние циклы есть с чем сравнить, следовательно, их можно назвать средними. В 1926 г. в докладе на дискуссии он, рассказывая о предыстории вопроса о больших циклах, отмечает: «...однако эти 7–11-летние циклы, по-видимому, не являются единственным типом циклов конъюнктуры. В действительности динамика капиталистического хозяйства сложнее. За последнее время ряд ученых указывает на то, что существуют более короткие, но несезонные колебания конъюнктуры» (Кондратьев 1926/2002: 343). Далее он ссылается

на Китчина и Лакомба в отношении циклов 3–3,5 лет, известных сегодня как циклы Китчина. Соответственно эти циклы и деловые циклы Митчелла Кондратьев называет короткими (Там же: 343–344). Зато циклы 7–11 лет Кондратьев теперь называет средними (Он же 2002: 379–380).

В книге «Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров» 1928 г. (его последней работе по большим циклам) он пишет о циклах «продолжительностью 6–11 лет. В дальнейшем мы называем эти циклы малыми циклами» (Он же 1928/2002: 455). И в сноске на этой же странице поясняет: «Это не совсем точно. Ввиду того что различными авторами отмечается существование еще более коротких циклов (3–3½ года), то циклы, рассматриваемые в тексте, следовало бы назвать **средними** (выделено нами. – Л. Г., А. К.). Так мы и поступали в своей работе о больших циклах (Вопросы конъюнктуры, Т. I, вып. 1). Но так как в данной работе указанных кратких циклов мы не рассматриваем, термин “средние” циклы был бы малоудобен». И на с. 451 отмечает: «...на этом мы закончим разбор вопроса о малых, точнее средних, циклах колебаний цен». Вот и вся история, в которой Смирнов вновь выглядит малоприспособно, поскольку, по своему обыкновению, сделал из мухи слона, умолчав о важных оговорках. При этом он не только исказил подходы Кондратьева, но и в результате обвинил его в неустойчивости взглядов.

Примечание 18 (на с. 100). Как обычно, делая такие утверждения, за которыми читаются обвинения Кондратьева, Смирнов не приводит доказательств сказанному. Выше он обвинял Н. Д. Кондратьева в схематизме и заимствовании чужого (у Туган-Барановского), а в данном контексте в голой эмпирике, в некоей цифромании, так как Кондратьев испытал влияние методики Митчелла¹³. Нет сомнения, что Кондратьеву импонировали многие методы Гарвардского бюро, что во многом он стремился использовать его опыт¹⁴. Но Кондратьев был прежде всего теоретиком (причем ярко выраженным систематиком, стремящимся привести все в систему), чтобы за эмпирикой, феноменологией забыть о сущностях. Недаром он намекает в очерке о Туган-Барановском, что относится ко второму – «систематизирующему» – типу ученых в отличие от Туган-Барановского, которого он относил к первому – «интуитивному» – типу (Кондратьев 1923: 17–20). И если мы посмотрим, как интерпретирует идеи Митчелла Кондратьев, то увидим, что он не опускается до эмпирики, отрицающей жюглярские циклы, а, напротив, как бы подтягивает исследования амери-

¹³ Правда, здесь у него имеется союзник, хотя на него Смирнов и не ссылается, – это Н. А. Макашева. Она считает, что «в книге “Мировое хозяйство”, в других работах, посвященных циклам, Кондратьев предстает как сторонник и последователь Митчелла» (Макашева 2002: 749). Однако и Н. А. Макашева убедительных аргументов в подтверждение сказанному не приводит.

¹⁴ Недаром перевод книги У. Митчелла (1930) делала Е. Д. Кондратьева.

канского Гарвардского бюро к европейским стандартам, говоря, что «американские статистики и экономисты, хотя они и отказываются от идеи строгой периодичности колебаний конъюнктуры, все же отмечают, что в Америке капиталистический цикл разворачивается примерно в течение 3,5 лет. Эти исследуемые ими циклы более или менее соответствуют тому, что в Европе исследовалось под именем 7–11-летнего цикла» (Кондратьев 1926/2002: 343). Ниже (см. с. 160–161) сам Смирнов признает, что к 1920-м гг. у американских экономистов были заметные основания считать циклы не столь сходными с европейскими. Поскольку вопрос о различиях в подходах к анализу средних экономических циклов у американских и европейских экономистов отличается, а Смирнов обращается к этим сюжетам неоднократно, мы тоже вынуждены на них остановиться. (См. также наши пояснения: Гринин, Коротаев, Цирель 2011: 11–14; Гринин, Коротаев 2012: 59–61; Хансен 1959: 73 и прим. 73.)

Примечание 19 (на с. 100). Отметим, что А. С. Смирнов явно пользовался несколько устаревшими данными; к тому же они приведены на слишком коротком ряде данных, не позволяющем увидеть кондратьевские волны в динамике мирового ВВП. Поэтому ниже мы приведем график динамики мирового ВВП по последним данным Всемирного банка (за весь период, по которому его база данных эту информацию содержит), а также график динамики мирового ВВП по базе данных А. Мэддисона, где К-волны представлены особенно наглядно (см. Рис. 1А и 2А):

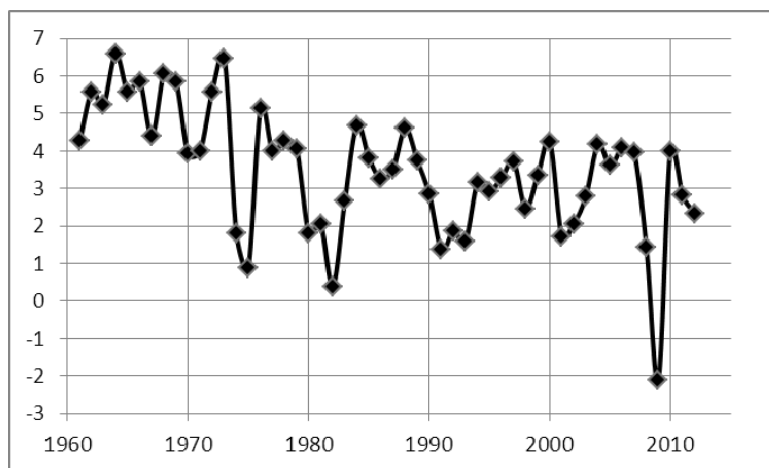

Рис. 1А. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (% в год) по данным Всемирного банка, 1961–2012 гг.

Источник данных: World Bank 2014.

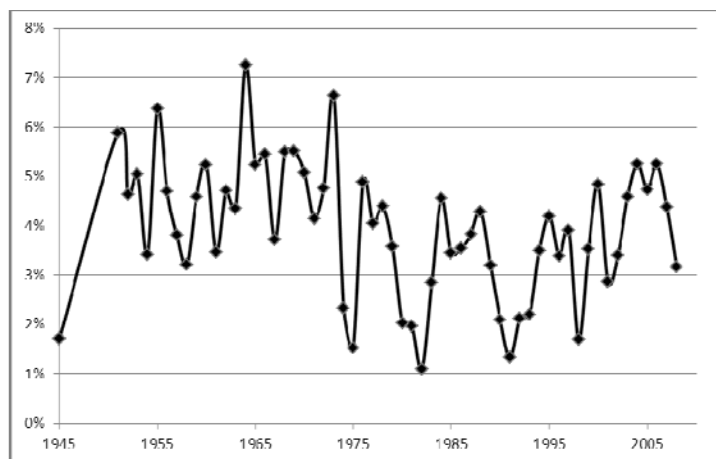

Рис. 2А. Динамика годовых темпов роста мирового ВВП (% в год) по данным А. Мэддисона, 1940-е гг. – 2008 г.

Источник данных: Maddison 2010.

Примечание 20 (на с. 101). Вновь повторим, что если о причинах и даже длительности циклов дискуссии действительно продолжают, правда, сегодня, к сожалению, менее активно, чем ранее, то по поводу того, «какая из фаз этих циклов является начальной», нет никакой дискуссии, равно как ее никогда и не было (неудивительно, что никаких ссылок Смирнов не представил, и вряд ли бы сумел представить их в необходимом объеме). В экономической литературе нередко встречаются высказывания о том, что нет нужды выделять четыре фазы, а можно ограничиться двумя: подъемом и спадом, с двумя точками перелома: одна – верхняя – в середине цикла, а другая – нижняя – между циклами (см. об этом, например: Хаберлер 2008: 220; Самуэльсон, Нордхаус 2009; см. также в нашей теоретической статье в этом ежегоднике: с. 17–18 и сн. 5). Но любопытно, что такие схемы появились уже ближе к середине XX в., то есть много позже работ Туган-Барановского, вероятно, под влиянием школы Митчелла).

Примечание 21 (на с. 102). Разумеется, значение влияния кредитно-финансовой сферы колеблется от цикла к циклу, но эти колебания не имеют правильного ритма. Возьмите, скажем, период 2010–2017 г., который в таблице III Смирнова (в начале его статьи, с. 94) обозначен как цикл инноваций и для которого Смирнову, «характерно меньшее влияние кредитно-финансовой сферы». Уже идет пятый год из восьми, а мы только и слышим об огромном влиянии (по объемам даже большем, чем до кризиса) финансово-кредитной сферы. Или возьмите цикл «сдвига» 1867–1873 гг.

(таблица I), когда объемы грюндерства и мошенничества превысили все предыдущие пределы. В то же время цикл роста 1949–1958 гг. (в таблице III) отнюдь не характеризовался какими-то сверхвлияниями финансово-кредитной сферы, так как Бреттон-Вудская система к этому моменту сложилась и вполне работала при устойчивом долларе. То же касается и пространственного расширения рынков сбыта. Чем, скажем, период 1893–1900 гг. отличался в этом плане, например, от 1900–1907 или 1922–1930 гг.? Мы не видим особых отличий.

Примечание 22 (на с. 102). Такие ничем не доказанные весьма серьезные утверждения, как «производительность труда перестает расти уже в фазе подъема», вызывают недоумения. Во-первых, неясно, когда же, по Смирнову, растет производительность труда? Только в фазе оживления? Не слишком ли это ограничено? На самом деле производительность на фазе подъема может как расти (скорее), так и не расти. Производительность труда может расти даже в период депрессии, если за счет сокращения числа работающих выпускается такой же объем продукции. Во-вторых, почему, по Смирнову, цены растут именно вследствие того, что производительность перестает расти? Цены растут прежде всего потому, что спрос опережает предложение. При этом спрос может опережать предложение как при росте производительности (даже скорее при росте), так и при ее остановке. Иное дело, что производительность труда в период бума обычно растет намного медленнее, чем цены.

Примечание 23 (на с. 102). Мы уже говорили, что Туган-Барановский выделял в промышленном цикле четыре фазы (см. прим. 10, 13), а данную упрощенную схему приводил лишь в книге «Бумажные деньги и металл», в которой промышленные циклы не анализировались вовсе. И то, что Смирнов из всех схем Туган-Барановского взял самую упрощенную, только лишней раз характеризует его добросовестность. Что касается приписываемого Смирновым Туган-Барановскому взгляда, что «кризис представлялся не фазой цикла, а точкой перелома конъюнктуры, тогда как фаза кризиса приходилась на весь “нисходящий фазис”», то таких мест, где Туган-Барановский рассматривал кризис только как точку перелома, а не как самостоятельную фазу среднего цикла, мы не нашли, полагаем, что их не существует. А там, где он выделяет кризис как самостоятельную фазу, он обычно упоминает и фазу застоя (см., например: Туган-Барановский 1913/2008: 313, 325).

Примечание 24 (на с. 103). Приведенная схема сама по себе очень много говорит о странностях подхода автора. Прежде всего, уже название Рис. 2 «Схема цикла Жюгляра с кризисом как **центральной фазой**» противоречит как самой схеме, так и комментарию к ней. В названии схемы говорится о кризисе как о *центральной* фазе, а на схеме кризис стоит в конце цикла, а вместо фазы кризиса – фаза спада. Словом, Смирнов, что назы-

вается, запутался в трех соснах, в своих же названиях, комментариях и схемах. Очень жаль, что на всю эту путаницу приходится тратить столько времени.

Но наиболее поразительное заключается в самой схеме. В самом деле, кто и когда видел кризис после спада? Совершенно очевидно, что кризис не может находиться в нижней точке тренда, поскольку кризис как поворотная точка находится на гребне, а не во впадине. Спад *начинается* кризисом, но никак им не заканчивается. Это абсурд. Спад заканчивается или застоєм (депрессией), или началом оживления (если экономике удалось быстро оправиться). А здесь после кризиса начинается подъем. Что за кризис такой волшебный? Особо отметим, что хотя мы просили автора исправить этот график, он не отреагировал адекватно. Самое печальное, что Смирнов, исходя из этой неправильной схемы, строит критику Кондратьева и его теории. Обратите внимание, что на следующей схеме на Рис. 3 кризис правильно идет перед спадом. Таким образом, одна схема явно противоречит другой.

Примечание 25 (на с. 103). Неверно, что кто-то настаивал именно на такой последовательности фаз, поскольку это несущественный вопрос, см. выше прим. 10, 13, 23. Но вряд ли еще кто-то из экономистов, кроме А. С. Смирнова, поставил бы кризис как нижнюю точку перелома после спада. По нашему мнению, неважно, с какой фазы начинать и заканчивать экономический цикл, но крайне важно придерживаться выбранной последовательности. У Смирнова же, как увидим, много противоречий даже внутри его собственной странной системы. Это касается и периода Великой депрессии в США, которую он зачем-то разделит между двумя циклами. См. об этом прим. 31, 32.

Примечание 26 (на с. 104). Во-первых, критика Смирнова и в отношении Г. Хаберлера неправомерна. Хаберлер рассматривает в качестве фазы, в которой происходит сокращение производства и которая длится многие месяцы, а то и годы, фазу депрессии. Он вообще рассматривает цикл как двухфазовый (процветание, то есть подъем, рост, и депрессия, то есть спад) с двумя точками перелома: верхней – от процветания к депрессии (то есть кризис в специальном смысле) и нижней – от депрессии к началу оживления (Хаберлер 2008: 220). Хаберлер упростил модель среднесрочного цикла (в чем-то сделав ее более применимой к разным вариациям протекания цикла, а в чем-то обеднив, но в целом это была вполне законная процедура). В любом случае он весьма логично не обозначает одним термином и верхнюю точку перелома, и фазу. Поэтому здесь нет никакого недопонимания, а есть правомерное разведение понятий, чтобы избежать путаницы¹⁵. Как мы далее неоднократно увидим, попытки рас-

¹⁵ Мы тоже исключили во избежание путаницы понятие кризиса как фазы, а оставили это понятие в качестве подфазы в фазе рецессии (см. нашу теоретическую статью в настоящем ежегоднике, с. 18).

смаковать кризис то как точку перелома, то как фазу, не поясняя каждый раз, что имеется в виду, позволяют Смирнову подменять понятия и смыслы, но в то же время запутывают и его самого, и читателя.

Во-вторых, важно понимать, что Хаберлер использует понятие депрессии в значении сокращения производства, спада, как оно употреблялось в прежнее время (отсюда и Великая депрессия) в США. При этом термин «депрессия» часто применялся для обозначения как малых рецессий, так и больших депрессий (Харрод 1959: 71). Отметим, что в европейской традиции депрессией часто называли состояние застоя (в отличие от спада). Именно в таком смысле используем это понятие и мы в своей теоретической статье в настоящем альманахе. Таким образом, в европейской и американской литературе термин «депрессия» означал по сути разные фазы экономического цикла (если рассматривать цикл как четырехфазовый). Как иронично пишет М. Ротбард (2005: 150), «...в былые времена мы страдали от почти периодических экономических кризисов, внезапное начало которых называлось “паникой”, а затяжной период после паники назывался “депрессией”. После катастрофы 1929 г. экономисты и политики решили, что это больше никогда не должно повториться. Чтобы успешно и без особых хлопот справиться с этой задачей, понадобилось всего лишь исключить из употребления само слово “депрессия”. С того момента Америке больше не пришлось испытывать депрессий. Ибо когда в 1937–1938 гг. наступила очередная жестокая депрессия, экономисты попросту отказались использовать это жуткое название и ввели новое более благозвучное понятие – “рецессия”. С тех пор мы пережили уже немало рецессий, но при этом ни одной депрессии». Как бы то ни было, в современной экономической литературе для спада часто используется понятие рецессии. Мы тоже обозначили этим термином фазу спада в экономическом цикле, чтобы не использовать для ее обозначения неоднозначное понятие кризиса. Собственно, и А. С. Смирнов ставил знак равенства между фазой кризиса и фазой рецессии, говоря о фазе, «знаменующей наступление экономического кризиса (рецессии)». Смирнов, настаивая на том, что кризис надо рассматривать как особую фазу (то есть как фазу, аналогичную фазам спада), вводит еще и фазу депрессии (то есть застоя), говоря о «сменившей кризис депрессии», которая переводит экономику в новое состояние. Поэтому он считает, что цикл надо начинать с фазы депрессии (застоя), а заканчивать фазой кризиса (то есть спада), как это изображено ниже на его Рис. 3. Но далее он как будто начинает путать депрессию с рецессией, употребляя понятие депрессии то в значении застоя, то в значении спада (см. ниже прим. 31).

Примечание 27 (на с. 104). Эта схема намного лучше предыдущей, по крайней мере, кризис начинается с верхней поворотной точки, а не с нижней, как было в предшествующей схеме. Но все же депрессия счита-

ется с момента достижения дна. А на схеме сперва начинается депрессия, а затем уже в ее ходе достигается дно. Обратите внимание, что на этой схеме показаны четыре фазы цикла, а на предыдущей – только две.

Примечание 28 (на с. 104). Это неверно, мы уже говорили об этом в прим. 10, 13, 23. Однако есть смысл остановиться на некоторых существенных аспектах, которые окончательно дезавуируют утверждения А. С. Смирнова.

Итак, что же все-таки стоит за утверждением о том, что Кондратьев якобы просто перенес схему, структуру (модель) средних циклов Туган-Барановского «повышательный фазис – кризис (в центре) – понижательный фазис» на большие циклы? Прежде всего напомним, что под этой моделью Смирнов подразумевает схему с **двумя** фазами и кризисом как точкой перелома. «Кризис представлялся не фазой цикла, а точкой перелома конъюнктуры, тогда как фаза кризиса приходилась на весь “нисходящий фазис”» (с. 102, см. прим. 23). Здесь налицо явная попытка Смирнова исказить идеи рассматриваемых им ученых, чтобы его собственные смотрелись более выигрышно. Выбрав наиболее примитивную схему среднего цикла из всех, которые использовал Туган-Барановский (о взглядах Туган-Барановского на структуру среднего цикла см. наши прим. 10, 13), он пытается доказать, что именно эту примитивную двухфазовую схему Кондратьев и заимствовал¹⁶. И как обычно, приписывая фантастические действия Кондратьеву, Смирнов на него прямо не ссылается. Посмотрим, каких взглядов на средний цикл придерживался Николай Дмитриевич. Оказывается, Кондратьев однозначно говорил, что **средний** «целый цикл, как правило, складывается из **трех** (выделено нами. – Л. Г., А. К.) основных фаз – подъем – кризис – депрессия» (Кондратьев 1926/2002: 343, см. также с. 379). Итак, у него в схеме среднего цикла значилось **три фазы**¹⁷.

Теперь любому человеку видно, что между вышеуказанной схемой среднего и большого цикла есть очень существенная разница: в схеме среднего цикла Кондратьева три фазы, а в схеме большого цикла Кондратьева – только две. Кризис при этом выступает в схеме Кондратьева в среднем цикле как фаза, а в схеме большого цикла он не является особой фазой, а только точкой перелома (и то не всегда).

Таким образом, по Смирнову получается, что для большого цикла Кондратьев за чем-то заимствовал схему среднего цикла с двумя фазами, но в то же время везде указывал, что схема среднего цикла состоит из трех фаз¹⁸. Вся эта явная нелепица показывает, что утверждение Смирно-

¹⁶ А ниже А. С. Смирнов еще имеет дерзость критиковать эту самую упрощенную схему цикла как «неполную модель циклов», которая «порождает неразрешимые противоречия».

¹⁷ Кондратьев здесь, таким образом, объединил фазу оживления и фазу подъема в одну, что вполне допустимо.

¹⁸ Отметим, что если бы даже Кондратьеву и надо было заимствовать схему среднего цикла, то он мог это сделать у кого угодно, начиная с Жюгляра (обратите внимание, что их трехфазовые схемы довольно похожи).

ва, которому тот придает исключительно важное значение: «Кондратьев, следуя за Туган-Барановским, для построения больших циклов взял модель циклов Жюгляра с кризисом в центре» (с. 104), – лишено всякой фактической основы. Наконец, между схемами среднего и большого циклов есть еще одно важное, даже фундаментальное, различие, которое никак нельзя обойти. В среднем цикле кризис разделяет фазу подъема и спада (и даже если кризис поставить не в середине, а в конце цикла и начинать цикл со спада, то кризис будет разделять подъем и спад). А в большом цикле кризисы разделяют не только подъем и спад, но и сами большие циклы, то есть в среднем цикле надо вести речь об одном переломном кризисе (либо между фазами, либо между циклами), а в больших – о двух: и между фазами, и между циклами.

Таким образом, мы вновь убедились, что все утверждения Смирнова об истоках теории длинных циклов Кондратьева основываются на подтасовках, подмене смыслов, неувязках, прямых выдумках и весьма странных графических схемах (таких как схема на Рис. 2). В отношении неверности фразы на с. 104: «Он даже исправил Туган-Барановского, введя первой повышательную волну 1789–1809 гг.» см. выше прим. 13.

Примечание 29 (на с. 105). Даже если бы хронология Кондратьева соответствовала тому, что пишет Смирнов, здесь не было бы ничего странного. Длительность циклов не есть константа, средний цикл охватывает от 7 до 11 лет, но некоторые циклы бывают короче или длиннее этой «вилки» (см. также прим. 13). А с учетом того, что в последний указанный Смирновым цикл была включена война, это не могло его не деформировать. Однако в данном месте статьи Смирнова особенно удивляет, насколько он перевирает факты, причем совершенно безо всякой для этого причины. Примечательно, что ссылок на страницы работы Кондратьева по-прежнему нет. Между тем сам Кондратьев в работе «Мировое хозяйство...» (Кондратьев 1922/2002: 323) пишет: «Новая повышательная волна большого цикла, начавшись в 1896 г., продолжалась до войны. Теперь мы знаем, что она продолжалась и во время и после войны. Если считать ее повышение до кризиса 1920 г., то ее продолжительность измеряется 24 годами» (примерно та же мысль и на с. 335 и 337). Откуда у Смирнова вообще взялся 1924 г., если книга Кондратьева вышла в 1922 г.? Но Смирнов не просто «перепутал» годы. Он ставит Кондратьеву в упрек, что «к тому же цикл 1911–1924 гг. не совпадал с завершением большой волны 1896–1920 гг.», когда Кондратьев ясно говорит, что повышательная волна третьего цикла закончилась в 1920 г.

Смирнов, кроме того, еще и придумал за Кондратьева схему трех средних циклов, при этом «не заметив» того, что до 1914 г. Кондратьев выделяет не два, а два с половиной цикла: 1896–1903; 1903–1910 и далее: «С 1910 г. перед самой войной начался повышательный период нового

малого цикла... в 1913 г. появились совершенно определенные признаки нового экономического кризиса или депрессии этого малого цикла. Но в этот момент началась война» (Кондратьев 1922/2002: 323). Далее Кондратьев пытается определить место депрессий 1913 и 1920–1921 гг. в системе малых (средних) и больших циклов. Он говорит о том, что война оборвала третий довоенный малый цикл и фактически положила начало новому малому циклу (так как в связи с войной конъюнктура пошла вверх). И последний завершился кризисом 1920–1921 гг. (Там же: 334, 335). «Кризис 1920–21 годов... положил конец восходящей волне малого цикла, для которого война послужила исходной точкой» (Там же: 335). Таким образом, Кондратьев фактически говорит о трех с половиной циклах – с 1896 г. по 1920–1921 гг. Последний цикл у него выглядел как 1914–1920/21 гг., что практически совпадало с позицией тех экономистов (Ф. Фейлера и В. Шлютера, см. ниже), которые, по мнению Смирнова, правильно выделяли средние циклов начала XX в.

Примечание 30 (на с. 105). Однако речь должна идти только о *депрессии* 1913–1914 гг., но никак не о кризисе, поскольку никакого экономического кризиса в 1914 г. не случилось, а были только его предвестники.

Примечание 31 (на с. 105). Было бы очень желательно убедиться, что и сами цитируемые Смирновым авторы придавали такое исключительное значение моменту, с какой фазы цикл начинать, а с какой заканчивать. Хорошо бы, чтобы А. С. Смирнов подтвердил это прямыми цитатами из их работ. Однако очень сомнительно, что он смог бы это сделать, поскольку мы полагаем, что такое строгое различие есть «выдающееся открытие» исключительно только одного г-на Смирнова. А все остальные экономисты вряд ли придадут этому большое значение (см.: Хаберлер 2008: 220). Например, Хансен в своей замечательной книге приводит графики целого ряда циклов Жюгляра. Он начинает, как и Туган-Барановский с Кондратьевым, с подъема, в вершине графика явно виден кризис как точка перелома, а заканчивает спадом или депрессией в зависимости от хода цикла, но кризис у него стоит явно в центре. Один график приводит и Смирнов (Рис. 12), на котором тоже видно, что кризис стоит в центре, а не в конце цикла, но не так наглядно, как на графике, приведенном нами ниже.

Абсолютно четко видно, что кризис 1929 г. стоит на этом графике в центре. Проблему, которую Смирнов выдумал (с какой фазы должен начинаться цикл), он усложняет еще и тем, что (как мы уже указывали в прим. 26) постоянно подменяет понятия, употребляя термин «кризис» то в значении точки перелома, то в значении фазы спада.

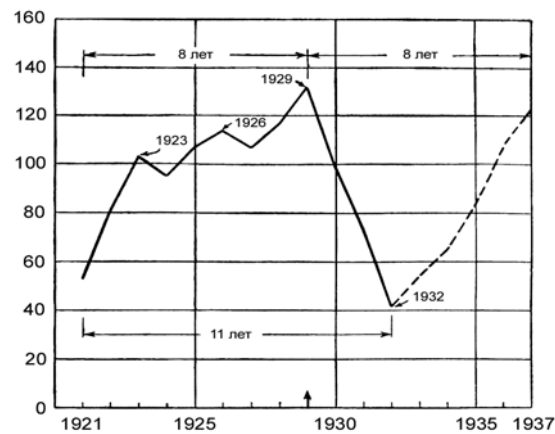

Рис. 3А. Среднесрочный цикл 1921–1933 гг. Индекс производства промышленных товаров длительного пользования (1935–1939 гг. = 100)

Источник: Federal Reserve Board, Index of Production of Durable Manufactures (приводится по книге Э. Хансена [1959: 87, Рис. 16]).

Примечание 32 (на с. 105). Признаемся, здесь нас Смирнов совсем запутал, поскольку сам он не считает нужным оглядываться на то, что написал ранее. Выше, на с. 104 перед схемой на Рис. 3, он писал: «Сменившая кризис депрессия означает переход в новое состояние экономики. Таким образом, циклы Жюгляра начинаются с депрессии, когда хозяйственные диспропорции слабеют, и через оживление цикл переходит в подъем». То есть он настаивает, что цикл надо начинать с фазы депрессии (или застоя) и заканчивать кризисом в широком смысле (то есть спадом, или рецессией). Теперь, цитируя Гринспена, он утверждает, что правильно, если цикл начинается с оживления: «...с оживления 1993 г. до рецессии 2001». Однако именно с оживления (с повышательного фазиса) цикл начинался, по утверждению же Смирнова, у Туган-Барановского и заканчивался спадом, или рецессией (см. схему на Рис. 2). В чем заключается разница между подходом Гринспена, который Смирнов одобряет, и подходом Туган-Барановского (в интерпретации Смирнова), который тот не одобряет? Абсолютно непонятно.

Дополнительно обращаем внимание на то, что и в целом ряде выделенных им циклов не соблюдается его же «модель»: цикл должен начинаться с фазы депрессии и заканчиваться фазой спада (кризиса в широком смысле слова). Рассмотрим его цикл 1931–1938 гг. Если обратиться к графику Хансена (см. Рис. 3А, помещенный нами к прим. 31), то на нем хорошо видно, что в 1931 и 1932 гг. продолжалось падение. То есть это была еще фаза кризиса (спада, рецессии), а не депрессии, как, вероятно, полагает Смирнов, поскольку он, согласно своей схеме, начинает цикл с депрессии.

Следовательно, 1931 и 1932 гг. должны относиться к циклу 1922–1930 гг., а не начинать новый цикл, как считает Смирнов.

Вывод. Все вышеизложенное говорит о том, что важнейшее, по Смирнову, различие, с какой фазы начинать цикл, на самом деле является полной схоластикой, в которой запутался и сам Смирнов.

Примечание 33 (на с. 106). Насчет придуманного Смирновым военного цикла см. прим. 29.

Примечание 34 (на с. 106). Выше Смирнов несколько раз утверждал, что модель цикла у Туган-Барановского и Кондратьева – «повышательный фазис – кризис – понижательный фазис». То есть спад в интерпретации Смирнова заканчивал цикл. Теперь же Смирнов утверждает, что у них цикл начинается со спада, да еще с промежуточного. Представляется, что Смирнов превзошел самих иезуитов в абсурдности обвинений. Либо человек совершенно не оглядывается на то, что он написал выше, либо считает, что оппонентов можно обвинять в любых грехах.

Примечание 35 (на с. 106). Опять напоминаем, что никакой периодизации длинных циклов Туган-Барановский не строил, не давал и не мог давать, см. прим 10, 13. Также мы показали (прим. 28), что никакой модели средних циклов Кондратьев не заимствовал.

Примечание 36 (на с. 106). Это замечание как нельзя лучше показывает, что А. С. Смирнов может в одном месте утверждать одно, а в другом – ровно противоположное, не придерживаясь никакой, даже собственной логики. Так, на с. 104 Смирнов утверждал, что кризисом надо считать целую фазу, а не точку. По его словам, Хаберлер «до конца не осознал того факта, что кризис – это не точка перелома конъюнктуры, а целая фаза цикла, продолжающаяся много месяцев». Здесь же он говорит о кризисе именно как о точке конъюнктуры, причем не высшей, а низшей. В любом случае, Смирнову надо бы определиться: либо кризис – это фаза, которой заканчивается цикл (и тогда кризис равен спаду, что соответствует схеме на Рис. 3), либо кризис – это точка. Но эта точка никак не может быть «низшей точкой конъюнктуры», а только ее высшей точкой. (Кстати, на схеме на Рис. 3 Смирнов сам правильно изображает кризис в высшей точке конъюнктуры.) Что такое высшая точка конъюнктуры? Это момент, период перелома, после которого в тенденции цены уже больше не возрастали, а начинали снижаться. Этот момент перелома обычно связан с тем или иным среднесрочным жюгляровским кризисом.

Почему кризис у Смирнова ассоциируется с низшей точкой конъюнктуры, одному богу и Смирнову ведомо (но видно, что схема на Рис. 2, на которой кризис показан после спада, не случайность, а убеждение, хотя она и противоречит его же схеме на Рис. 3. Возможно, г-н Смирнов «колеблется вместе с генеральной линией», только какой линией, неясно.). Либо он ничего не понял в экономических циклах, либо надеется, что читатель ничего в них не понимает и его можно запутать. А может быть, он стремится любым способом доказать, что его абсурдная схема на Рис. 2,

на которой кризису предшествует спад, верна. Но так или иначе он полностью потерял логику и запутался в своих же утверждениях.

Если же рассматривать приведенную схему на Рис. 4 большого (длинного) цикла, то, несмотря на попытки Смирнова найти в ней какие-либо несоответствия, она в целом отвечает реальной логике больших циклов. Сначала идет повышательная фаза. Далее после исчерпания потенциала к росту (цен или ослабления динамики роста ВВП) возникает перелом тенденции. Поэтому в центре большого цикла обязательно находится кризис (жюглярровский кризис, который на схеме показан как верхняя точка перелома). Что касается первого длинного цикла, то и 1810, и 1818 г. (крайние точки перелома на данной схеме) – это весьма жестокие экономические кризисы в Англии и других странах. И период 1870–1875 гг. маркируется тяжелейшим кризисом 1873 г. И 1914–1920 гг., помимо войны, характеризуются кризисами 1918 и 1919–1920 гг. Кризис 1948 г. был не столь жестоким, но также довольно чувствительным. Наконец, период 2000–2010 гг. у нас перед глазами.

Однако есть очень важный момент, о котором уже шла речь в прим. 28. Дело в том, что для большого цикла, в отличие от среднего, крайне важно, что экономическими кризисами маркируются не только перелом между фазами, но и границы больших циклов. Таким образом, между повышательной и понижательной фазами длинного цикла кризис может быть только в высшей точке конъюнктуры. Но между окончанием одного длинного цикла и началом другого (когда старый цикл заканчивает свою понижательную фазу, а новый начинает свою повышательную) тоже есть кризис. Здесь он отражает низшую точку конъюнктуры. То есть в большом цикле – два переломных/пограничных кризиса, а в среднем – только один. И эту разницу между средним и большим циклами Смирнов не просто упускает, он ее упорно не замечает, несмотря на то, что мы ему специально об этом писали. Соответственно его претензии к схеме большого цикла не имеют никаких оснований. Но опять же подчеркнем, что и для больших циклов нет никакой принципиальной разницы, с какой фазы их начинать: повышательной или понижательной¹⁹.

Примечание 37 (на с. 106). Почему Кондратьев должен был подстраивать большие циклы под средние и почему он должен был при этом что-то скрывать, абсолютно непонятно. Но образ Кондратьева как ученого у Смирнова рисуется весьма жалким. Хотя это, разумеется, фантазии Смирнова. Кондратьев прежде всего стремился найти подтверждение существованию больших циклов. Для его оппонентов самые лучшие абстрактные схемы были бы смешными без доказательства фактами и цифра-

¹⁹ Например, В. Томпсон и Дж. Модельски предлагают начинать длинные циклы с понижательной фазы (см., например: Modelski 2001; 2006; Modelski, Thompson 1996; Thompson 2007).

ми. Поэтому Кондратьев демонстрировал большие циклы в реальном движении тех или иных показателей. И таких схем у него сколько угодно (см., например: Кондратьев 1928/2002: 437, см. ниже Рис. 4А).

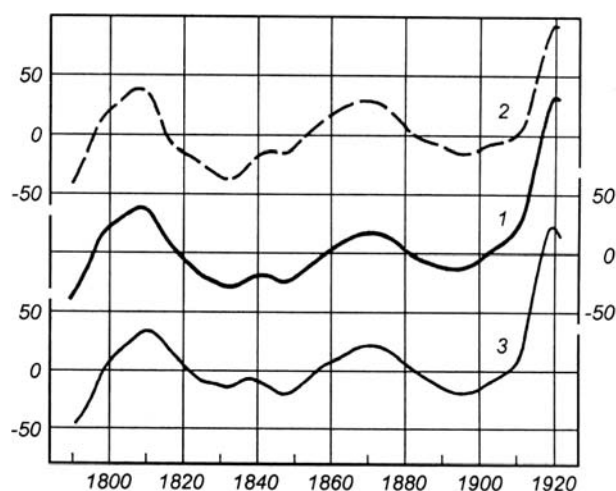

Рис. 4А. Большие циклы индексов цен

Примечание: 1 – общий; 2 – промышленных товаров; 3 – сельскохозяйственных товаров.

Примечание 38 (на с. 106). По поводу того, что Туган-Барановский ничего не говорил о больших циклах и соответственно никаких периодизаций длинных циклов не строил, см. прим. 10, 13. Что касается выражения «начало больших циклов с понижательного фазиса, как у Туган-Барановского, ставило кризисы в центре большого цикла», то оно лишено смысла, так как базируется на идее Смирнова, что кризис должен находиться в нижней точке как среднего, так и длинного цикла, а не в высшей. Поэтому никакого *парадокса* здесь нет, он есть только в воображении Смирнова.

Примечание 39 (на с. 107). Очень сложно понять, что, собственно, здесь имел в виду Смирнов. Выше на с. 106 он утверждал, что Кондратьев нигде не представлял «графической модели больших циклов», то есть что такая модель Кондратьева – это реконструкция Смирнова. А здесь утверждает, что под эту модель подгонялись показатели, которые изображались Кондратьевым в форме графиков. Одно из двух: либо графики Кондратьева отражали его понимание реальных процессов, либо он все-таки представлял графическую модель больших циклов. Что касается фразы «Но мы уже не видим попыток совмещения циклов Жюгляра и больших цик-

лов конъюнктуры. Они оказались для Кондратьева затруднительными», то она также несет в себе противоречия. Если Кондратьев не делал попыток совмещения моделей средних и длинных циклов, то к чему вся поднятая Смирновым волна критики? А если продолжал совмещать, тогда получается, что позиция Смирнова страдает абсолютной непоследовательностью.

Примечание 40 (на с. 107). См. прим. 10, 13, а также 16, где мы показываем, что никакой конъюнктурной основы цикличности теории больших циклов Туган-Барановский не формулировал, а лишь несколько раз упомянул нерегулярные длительные колебания конъюнктуры.

Примечание 41 (на с. 107). Здесь Смирнов явно наводит тень на плетень. Он не может не знать, что Кондратьев абсолютно ясно и четко подчеркивал инновационную, инвестиционную и технологическую основу длинной цикличности. В частности, Кондратьев формулировал положение об особой инновационности понижательных фаз больших циклов и одновременно о большей инвестиционности их повышательных фаз в так называемой первой правильности (Кондратьев 1926/2002: 370–374). Обратите внимание, что ниже на с. 127 Смирнов, как ни в чем ни бывало, говорит о том, что Шумпетер развил инновационную теорию больших циклов Кондратьева.

Примечание 42 (на с. 109). Мы оставляем на совести Смирнова грубые обвинения в фабрикации. Любой человек, читающий материалы дискуссии 1926 г., увидит, что никто из оппонентов не заявлял о фабрикации доказательств, напротив, ряд участников говорили об их корректности (например, М. В. Игнатьев). Так, Д. И. Опарин, главный оппонент Кондратьева, говорил о методике последнего как «об очень интересных математических приемах проф. Кондратьева» (Опарин 1926a/1989: 228). Хотя Опарин и оспаривал их, но не говорил ни слова о том, что в них есть сознательные подтасовки. Далее Опарин довольно детально описывает выравнивание с помощью девятилетней подвижной средней (метод элиминации всех колебаний девяти лет и меньшей длительности) как вполне законное. И описав далее всю методику Кондратьева, включая «извлечение вековой тенденции и сглаживания средних, малых и прочих колебательных движений», после чего «в рассматриваемых им элементах остались только колебания больших циклов» (Там же: 231), он даже говорит: «В вышеизложенной методике проф. Кондратьева, несомненно, заключается значительный шаг вперед по сравнению с его прежними теоретическими утверждениями в отношении понятия и методов исследования конъюнктуры», «проф. Кондратьев правильно измеряет конъюнктурные колебания больших циклов не в отношении предшествующих моментов, а в отношении вековых тенденций» (Там же). Он также ставит Кондратьеву в заслугу, что тот применил к обработке богатых эмпирических данных «уточненные математические приемы» (Там же: 292). Таким образом, не-

смотря на всю обстоятельную критику Опарина о каких-то подтасовках в его докладе и заключительном слове речь не шла, да и не могла идти²⁰. Главные расхождения заключались в методике определения «вековой тенденции», то есть нециклического тренда изменений (например, цен или роста зарплаты) в течение длительного времени. Вокруг линии этого тренда и должны демонстрироваться длинные циклы. И эти линии векового движения, «если только они найдены правильно, можно назвать... линиями схемы равновесия для колебаний длинных периодов» (Опарин 1926a/1989: 231). Значительная часть дискуссии (причем не только Опарина и Кондратьева, но и других участников: М. Е. Подтягина, М. В. Игнатьева и др.) и была посвящена спорам вокруг того, как рассчитывать эту линию векового движения. По словам М. Е. Подтягина (1926/1989: 293), ранее при изучении средних циклов «проблема векового движения ни статистически, ни экономически не требовала огромного внимания, и вековое движение изучалось постольку, поскольку его формы влияли на форму и длительность кратких циклов». То есть для исследования нового типа циклов Кондратьеву потребовалось создать и новую методику, которая могла оспариваться, но никак не заслуживала характеристики подтасовки. Несмотря на ожесточенные споры, сказать, кто оказался прав в такой методике, сложно. Однако даже современный критик Кондратьева С. Губанов, критикуя методику, никоим образом не упрекает Кондратьева не только в подтасовках, но и в каком-то субъективном «произволе», признавая, что такого субъективного произвола не было. Далее он пишет: «Но отсюда, по логике, вытекал и такой вывод: объективно произвол не исключен, его приходится избегать субъективно, а тогда все отдается на усмотрение самого исследователя и зависит от его понимания границ произвола – в таком случае у разных исследователей возможны самые разные, в том числе взаимоисключающие результаты, рассуждая примерно в том же духе, многие участники дискуссии подчеркивали неудовлетворительность кондратьевского метода» (Губанов 1999: 65).

Итак, поскольку инструмента для анализа длинных циклов не было, Кондратьевым была создана новая методика, небезупречная, но вполне правомерная. Методика же всегда вызывает критику, пока не становится общепринятой. Сам Губанов не принимает ни методику Кондратьева, ни методику Опарина, заявляя, что тогдашняя статистика и методика экономической науки была объективно слаба и не могла решить вопрос о длинных циклах. И Губанов предлагает свою «объективную» методику проверки. Мы сильно сомневаемся, что она более «объективна», чем конд-

²⁰ В некоторых местах, правда, Опарин как бы намекает на произвол со стороны Кондратьева (см., например: Опарин 1926a/1989: 235), но разъяснения Кондратьева вполне объясняют его действия (например, что отход от формально-математического метода в отношении некоторых периодов был связан не с произволом, а с отсутствием данных и т. п. [Кондратьев 1926b/1989: 324–325]).

ратьевская, но это другой сюжет. Пока ясно, что, во-первых, ни современные Кондратьеву, ни современные нам критики не обвиняли Николая Дмитриевича в подтасовках и произволе в выборе методики. Такие обвинения – это уже интерпретации г-на Смирнова. Во-вторых, теория Кондратьева отнюдь не была «весьма легким объектом жесткой критики» со стороны советских экономистов, как считает Смирнов. Даже Губанов не может отдать здесь предпочтение ни Кондратьеву, ни Опарину. Мало того, Губанов вынужден признать, что у Опарина «научной критики не получилось» (Губанов 1999: 63). Главная проблема во время дискуссии заключалась в том, что циклов, по которым была статистика, оказывалось очень мало: от двух до полутора или даже одного. Сделать уверенный вывод отсюда было весьма сложно, недаром и сам Кондратьев говорил все-таки о том, что существование длинных циклов возможно с высокой степенью вероятности. Поэтому можно было согласиться с выводом С. А. Первушина, что со статистической точки зрения ни Н. Д. Кондратьев ничего не доказал, ни Д. И. Опарин ничего не опроверг, поскольку они оперировали с полутора-двумя циклами» (Первушин 1926/1989: 294²¹). Значимость Кондратьева как ученого заключается в том, что, несмотря на огромные статистические и методологические трудности, он увидел наличие длинных циклов и смог найти для них весьма значимые онтологические объяснения. Дальнейшие исследования, как и дальнейшее развитие экономики в целом, скорее подтвердили, чем опровергли теорию длинных циклов. И хотя она до сих пор находится в статусе теории-гипотезы, тем не менее нельзя согласиться ни с С. Губановым, ни тем более с А. С. Смирновым, что она живет только благодаря неким иллюзиям и экономико-математическим ошибкам.

Если рассматривать аспект технического исполнения расчетов и графиков, то он был на высоте. Даже такой критик математических приемов для выявления больших циклов Кондратьева, как В. А. Базаров, писал: «Все эти технические операции выполнены с большой тщательностью, со всеми требуемыми существующей теорией предосторожностями, – поручкой за это является уже само имя Н. С. Четверикова, принимавшего участие в математической части работы проф. Кондратьева» (Базаров 1926: 86; см. также: Белянова и др. 1989: 477, прим. к с. 178). Любой человек с непредвзятым мнением поймет, что в условиях, когда кто-то делает за тебя часть математической работы, просто немислимо, не подставившись, пытаться что-то «подтасовывать». Твой же сотрудник тебя и поймает на этом.

²¹ Примерно о том же говорят и С. М. Меньшиков с Л. А. Клименко (1989: 12): ни примененный Кондратьевым, ни даже другой, более совершенный математический аппарат не может с достаточной вероятностью ни подтвердить, ни опровергнуть существование длинных циклов.

Важно учитывать, что Кондратьев нигде не скрывал, какие методы и приемы обработки данных и представления данных на графиках он использовал. Напротив, он самым подробным образом объяснял их в любой своей работе (особенно показательна в этом плане работа «Динамика цен...» 1928 г. [Кондратьев 1928/2002]). При этом он объяснял их со всеми видящимися ему недостатками данных методов.

Это значит, что сам он не считал свои методы нечестными, напротив, всячески подчеркивал, что стремился избегать произвола (Кондратьев 1926a/1989: 178) и не боялся их объявлять и объяснять. Если бы методы были недостаточно научными, он явно не решился бы их представлять на дискуссии. Это просто означало подставить себя под критику. Поэтому в отличие от утверждения Смирнова повторим, что выводы и методы Кондратьева отнюдь не были легкой добычей, «легким объектом жесткой критики» для советских экономистов.

Следует заметить, что дискуссия в отношении новой теории для того и устраивается, чтобы она была проверена жесткой критикой. Дискуссия – не хвалебное собрание, а испытание теории на прочность. Поэтому удивляться тому, что теория Кондратьева критиковалась, по меньшей мере странно. Не говоря уже о нелюбви к нему, ревности и стремлении показать себя. Дискуссия на то и дискуссия. Ее необходимые условия: а) критически воспринимать аргументы основного докладчика; б) если выступающий не критикует, кажется, что он не работает; в) каждому хочется сказать о своем.

Однако важно иметь в виду, что критика у разных оппонентов Кондратьева была противоречивой и по разным поводам. Вообще если свести количественно все критические замечания в группы, то замечаний собственно о неправомерности методов математической обработки графиков и математических способов интерпретации данных вовсе не так много. При этом большинство из них касается довольно сложных вопросов, например какой метод определения цен для учета вековой тенденции, Касселя или Кондратьева, правильнее. Или Д. И. Опарин (1926a/1989: 236) утверждает, что если для средних циклов метод подходит, то для больших, поскольку циклов очень мало, применение формально-математического метода малопригодно. Но ясно, что это уже споры о методике, причем определить, кто прав, а кто нет, крайне сложно. Довольно обстоятельный анализ математической обработки статистических рядов Кондратьева и некоторых его последователей дается в книге А. В. Фоминой (2005: гл. 1, § 3) с вполне удовлетворительными выводами относительно корректности их применения.

При анализе обвинений Кондратьева, по изящному выражению Смирнова, в «фабрикации циклов» надо иметь в виду, что графические изображения вообще всегда условны и для большей выразительности требуют различных приемов, искажающих в той или иной мере реальность.

Только человек, незнакомый с методиками экономистов, может удивляться таким вещам и думать, что циклы просто ложатся на график, будь то жюглярские, кондратьевские или иные. В частности, сам Смирнов считает, что колебания (временные спады и подъемы в рамках средних жюглярских циклов) могут быть элиминированы, чтобы показать регулярность именно 7–11-летних циклов. Собственно, в этом заключаются его претензии к методам У. Митчелла и его Гарвардского бюро (см. с. 99–101), представители которого не видят за колебаниями 3–4-х лет более важные циклы. Если исходить из логики Смирнова, то как раз Митчелл прав, так как основывался на том, что жюглярские циклы плохо выделяются, а гораздо лучше выделяются деловые циклы. Почему же Кондратьев не мог для показа длинных 50–60-летних циклов элиминировать циклы Жюгляра с помощью подвижной девятилетней средней? В чем здесь подтасовка? Разве Кондратьев отрицал наличие средних циклов? См. также прим. 45.

Примечание 43 (на с. 110). Во-первых, приведенные графики по чугуну (Рис. 5, с. 108) можно интерпретировать по-разному. Например, понижательную волну второго длинного цикла считать не с 1884 г., как Смирнов, а с 1874 г. Да, здесь нет четкого понижательного тренда, как его нет и во многих средних циклах. Например, на графике Хансена экономической динамики 1939–1948 гг., который приводит сам же Смирнов (см. рис. 12, на с. 162), показан спад 1946 г. Однако Смирнов уверяет, что, несмотря на этот спад, цикл, начавшийся в 1939 г., надо завершить не 1946 г., а продолжить до 1948 г. А почему, если на графике явно виден спад в 1946 г.? И здесь уже начинаются интерпретации. Таким образом, только на упрощенной модели экономического цикла все очевидно. В реальности очень многое зависит от интерпретации, общей теории и анализа разных обстоятельств (последнего у Смирнова мы явно не видим). Во-вторых, если допустить, что прав Смирнов и понижательная волна по чугуну реально начинается только с 1884 г., тогда отпадает обвинение Кондратьева в том, что он фабриковал циклы. Напротив, видно, что Кондратьева больше интересовала истина, как он сам ее понимал, поэтому он предпочитал показать спорный график, чем отрихтовать его так, чтобы волны выглядели безупречно. Добавим, что уже Опарин указывал на то, что колебания в производстве чугуна не совпадают с выделенными Кондратьевым периодами. В ответ на это Кондратьев спокойно пишет: «Я нигде не утверждаю, что годы переломов отдельных показателей должны совпадать. Я думаю даже обратное: они не могут совпадать» (Кондратьев 1926: 181). Ну и в-третьих, если бы критик Смирнов еще приводил источники, откуда он берет разные цифры, можно было бы оценить его данные. Но он чаще предпочитает не давать ссылок, что явно отличает его от Кондратьева, Шумпетера и других ученых, которых он критикует. Наконец, на навязчивом обвинении в перенесении модели цикла Жюгляра на мо-

дель большого цикла мы больше не останавливаемся. Напомним, правда, что, по словам же Смирнова (с. 107), с 1925 г. Кондратьев уже отказался от перенесения модели среднего цикла на длинный. (См. наше прим. 39.) Но для Смирнова главное – показать, что можно создавать модель длинного цикла только по его собственной методике, объединяя по три цикла Жюгляра.

Примечание 44 (на с. 110). А. С. Смирнов забыл указать, что современные исследователи кондратьевских длинных циклов обычно имеют дело не столько с натуральными показателями, сколько с другими, агрегированными показателями, такими как ВВП. Иными словами, цены и показатели добычи угля и выплавки чугуна были актуальными во времена Кондратьева, поэтому он их и использовал. Но его открытие оказалось имеющим особую силу потому, что с изменениями в экономике длинные циклы можно было видеть даже яснее по показателям ВВП и некоторым другим.

Примечание 45 (на с. 110). Об абсурдности обвинения Кондратьева в манипуляциях см. прим. 42. Уместно только повторить вполне справедливую мысль М. В. Игнатьева, что «выравнивание еще может сгладить волну, но никоим образом не может создать ее» (Игнатьев 1926/1989: 298). Поскольку применение девятилетней подвижной средней не может создать длинные циклы, «следовательно, появление уже двух волн нельзя считать результатом субъективной подгонки» (Меньшиков, Клименко 1989: 11), «возражения могут касаться не самого существования волнообразного движения, а лишь его точной периодизации, то есть места во времени поворотных точек, которые могут иногда оказаться действительно чувствительными к операциям осреднения» (Там же). Что касается длинных волн цен, то и с ценами было отнюдь не все так просто, как пишет Смирнов. Читатель, знакомый с дискуссией, помнит, что ее участники постоянно обращались к проблеме вековой тенденции, методики определения паритета цен и т. п. вещам (см. прим. 42). То есть идея Смирнова, что в экономике что-то просто ложится на графики, наивна. То, что длинные волны впоследствии были обнаружены и для многих иных показателей, как натуральных, так и агрегированных, подтверждало, что Кондратьев вел исследование в верном направлении.

Примечание 46 (на с. 111). Было бы хорошо, если бы Смирнов указал, кто из исследователей экономических циклов, особенно до Кондратьева и во времена Кондратьева, четко разделял капитализм и индустриализм. Да и в современной экономической науке такое разделение если у кого и встречается, то не играет заметной роли. Подозреваем, что это разделение есть только у Смирнова. Но естественно, что Кондратьев не мог этого предусмотреть. Впрочем, на с. 124 сам же Смирнов приводит цитату из Кондратьева, в которой тот говорит о росте индустриализма, в целом вполне в том смысле, за отсутствие которого его в данном месте

упрекает Смирнов. Что касается фразы Кондратьева «мое исследование относится только к условиям капиталистического общества», то она была сказана, чтобы оппоненты не пытались обвинить его в том, что подобные циклы характерны и для социализма. Такие оговорки он делал с 1923 г., когда развернулась довольно активная дискуссия после выхода в 1922 г. его «Мирового хозяйства» с участием таких видных политических фигур, как Л. Д. Троцкий и Н. Осинский (В. В. Оболенский). В частности, такие оговорки можно встретить в его работе «Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса (Ответ нашим критикам)» (Кондратьев 1923/1988, см., например: с. 73). Никакого отношения к неучету индустриализма эта фраза не имеет, она только показывает, что любое утверждение Смирнова требует самой тщательной проверки.

Примечание 47 (на с. 111). Вполне очевидно, что Кондратьеву просто не нужно было определять границы капитализма, к тому же это было общеизвестно, в частности исследование Туган-Барановского о периодических промышленных кризисах начиналось примерно с начала XIX в. Вероятно, Кондратьев и ориентировался на этот период.

Примечание 48 (на с. 111). Разумеется, чем заметнее роль промышленности в экономике, тем сильнее индустриальные причины, которые, в частности, повлияли на то, что в конце XIX в. средний цикл стал короче. Хотя к 1825 г. промышленность в Англии еще не была ведущим сектором, кризис 1825 г. имел все классические черты промышленных кризисов. Таким образом, для того, чтобы цикличность стала регулярной в экономике, отнюдь не требовалось, чтобы экономика стала полностью индустриальной, достаточно было только перехода к индустриализации. В целом и кризисы 1810, 1815 и 1818 гг. очень во многом были похожи на кризис 1825 г., поэтому не только ранние историки кризисов, но даже и Н. Вирт (1877) не слишком различали их между собой. Вирт, в частности, объединил в одной (VII) главе кризисы 1815 и 1825 гг. Предыдущие кризисы реально отличались от кризиса 1825 г. тем, что последнему предшествовал правильный по длительности экономический цикл, а им предшествовали нерегулярные циклы, соответственно и причины этих кризисов во многом определялись, говоря современным языком, внешними шоками. Отметим также, что указание Смирнова на связь торговых кризисов и политических событий само по себе, в его собственной логике, не является указанием на их случайность. Ниже Смирнов подробно говорит, что его так называемые циклы сдвига имеют очень сильную и в чем-то даже определяющую политическую и военную составляющую.

Примечание 49 (на с. 113). Однако эти, как и другие приведенные самим же Смирновым данные опровергают его утверждение, что Наполеоновские войны задержали развитие индустриализации. Стоит привести и мнение Вирта (1877: 65–66) о влиянии Наполеоновских войн.

«Невзирая на то, что Наполеоновские войны одними займами стоили Англии 3.000,000,000 талеров, что она за 22 года своей борьбы против Франции истратила около 50 миллиардов франков в виде ли доходов, поступивших в казну, или же в виде сумм, полученных посредством займов, – невзирая на все это, богатство ее за весь этот период постоянно возрастало. Громадные цифры налогов и государственных займов покрывались соответствующим увеличением производительности и открытием новых рынков для сбыта товаров. Совпадение многих необычайных обстоятельств, как благоприятных, так и неблагоприятных, сделало колоссальные планы Англии осуществимыми и придало промышленности ее и торговле в сравнительно ничтожный промежуток времени такой изумительно сильный толчок, что только эпоха железнодорожной строительной горячки может сравниться с этой эпохой» (Вирт 1877: 65–66). Благодаря континентальной блокаде «английской индустрии удалось, с помощью производства в больших размерах, созданного распространением машин, завоевать рынки дешевизною продуктов» (Там же). В то же время континентальная блокада усилила и промышленность Европы. Поэтому «во многих отраслях индустрии и торговли, английской промышленности приходилось не только выдерживать на европейских рынках конкуренцию континентального труда, но еще и видеть, как континент начинает оспаривать у нее, мало-помалу, первенство на европейских рынках» (Там же: 67–68). Ж. Лескюр также считает, что континентальная блокада значительно стимулировала производство (Лескюр 1908: 15).

Примечание 50 (на с. 114). Нам представляется, что в данном контексте неправомерно смешивать Наполеоновские войны с Англо-американской, а континентальную блокаду неправомерно объединять с неурожаями. Кроме того, мы имеем большие сомнения в достоверности данных о падении экспорта, приводимых Смирновым, поскольку он дает их безо всяких ссылок. Вот еще цитата из Н. Вирта (1877: 71): «Спекуляции, направлявшиеся в Северную Америку, повлекли бы за собою без сомнения, по введении хлебных законов, те же плачевные результаты, если бы Америка не была в состоянии оплачивать английские товары хлопком, ввоз которого в Англию шел в постоянно возрастающей прогрессии: в 1813 г. его было ввезено на 50 мил. ф. ст., 1814 – на 53 мил., а в 1815 – на 92 мил., в 1816 – на 86 мил., в 1817 – на 116 м., в 1818 – на 162 мил.». Напомним, что Англо-американская война длилась с 1812 по 1815 г. Цифры экспорта абсолютно отличаются от тех, что приводит Смирнов. Нельзя также смешивать саму войну и ее окончание. Сам же Смирнов ниже говорит о неизбежности падения при переходе экономики на мирные рельсы, что было и после Первой мировой, и после Второй мировой войны.

Примечание 51 (на с. 114). Утверждение, что период 1789–1814 гг. вообще нельзя включать в индустриальную эпоху, весьма спорно. Мы считаем, что вполне правомерно включать в процесс и фазу его генезиса

(подробнее об особенностях первой волны см.: Гринин, Коротаев 2012: 114–115, 120). Кроме того, изменения в экономике Англии во второй половине XVIII в. были очень большими. И особенно они коснулись сокращения численности занятых в сельском хозяйстве. Если в конце XVII в. в сельском хозяйстве было занято 75 % населения, то к 1801 г. оно сократилось до 35 % (Baigoch 1976: 467; Bergier 1976: 424), при этом особенно бурным процесс сокращения был во второй половине XVIII в., что не просто совпало с началом индустриальной революции, но было одним из ее факторов и в меньшей степени одной из причин. В самом начале XIX в. в сельском хозяйстве было занято 1,7 млн человек, а в промышленности (в основном, конечно, в мануфактуре и других видах ручного труда) – 1,4 млн человек (Hartwell 1976: 371). То есть в экономике реально произошли грандиозные перемены, роль промышленного (пусть с преобладанием ручного труда) производства выросла колоссально. Отсюда и роль экономических кризисов даже до 1825 г. резко возросла, так как эти кризисы затрагивали огромную часть населения. Таким образом, включать этот период в эпоху индустриальной цикличности было вполне логично.

Примечание 52 (на с. 115). Конъюнктурный подход позволил Кондратьеву пролить свет на важное явление, связанное с аритмичностью инноваций в процессе индустриализации (что открыло, начиная с Шумпетера, целое инновационное направление в исследовании больших циклов). Таким образом, утверждения о «порочности» конъюнктурного подхода – не более чем инсинуации А. С. Смирнова. Отметим также, что конъюнктурный подход был основным в работе Конъюнктурного института, только благодаря которому Кондратьев и мог проводить свои исследования. В этой связи интересно отметить, что сотрудник института Т. Райнов в 1929 г. опубликовал за границей исследование о длинных циклах инноваций в развитии западноевропейской науки и техники в XVIII и XIX вв. (Rainoff 1929). Наконец, у Кондратьева была иная цель, чем показывать генезис индустриальной экономики, отсюда и иные средства. Нельзя критиковать ученого за то, что он не собирался исследовать.

Примечание 53 (на с. 115). Если первая часть утверждения «Н. Кондратьев безосновательно начал исследование с периода 1789–1814 гг.» весьма сомнительна, но Смирнов хотя бы пытается ее доказать, то вторая часть утверждения «и еще более безосновательно соединил его в единый большой цикл с периодом 1816–1849 гг.» абсолютно ничем не доказана. Если цены начали опускаться, то важнейшей причиной этого было предшествующее повышение цен. Таким образом, логика, и большая, в объединении этих двух фаз была. Недаром это делали и до Кондратьева (например, К. Виксель). Опять же, повторим, любой процесс имеет свой генезис, и первая фаза первой волны имеет самое прямое отношение к индустриализации.

Надо также учитывать, что в распоряжении Кондратьева было ограниченное количество данных, и отбрасывание целой фазы уменьшило бы релевантность его теории в глазах оппонентов. Характерно, что никто из оппонентов по дискуссии не упрекал Кондратьева за использование указанного периода. Напротив, все указывали именно на малое количество циклов и волн, данные по которым он приводил. Если бы не было периода 1789–1809 гг., то оппоненты могли бы не признать и длинных ценовых волн. С. А. Первушин, например, призывал опираться на имеющиеся «материалы (хотя бы по ценам), охватывающие 2–3 столетия и с несомненностью обнаруживающие наличие каких-то больших волн. На них ссылаются Афталион, Лескюр, Шпитгофф», чтобы установить, являются ли эти волны чисто капиталистическим явлением или присущи хозяйству как таковому (Первушин 1926/1989: 294). Таким образом, длина статистического ряда имела принципиальное значение.

Кроме того, у Кондратьева была совсем иная задача, он исследовал волны конъюнктуры, а не что-либо другое. Далее, он взял те данные, которые имел, и опирался на исследование К. Викселя (Wicksell 1898), см. прим. 13. Заметим также, что Кондратьев отводил войнам важную роль в росте цен, при этом он пытался показать, что большая концентрация войн в повышательных фазах не случайность. Наконец, что касается Туган-Барановского, то напомним, что никакой периодизации длинных циклов он не строил и строить не мог, так как не выделял длинных циклов (см. прим. 10, 13).

Примечание 54 (на с. 116). Думаем, что Кондратьев был точно такого же мнения, как и Туган-Барановский. Никаких доказательств того, что Кондратьев думал иначе, Смирнов не приводит. Следовательно, противопоставление здесь Кондратьева и Туган-Барановского не имеет никакого смысла, разве что для того, чтобы в очередной раз бросить тень на Кондратьева.

Примечание 55 (на с. 116). Покажем ошибки в этом ведущем пункте теории Смирнова. **Первое. Путаница в определении и классификации причин.** Смирнов в который раз противоречит сам себе в наиболее важных для его же теории аспектах. Если главным источником больших волн в XIX в. была «конвергенция индустриальных и земледельческих структур», значит, по крайней мере, для XIX в. имели место *эндогенные факторы*, которые и вызывали эти волны. Таким образом, длинные волны – закономерное явление, создаваемые внутренними сходными причинами. Смирнов же уже в аннотации утверждает: «Причем каждая отдельная волна имела одну главную причину. Повышательная волна 1789–1814 гг. была вызвана Наполеоновскими войнами, понижательная волна 1815–1849 гг. – индустриальной революцией, повышательная волна 1850–1873 г. – открытием огромных запасов золота, понижательная волна 1874–1896 гг. – индустриализацией транспорта и падением цен на продукты земледелия». Но если каждая волна имеет одну главную причину, значит, волны не закономерное

(хотя бы для XIX в.) явление. Причем из четырех особых причин у Смирнова две связаны с индустриализацией (то есть внутренней причиной развития), а две – с внешними причинами развития. Уже сам подбор главных причин вызывает недоумение: как их можно ставить в один ряд? Или Смирнов считает, что индустриализация промышленности и индустриализация транспорта – столь же «случайные» явления, как и открытие золотых месторождений? Если индустриализация все же явление закономерное, то значит, по крайней мере, три последние волны определялись одной причиной. Ведь и для 1850–1873 гг. нужно вести речь об индустриализации торговли (за счет индустриализации того же транспорта, связи, создания тяжелой промышленности и т. п.), которая привела к мощному развитию внешней торговли и стабилизации международных финансов (см. еще прим. 80). См. также ниже фрагмент статьи, в котором Смирнов описывает индустриализацию сельского хозяйства в XX в., из чего вполне правомерно сделать вывод, что такая индустриализация сельского хозяйства могла быть основанием для длинной волны и в XX в., вопреки позиции самого же Смирнова (см. наше прим. 62).

Второе. Недоучет роли ценовых факторов в XX в. Поскольку далее Смирнов неоднократно говорит о том, что длинные волны конъюнктуры существовали только в XIX в. и вызывались каждый раз особыми причинами, а в XX в. (после окончательной победы индустриализма) никаких волн конъюнктуры уже не было, имеет смысл показать, что такое утверждение им отнюдь не доказано. Хотя многие исследователи длинноволновой динамики, и мы в том числе, предпочитают рассматривать ее именно как показатель колебаний в темпах роста ВВП, промышленности или отдельных индикаторов (число которых, кстати говоря, растет), однако есть очень серьезные ученые, которые достаточно убедительно показывают и наличие конъюнктурной основы таких колебаний. Они считают, что колебания в инфляции и ценах можно увидеть и в динамике развития XX и XXI вв. И Смирнову стоило бы опровергнуть их исследования и выводы, а не отделяться голыми утверждениями. В этом плане весьма интересной выглядит работа Б. Берри и Д. Дина (Berry, Dean 2012: 108–109). На первой и особенно второй схеме хорошо видны инфляционные пики и падения, при этом авторы выделяют 56-летний полный цикл (примерно 1930–1981 гг.). Приведем соответствующие графики из этой работы с пояснениями авторов:

«Часы длинных волн. Мы начнем с того, что попытаемся снова ввести в научный оборот идею длинноволновых часов, впервые предложенную Брайаном Берри (Berry 1991). Эти часы представлены на Рис. 5А в качестве круга, в верхней части которого находится пик кондратьевского цикла, а в нижней – его дно. Отношение к восходящим и нисходящим фазам в динамике цен и инфляции иллюстрируется при помощи стрелок, связывающих пик и дно применительно к подъему и спаду доходности ценных корпоративных бумаг уровня AAA по индексу Мудис, начиная

с дна, наблюдавшегося после Второй мировой войны, до их пика в 1980–1981 гг., и их последующий обвал в Великую Рецессию, что дает период продолжительностью примерно 56 лет.

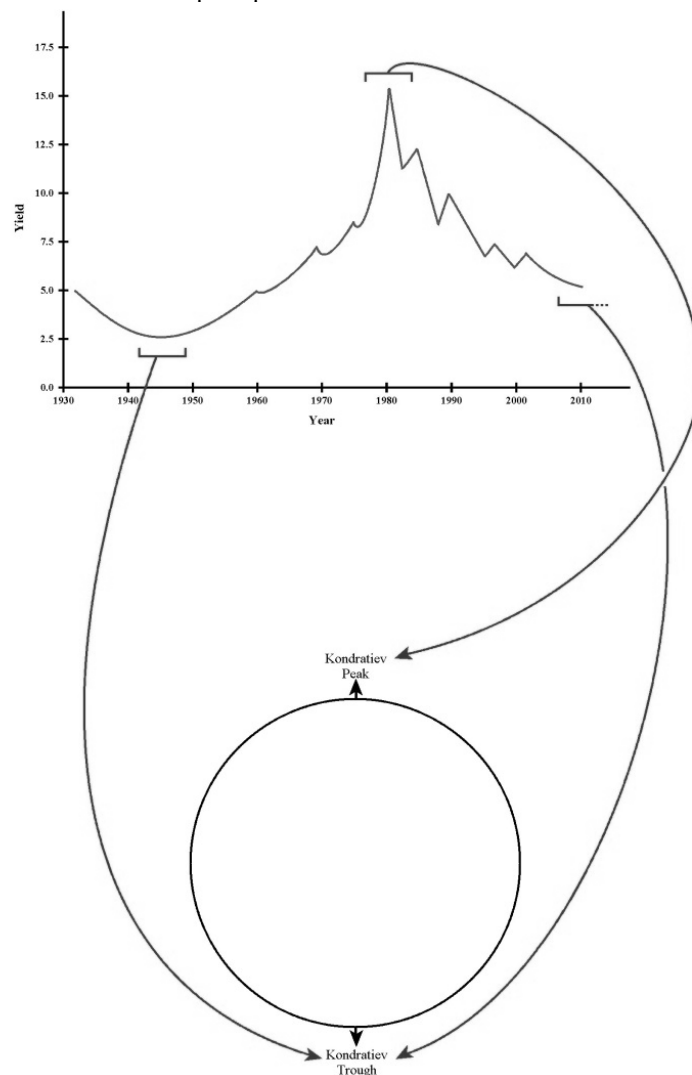

Рис. 5А. Соотношение между инфляционными волнами и длинноволновыми часами

Этот 56-летний ритм (от одного “дна” до другого) характеризовал движения цен и инфляции в США с того момента, как это государство до-

билось независимости. Даты нижних и верхних точек и ассоциированных с ними инфляционных восходящих и дефляционных нисходящих фаз показаны на Рис. 6А.»

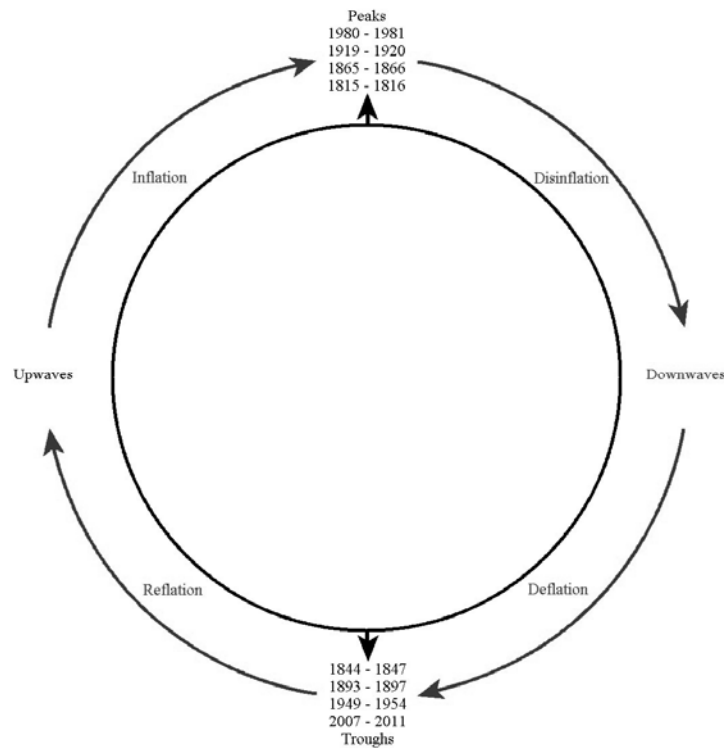

Рис. 6А. Даты нижних и высших точек кондратьевских волн в последние два века

Примечание 56 (на с. 118). Смирнов не объясняет, по каким именно критериям он считает общество аграрно-индустриальным или индустриально-аграрным. Если по доле в ВВП, то такой переход, по нашему мнению, произошел на два-три десятилетия раньше. Если по числу занятых в сельском хозяйстве от общего объема занятых (ниже по США он дает такие цифры), то в Англии такой переход произошел весьма рано, так, уже к 1841 г. в ее сельском хозяйстве было занято всего 26 % населения, во Франции уже в 1856 г. в сельском хозяйстве было занято только 54 % населения, в Германии в 1882 г. – 47 % (Baïroch 1976: 468). Вопрос не такой безобидный. Если переход к индустриально-аграрному типу хозяйства в передовых странах произошел примерно к 1880-м гг., то утверждение

Смирнова о том, что длинные волны «работали» только в аграрно-индустриальных обществах, рассыпается. В любом случае, вторая волна с 1850 г. в отношении Англии шла в индустриально-аграрной стране (см. также: прим. 62, 134, 138)²². Мы полагаем, что для начала XX в. в отношении наиболее развитых стран надо вести речь о переходе к чисто индустриальной экономике, в которой сельское хозяйство занимает явно подчиненное положение).

Примечание 57 (на с. 119). Обращаем внимание, что речь идет об экономике США, принимающих ограниченное участие в войне. В условиях напряжения экономики при выполнении огромных военных заказов вполне понятно, почему происходил опережающий производительность труда рост заработной платы. Но А. С. Смирнов забывает сказать об еще более важном факторе инфляции для США – огромном спросе со стороны Антанты и громадном притоке оттуда денег, включая и золото. Таким образом, не замедление роста темпов производительности труда было причиной быстрого роста зарплаты, а огромные военные заказы, вызвавшие резкий рост спроса и соответственно рост инфляции. Что же касается европейских воюющих стран, то очевидно, что главной причиной инфляции (и вызванного ею роста зарплаты) был неумеренный выпуск бумажных денег, рост займов и недостаток выпуска товаров для населения и особенно продовольствия. Смирнов мог бы это увидеть уже из работы Туган-Барановского «Бумажные деньги и металл».

Примечание 58 (на с. 119). Поскольку Смирнов не достаивает доказательствами такие важные утверждения, они вызывают сильное сомнение. Мы более доверяем данным С. М. Меньшикова и Л. А. Клименко. По их данным, производительность труда действительно падала с 1890-х гг., и данные Кондратьева, о которых выше шла речь, это подтверждали. Но в 1920-х гг. она вновь начала расти, затем в период Великой депрессии упала. Однако далее «производительность стала вновь расти с 1935 г., пройдя фазу восстановления к 1953 г. и достигнув пика в 1968 году. Новый спад продолжался до середины 80-х гг.» (Меньшиков, Клименко 1989: 76). Таким образом, производительность труда не имела устойчивого тренда на снижение, как утверждает Смирнов, а изменялась волнами, достаточно напоминавшими длинные волны (см.: Там же: 74, Рис. 16). Еще менее правдоподобным выглядит утверждение, что зарплата составляла основную часть издержек производства. Органическое строение капитала, важный марксистский показатель, означающий отношение капитала к фонду

²² Еще заметим, что выше А. С. Смирнов отнес превращение экономики Англии в индустриально-аграрную не к рубежу веков, а к 1885 г. или ранее. Но если это именно так, тогда последняя волна 1874–1896 уже не должна была бы проявляться в Англии. А она проявилась очень значительно, что противоречит идее Смирнова, будто с формированием индустриально-аграрной экономики конъюнктурные волны теряли свое значение.

заработной платы в постоянных ценах, в течение 1889–1980 гг. снизилось более чем на 40 % (Там же: 79); это означает, что доля зарплаты в издержках не росла, а напротив, падала, но не линейно, а волнообразно. В некоторые периоды, а именно: 1889–1909, 1948–1969, 1969–1980 гг., органическое строение капитала стабилизировалось или росло (Меньшиков, Клименко 1989: 79). То есть какие-то длинные волны наблюдались и в этом процессе (Там же: Рис. 4б, с. 75). Таким образом, несмотря на изменение характера экономики в XX в., длинноволновые колебания во многих показателях имели место. Отсюда утверждение Смирнова о том, что такие колебания вообще свойственны только аграрно-индустриальной экономике, должно быть отброшено либо требует значительно больших доказательств, чем пытался представить автор.

Примечание 59 (на с. 120). Утверждение А. С. Смирнова об уровне цен со ссылкой на Э. Хансена показывает, что он не понимает, о чем пишет. Речь идет о поведении цен в длительной динамике, а не о том, что они обязательно должны вернуться к уровню полувековой давности. Это все равно что сравнивать экономический рост за разные периоды и требовать, чтобы объем ВВП через полвека был равен тому, который был 50 лет назад. Если общая динамика цен в понижательную волну в целом в тенденцию шла вниз или хотя бы росла намного медленнее, чем в повышательную фазу, значит, налицо колебания конъюнктуры. Собственно, уровень цен отнюдь не возвращался к исходному. Так было и в XIX в., в котором Смирнов признает волны конъюнктуры. Недаром все участники дискуссии придавали такое значение вековой тенденции, см. выше прим. 42.

Примечание 60 (на с. 121). Утверждение о подтасовках со стороны автора, каждую цитату и цифру которого необходимо перепроверять и опровергать, выглядит явной насмешкой. Однако спросим: какие данные каких «кондратьевцев» опроверг Смирнов? В статье ничего подобного обнаружить не удалось. Кроме того, мы уже говорили, что большинство сторонников теории длинных циклов предпочитают показывать динамику этих циклов в показателях ВВП, а не цен. См. прим. 55. Однако аргументы тех, кто тем не менее видит длинные циклы в колебаниях инфляции, Смирнов не опроверг (см. там же прим. 55).

Примечание 61 (на с. 121). О темпах индустриализации, заметим, Смирнов ничего не говорил. Речь шла только о темпах производительности труда, которая, как мы видели, далеко не всегда замедлялась, но в длительные периоды и ускорялась. Такая «легкость необыкновенная» в подмене понятий не может не удивлять.

Примечание 62 (на с. 121). Выше, в прим. 55, мы говорили о том, что даже по мнению самого Смирнова, в основе длинноволновой динамики XIX в. лежал факт индустриализации. Соответственно индустриализация

сельского хозяйства очень хорошо укладывается в эту схему. И не только не опровергает идею длинных волн конъюнктуры, но логично ее подтверждает аргументами самого же Смирнова, тем более что ниже он пишет: «...аграрная индустриализация углублялась весь XX в.». Но в любом случае, каковы бы ни были причины дефляции (а они всегда в той или иной мере имеют индивидуальную окраску), тот факт, что волна повышения цен сменилась волной понижения, подтверждал теорию Кондратьева, равно как и его идеи о том, что динамика сельскохозяйственных цен сложнее подстраивается под динамику средних циклов, чем динамика цен промышленных (см.: Кондратьев 1928/2002). Впрочем, колебания в индексах сельскохозяйственных цен, похожие на длинноволновые, некоторые экономисты определяют и для XX в. (см., например: Гайсин 2007: 70; Gaysin 2012: 17; см. ниже Рис. 5А).

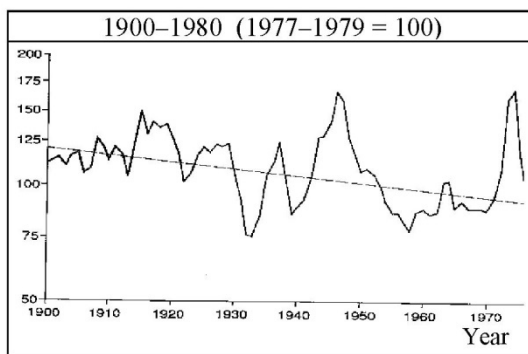

Рис. 7А. Динамика ценовой конъюнктуры на мировом рынке (индекс цен)

Примечание 63 (на с. 122). Выше, в прим. 62, мы упоминали о взглядах, согласно которым длинноволновая динамика просматривается и в колебаниях цен на мировом аграрно-продуктовом рынке. Так что одними заявлениями, как делает Смирнов, такие вопросы не решаются. Хотим также заметить, что только в 1940 г. объем мирового производства промышленной продукции превысил стоимостный объем мировой сельскохозяйственной продукции (Полетаев, Савельева 1988: 75; со ссылкой на: van Duijn 1983: 91; Mitchell, Dean 1962: 470), а на протяжении всего XX в. в мире в целом все еще преобладали сельские жители. Так что на уровне Мир-Системы аргумент Смирнова о сокращении доли занятых в сельском хозяйстве не работает. Сказанное относится и к идущему ниже тексту А. С. Смирнова о кредитно-финансовой системе. Наконец, мы уже несколько раз говорили, что исследователи последних десятилетий предпочитают искать длинные волны в агрегированных показателях вроде ВВП

или промышленного производства в целом. В этой связи Смирнову придется представить более весомые доказательства того, что в промышленном обществе не может быть длинных кондратьевских циклов длительностью 40–60 лет, чем просто спекулятивные рассуждения, да еще состоящие из сплошных логических противоречий. По крайней мере, со второй половины XIX в. есть данные по ВВП капиталистических стран и мира, которые подтверждают наличие таких длинных циклов. Мы уже приводили данные по ВВП (см. нашу статью: Коротяев, Гринин 2012). Приводим еще данные роста промышленного производства по странам.

Табл. 1А. Среднегодовые темпы прироста промышленного производства (1845–1974 гг., %)

Фаза	Капиталистические страны в целом		Великобритания		США		Германия (ФРГ)	
	Годы	Темп	Годы	Темп	Годы	Темп	Годы	Темп
Подъем	1850–1872	4,6	1845–1873	3,0	1864–1873	6,2	1850–1872	4,3
Спад	1872–1892	3,0	1873–1890	1,7	1873–1895	4,7	1872–1890	2,9
Подъем	1892–1913	4,2	1890–1913	2,0	1895–1913	5,3	1890–1913	4,1
	1920–1929	5,1	1920–1929	2,8	1920–1929	4,8	1920–1929	–
Спад	1929–1948	1,7	1929–1948	2,1	1929–1948	3,1	1929–1948	–
Подъем	1948–1973	5,7	1948–1973	3,2	1948–1973	4,7	1948–1973	9,1

Фаза	Франция		Италия		Швеция		Бельгия	
	Годы	Темп	Годы	Темп	Годы	Темп	Годы	Темп
Подъем	1847–1872	1,7					1847–1873	3,9
Спад	1872–1890	1,3	1873–1890	0,9	1870–1894	3,1	1873–1889	1,2
Подъем	1890–1913	2,5	1890–1913	3,0	1894–1913	3,5	1889–1913	3,2
	1920–1929	8,1	1920–1929	4,8	1920–1929	4,6	–	–
Спад	1929–1948	–0,9	1929–1948	0,5	1929–1948	4,4	1913–1948	0,4
Подъем	1948–1973	6,1	1948–1973	7,9	1948–1973	4,7	1948–1974	4,2

Источник: van Duijn 1983: 154, 156; Kleinknecht A. Innovation Patterns in Crisis and Prosperity. Schumpeter's Long Cycle Reconsidered. London, 1987, pp. 35–37 (приводится по книге: Полетаев, Савельева 1988: 78).

Как может судить читатель, в промышленном производстве в целом и отдельных стран вполне просматриваются большие циклы (см., например: Рис. 9А и 10А).

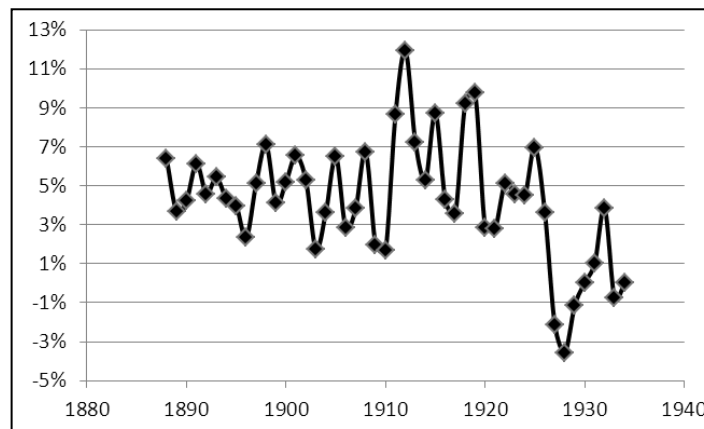

Рис. 9А. Кондратьевская волновая динамика в темпах роста промышленного производства в США до Второй мировой войны: конец второй и третья К-волна (пятнадцатилетние сглаженные средние с уменьшением окна сглаживания по краям)

Источник: рассчитано по: Miron, Romer 1990; Sutch 2006.

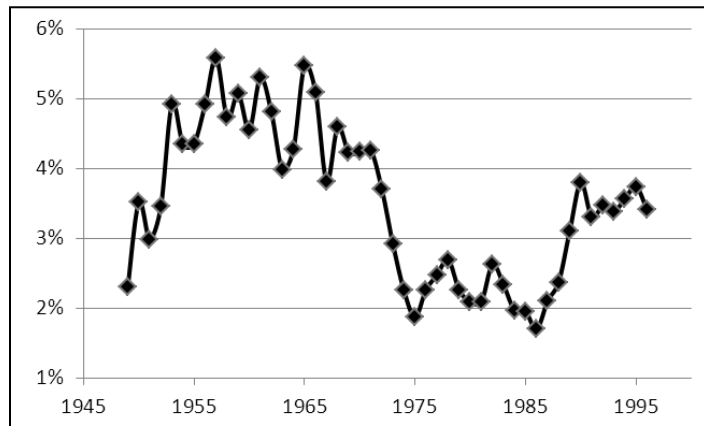

Рис. 10А. Кондратьевская волновая динамика в темпах роста промышленного производства в США после Второй мировой войны: четвертая и начало пятой К-волны (пятнадцатилетние сглаженные средние с уменьшением окна сглаживания по краям)

Источник: рассчитано по: Sutch 2006.

Таким образом, некоторые данные вполне подтверждают длинноволновую кондратьевскую цикличность и в промышленном секторе. В то же время эти данные как нельзя лучше говорят о том, что выделенные Смирновым «настоящие длинные циклы» не соответствуют реальной динамике в том смысле, что надо рассматривать не кластер только трех жюглярвских циклов, а кластер из большего их количества (до шести). Ведь налицо чередование (волны) более быстрых и более медленных периодов роста, то есть налицо именно цикл с фазами длительностью 40–60 лет, а не два совершенно одинаковых цикла по 20–30 лет, как пытается доказать Смирнов своими «настоящими» длинными циклами.

Примечание 64 (на с. 122). График выглядит очень сомнительным, так как неясен источник и данные не соответствуют другим источникам. Получается, что половина занятых в США работают в сфере информации, в четвертичном секторе. Причем уже в 30-е гг. в этом секторе по графику числилась четверть населения, больше, чем в остальной сфере услуг! Откуда? И почему-то основной рывок был сделан в 1950–1960-е гг. Приводим данные из статьи В. Б. Кондратьева (однофамильца знаменитого экономиста) «Сфера услуг в постиндустриальной экономике»: «Рыночные услуги в современной экономике крайне разнообразны. Директива Европейского союза разделяет их на три категории: услуги, предоставляемые потребителям; услуги, предоставляемые бизнесу; услуги, предоставляемые одновременно потребителям и бизнесу. В США примерно 30 % из 100 млн работников сферы услуг занято предоставлением услуг потребителям (сюда входят розничная торговля, общественное питание и гостиничный бизнес, а также услуги, предоставляемые авторемонтными мастерскими, химчистками, косметическими салонами [Foster, Haltiwanger, Krizan 2002]). По мере того, как экономика становится более развитой, доля услуг бизнесу возрастает. В настоящее время на них приходится 27 % всех занятых в сфере услуг США. К ним относятся услуги профессиональные (юридические, аудиторские, консультационные), технологические (в том числе информационные и компьютерные), оптовая торговля, услуги по подбору кадров. Нынешний быстрый рост бизнес-услуг в развитых странах является результатом специализации. По мере сосредоточения компаний на своих ключевых компетенциях они приобретают все больше разнообразных услуг... Кроме того, в сфере услуг существует достаточно много хорошо оплачиваемых “синих воротничков” – таких как электрики, сантехники, автослесари и др.» (Кондратьев 2010).

Таким образом, ясно, что если в обычной сфере услуг занято 30 % всей сферы услуг, а в сфере услуг бизнесу – 27 %, причем из них только часть информационная, то никаким образом в информационных услугах не может быть больше людей, чем в сфере услуг в целом, как представлено на графике Смирнова. Мы также можем убедиться в этом из графика, приводимого В. Б. Кондратьевым (Там же).

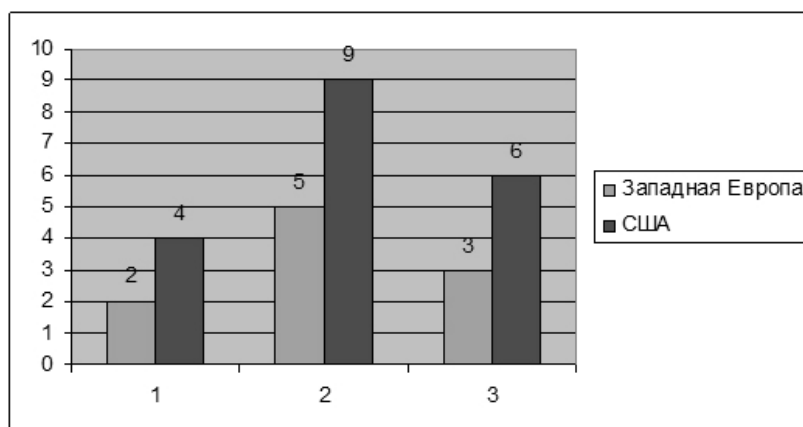

Рис. 8А. Вклад различных отраслей сферы услуг в прирост условно-чистой продукции в Западной Европе и США за 1995–2005 гг., %

Примечание: 1 – бизнес-услуги (компьютерные, программное обеспечение, исследования и разработки); 2 – розничные услуги (автомобильный ремонт, торговля, гостиничное обслуживание и общественное питание, социальные услуги); 3 – профессиональные и финансовые услуги.

Что касается численности занятых в сельском хозяйстве, то порядок цифр на графике Смирнова близок к истинному.

Примечание 65 (на с. 123). Ниже А. С. Смирнов приводит Табл. 2 на с. 126, данные в которой опровергают это его утверждение. См. также прим. 69.

Примечание 66 (на с. 124). Хотим заметить, что и на протяжении всех циклов XIX в. рост цен в циклах Жюгляра определялся ростом в обращении различных ценных активов, включая банковские билеты, векселя, акции, иные заменители денег и в целом кредита. В этом плане радикальных отличий циклы XIX в. от циклов XX в. не имели (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2010).

Примечание 67 (на с. 124). Оставляем это терминоворчество на совести автора. Что означает «кредитно-бумажные деньги», чем они отличаются от бумажных, мы не понимаем. Также хотим заметить, что кредит с нового времени, по крайней мере с XVII в. и тем более с XVIII в., был основой оптовой торговли (см., например: Бродель 1987–1992, т. 1., гл. 7а; Вирт 1877). Отсюда и достаточно регулярные финансово-торговые кризисы. Тот же Ротбард, на которого любит ссылаться Смирнов, в своей работе (Ротбард 2005) писал, что в XVIII в. именно в деятельности коммерческих банков, которые сначала безудержно раздают кредиты, а потом начинают их резко сокращать, Д. Юм и Д. Риккардо нашли ключ к разгадке

повторяющихся циклов, состоящих из расширения и сжатия, из бумов и крахов, немало озадачивавших наблюдателей еще с середины XVIII в. Выше Смирнов также признавал, что главную роль в кризисах 1790-х гг. играли спекулятивные банки, финансировавшие колониальную торговлю, строительство каналов. Также он неоднократно утверждал, что именно расширение кредита играло важнейшую роль в жюгляровской цикличности XIX в. Почему же теперь у него в течение всего XIX в. существует только «товарно-монетарная экономика»? И почему она лишь на рубеже XX в. становится «товарно-кредитной»? Товарно-монетарная экономика в чистом виде существовала разве что в темные Средние века. А что такое товарно-кредитная экономика, мы затрудняемся сказать, поскольку деньги ни в какой экономике никто не отменял. Что такое «товарно-металлические» деньги, также остается загадкой. Есть товарно-денежные отношения, но как деньги могут быть товарными, мы не понимаем. И почему не сказать просто – «металлические деньги»? Обратите внимание, что ниже экономист Кноп, на которого ссылается Смирнов, говорит просто о металлических и бумажных деньгах. То же самое делал и Туган-Барановский в книге «Бумажные деньги и металл».

Примечание 68 (на с. 125). Но нельзя забывать, что странным для А. С. Смирнова образом это привело к дефляции, то есть к «повышению ценности денежной единицы» *именно* по Кондратьеву! См. также прим. 62.

Примечание 69 (на с. 125). Однако это не привело к повышению цен, а напротив, вопреки предшествующим утверждениям Смирнова, страны страдали от дефляции, что видно из приводимой им же таблицы. Таким образом, золотодевизная система мировых финансов в одних случаях вела к повышению цен, а в других – к понижению. Следовательно, причина таких колебаний лежала в иных сферах, нежели полагает Смирнов.

Примечание 70 (на с. 126). Это неверно, см. выше прим. 62, 63, 67, 69.

Силу предвидения теории Кондратьева можно увидеть из следующего, например, места книги «Мировое хозяйство и его конъюнктура...», написанной не раньше 1922 г., когда ход развития был совершенно неясным, а мировая экономика оказалась в депрессии. При этом для нашей темы важно, что в данном случае Кондратьев опирался именно на особенности взаимосвязи больших и средних циклов (последние, напомним, он в это время еще называл малыми см. прим. 17).

Несомненно, А. С. Смирнову стоило бы процитировать это: «Таким образом, вступление мирового хозяйства в понижательную фазу большого цикла нам представляется весьма вероятным. Это не значит, что в новой понижательной фазе не будет своих подъемов, кризисов и депрессий в смысле малых капиталистических циклов. Они были в аналогичных фазах больших циклов конъюнктур прошлого. Они, конечно, будут и в период понижательной фазы данного большого цикла. Но общий тон движения конъюнктур, всего вероятнее, будет сохранять понижательные тен-

денции. Вот почему подъемы малых циклов наступающего периода будут лишены той интенсивности, какой они обладают в период повышательной волны большого цикла. Наоборот, кризисы наступающего периода обещают быть относительно более резкими, а депрессии малых циклов – более длительными» (Кондратьев 1922/2002: 339). И если насчет подъема 1924–1929 гг. Кондратьев ошибался (подъем в США и Германии протекал весьма бурно, но в других странах, таких как Англия, был вялым), что показывает сложность предвидения, то в отношении глубины кризисов и длительности депрессий он попал в десятку.

Примечание 71 (на с. 126). По поводу противоречий в утверждениях А. С. Смирнова о причинах больших волн конъюнктуры см. прим. 56. В одних случаях он пишет, что каждая волна имела свою главную причину, в других – что главной причиной была все же индустриализация. Кроме того, для первых десятилетий XX в. в качестве крайне важной причины он выделяет индустриализацию сельского хозяйства. Почему же такая индустриализация не могла быть причиной больших волн в первой половине XX в.? Словом, все эти противоречия делают построения Смирнова малоубедительными и малоубедительными.

Примечание 72 (на с. 127). Во-первых, по поводу выводов Губанова. Мы солидарны с мнением С. Ю. Румянцевой (2003: 9), которое здесь и воспроизводим: «В связи с этим хотелось бы упомянуть о нередко принимаемых различными исследователями опытах критической верификации гипотезы Кондратьева (см., например: Губанов 1999). Идея таких верификаций состоит в том, чтобы проверить на истинность теорию длинных волн на основе восстановления рядов данных и пересчета динамики показателей, демонстрирующих у Кондратьева большие циклы. При этом в качестве проверяемой гипотезы часто высказывается постулат о том, что закономерность больших циклов может быть подтверждена лишь в том случае, если такие колебания будут иметь характер гармонических, строго синусоидальных или строго периодических. Вместе с тем выбираемый авторами набор показателей не подкрепляется никакой теоретической базой, объясняющей механизм больших циклов. В результате поводом для вывода об отсутствии длинноволновой динамики в индустриальный период становится тот факт, что длинноволновая закономерность проявляется не везде» (Румянцева 2003: 9). См. также наше прим. 42.

Дополнительно мы бы хотели обратить внимание на вывод, который сделал Губанов в конце своей статьи «Цикличность – форма кризисности», так как это выдающееся в некоторых отношениях высказывание: «Как и следовало ожидать, *цикличность не может быть самостоятельным объектом научного исследования* (курсив наш. – Л. Г., А. К.), она производна от кризисности капиталистического способа производства и вторична по отношению к ней» (Губанов 1999: 74). Что же реально ут-

верждает этот профессор экономики? Фактически он призывает науку вернуться лет на сто пятьдесят или более назад, когда еще не до конца понимали, что кризисы – закономерная часть экономического цикла. Сказать, что цикличность вторична по отношению к кризису, все равно что утверждать, будто процессы организма вторичны по отношению к болезни и что без исследования болезни процессы не могут быть изучены. Даже Маркс, которого кризисы более всего и интересовали, всегда подчеркивал, что кризисы – лишь восстановление равновесия, которое нарушается в экономическом цикле. С огромным трудом экономисты пришли к выводу, что кризисы – это лишь одна из фаз (или поворотных точек) сложного экономического цикла, что только поняв место кризиса в этом циклическом процессе, можно пытаться определить причины кризисов. А теперь профессор Губанов предлагает изучать не цикличность, а только кризисность, то есть часть вместо целого, проявление вместо глубинных процессов. Следующий вывод, который он делает в отношении «**основной методологической ошибки**» Кондратьева (выделено Губановым. – Л. Г., А. К.) выглядит удивительным по абсурдности и непониманию экономических процессов: «Акцент на цикличности, равносильный выдвиганию на передний план формы вместо содержания и вторичного вместо первичного, явился **основной методологической ошибкой** кондратьевского исследования» (Там же: 75). И так, по Губанову, кризис первичен, кризис – это содержание, а экономический цикл вторичен и есть форма (только чего?). А может быть, профессор Губанов не знает, что даже в среднесрочных циклах кризисы бывают не всегда? И в таких циклах, выходит, отсутствует содержание? Напомним также, что в течение 1950–1960-х гг. цикл существенно изменился в результате антициклических мер, кризисы в них почти исчезли. И что же, не изучать такую цикличность, поскольку, по Губанову, она неспособна стать объектом научного исследования? А что в отношении циклов Китчина и Кузнеца, где кризисы не предполагаются? Да и в длинных циклах особых длинноточических кризисов также быть не может. Фактически кризисы как часть цикла – скорее исключение в семействе экономических циклов, чем правило. А профессор Губанов предлагает, по сути, исключить циклы из научного исследования. Говоря тем философским категориальным языком, который избрал С. Губанов, он пытается явление объявить сущностью процесса. Да и какие такие кризисы в длинных циклах мог найти, по рекомендации Губанова, Кондратьев? Словом, экономические, с позволения сказать, выводы С. Губанова не выдерживают никакой критики, а его философско-методологические «рекомендации» не приняли бы даже самые яростные критики Кондратьева и самые одиозные марксисты, настолько они абсурдны.

Примечание 73 (на с. 127). Никаких истоков теории Кондратьева в работах Туган-Барановского, как мы уже неоднократно показывали, не

было. Туган-Барановский не рассматривал большие циклы и тем более не объединял в них большие волны. Все эти утверждения базируются на мистификациях Смирнова (см. прим 10, 13, 15). Соответственно неверным является и остальное нижеизложенное.

Зато в связи с фразой, вполне верной, что Шумпетер развил инновационную теорию длинных циклов Кондратьева, стоит напомнить, что Смирнов отрицал, что у Кондратьева была инновационная теория длинных циклов (см. также наше прим. 41).

Примечание 74 (на с. 127). Вновь повторим: кроме голословных утверждений А. С. Смирнова не приведено никаких доказательств того, что Кондратьев перенес схему (модель) средних циклов на большие. А во фразе, что Шумпетер «сделал то, что не решался сделать сам Кондратьев» виден недобросовестный подход Смирнова. Либо Кондратьев перенес модель (схему) среднего цикла на большой, либо не перенес. А у Смирнова получается, что перенес, но в то же время и не решался это сделать. Само слово «не решался» уже создает определенный образ трусливого ученого, позаимствовавшего идею у учителя, но тщательно скрывавшего этот факт и замалчивающего свои очевидные промахи. Таков Кондратьев в описании Смирнова, плюс еще он «фабрикует» сами длинные циклы с использованием недобросовестных приемов.

Мы же думаем, что Кондратьев никогда и не ставил такой цели – переносить схему среднего цикла на большой, поскольку он считал (хотя, с нашей точки зрения, и ошибочно), что именно большие циклы определяют характер средних, жюгляровских.

Далее, объединять столь разных ученых в одну группу, как делает Смирнов, в корне неверно. У каждого из них – у Туган-Барановского, Кондратьева и Шумпетера – были абсолютно разные научные цели и задачи, они использовали разные подходы. Туган-Барановский занимался средними промышленными циклами, о длинных циклах вообще не говорил, а о долгосрочных колебаниях упоминал только несколько раз и вскользь. Кондратьев, напротив, средними циклами не занимался. Его главным образом интересовала возможность доказать реальность больших циклов, поскольку все критики возражали против их существования вообще либо признавали их только в колебаниях цен. Поэтому средним циклам Кондратьев уделил до обидного мало внимания. По сути, он рассматривал их только в одном аспекте: характер средних циклов меняется в зависимости от того, располагаются ли они на повышательной или понижательной фазе больших циклов. Вопрос об идентичности или различии структуры средних и больших циклов он практически не рассматривал (хотя, как мы уже говорили, естественно, что все экономические циклы имеют в структуре нечто общее). Зато Шумпетер реально ставил себе задачу создать общую теорию циклов: больших, средних и малых. Для не-

го работы Кондратьева оказались очень кстати, так как идеи последнего хорошо дополняли систему Шумпетера. Но в отличие от Кондратьева Шумпетер уже брал идею больших циклов почти как доказанную.

Естественно, ложной оказывается и идея Смирнова, что «фактически, работы Туган-Барановского, Кондратьева и Шумпетера – единый теоретический комплекс». Если в отношении взглядов Кондратьева и Шумпетера это несколько ближе к истине (но далеко не полностью, особенно в той части, на которой акцентирует внимание Смирнов – модели циклов), то в отношении работ Туган-Барановского и Кондратьева это вовсе неверно.

Примечание 75 (на с. 128). Вновь повторим, что Кондратьев схемами (моделями) средних циклов просто не занимался, а также, что те схемы средних циклов, которые он упоминает, состояли из трех фаз, а схема его большого цикла – только из двух (см. подробнее прим. 28).

Примечание 76 (на с. 128). В отношении употребления понятий «длинные волны» и «длинные циклы» следует пояснить, что экономисты начала XX в. обычно видели в волнах менее упорядоченные колебания, чем в циклах. В настоящее время такие различия не прослеживаются четко, в употреблении этих терминов, часто как синонимов, много субъективности. Имеет смысл привести разъяснения из работы С. Ю. Румянцевой (2003: 6), что цикл – это частный случай волны. Она также приводит мнения других авторов (Там же). Волны есть упорядоченные, закономерные, детерминированные колебания; циклы есть регулярные колебания, «предполагающие эндогенный механизм воспроизводства динамики такого типа...» (Лукашевич 1993: 152), объединенные «общей логикой фаз, каждая из которых становится генератором последующей» (Рязанов 1998: 16)».

Примечание 77 (на с. 128). Эклектичность может быть объяснением сохранения теории, только если теория опирается на реальные факты. Тогда эклектичная теория до появления внутренне логичной концепции служит для объяснения этих фактов. Если, по мысли Смирнова, длинных циклов нет, то никакая эклектика не может объяснить, почему теория живет и привлекает исследователей. Мы же считаем, что теория Кондратьева именно потому популярна и притягательна, что длинные волны так или иначе прослеживаются то в одних, то в других показателях. Иными словами, ясно, что это не случайность.

Примечание 78 (на с. 129). В цитате ван Дейна речь идет никак не об эклектичности, а о том, что Кондратьев не сумел объединить свои идеи в систему, поскольку перед тем местом, которое цитирует Смирнов, ван Дейн признавал, что ингредиенты, необходимые для эндогенной теории длинных волн, были у Кондратьева в руках. Возможно, голландский исследователь имел в виду, что Кондратьеву следовало сузить свое объяснение, то есть, если логически развивать эту мысль, вместо четырех правильностей взять только одну. Надо также учитывать, что в тогдашних

условиях Кондратьев никак не мог обойти теорию Маркса. Но, впрочем, сам Кондратьев признавал, что он не претендует на то, «чтобы сейчас же дать <...> вполне законченную теорию. Я не уверен, что мне уже удалось найти удовлетворительное объяснение» больших циклов из-за огромных трудностей проблемы (и, добавим от себя, крайне ограниченного времени). «То, что я имею в виду кратко изложить ниже, представляет из себя только первую попытку, первую гипотезу объяснения этих циклов» (Кондратьев 1926/ 2002: 387).

Примечание 79 (на с. 129). Смысл слов Смирнова «все это имело свое основание в теории динамичной конъюнктуры» остается для нас неясным, поэтому не будем на них останавливаться. О полном несоответствии интерпретации Смирновым преемственности идей между Туган-Барановским и Кондратьевым мы уже много раз говорили. Интерпретация Смирновым ван Дейна в смысле того, что якобы «Кондратьев не сознавал, насколько важно появление новых отраслей, основанных на реализации базисных инноваций», также абсолютно неверна. Смирнов должен бы знать, что Кондратьев подчеркивал: повышательные волны больших циклов ведут «к радикальным изменениям и перегруппировке основных производительных сил общества» (Кондратьев 1926/ 2002: 391). А что значит «радикальные изменения и перегруппировка»? Простое увеличение объемов или километров дорог? Разумеется, нет, это и означает создание новых секторов и производств, когда «начинается полоса для каждого данного исторического периода относительно грандиозного нового строительства, когда находят свое применение накопившиеся технические изобретения», идет «бурный рост новых производительных сил» (Там же: 392). А выше (Там же: 370–373) Кондратьев довольно подробно перечисляет те изобретения (инновации), которые были сделаны к началу или в начале каждой повышательной фазы и которые были внедрены на этих фазах. Так что Кондратьев, вопреки мнению Смирнова, вполне сознавал «важность появления новых отраслей, основанных на реализации базисных инноваций». Так, например, он пишет: «Особенно глубокий переворот, своего рода новая промышленная революция, наблюдается в области химической и электрической промышленности. Применение электричества с 90-х гг. пошло быстрыми шагами вперед и привело к перевороту в моторной технике, в области силовых и рабочих машин, в области техники освещения и связи» (Там же: 373). Впрочем, обвинив Кондратьева в недооценке трансформационной роли инновационных отраслей, Смирнов, сам себе противореча, несколькими строками ниже этого примечания пишет: «Кондратьев совмещал большие волны, порожденные аграрно-индустриальной экономикой XIX в., и представления об инновациях как двигателе чисто индустриальных циклов». Значит, Кондратьев правильно оценивал инновации!

Что же касается утверждения, что «Н. Кондратьев использовал теорию равновесия, близкую не только К. Марксу, а Туган-Барановскому и А. Маршаллу», то оно полностью неверно. Как раз Маркса и Туган-Барановского нельзя приравнять к Маршаллу, действительно считавшего равновесие главным. То ли Смирнову просто все равно, в чем обвинять Кондратьева, лишь бы обвинять, то ли он полностью игнорирует целый ряд работ Николая Дмитриевича по статике и динамике. Например, в работе 1922 г. уже во введении он писал, что «одной из самых сложных частей теории экономической динамики является теория конъюнктур» (Кондратьев 1922/2002: 44). А в работе 1924 г. «К вопросу о понятиях экономической статике, динамике и конъюнктуре» (Он же 1924/2002: 9–39) Кондратьев писал, что «констатируя преимущественно статический характер современной экономической теории», вместе с тем надо отметить, что у экономистов все сильнее проявляется неудовлетворенность этим и необходимость динамической теории (Там же: 13). Кондратьев также отмечает исследователей, которые работают в этом направлении. В этой же работе (Там же: 38) Кондратьев ставит Маркса и Туган-Барановского в один ряд с некоторыми другими учеными, говоря о том, что их схемы можно развить в динамическое равновесие. В работе 1925 г. Кондратьев (1925/1993: 69) говорит, что экономическая динамика не есть процесс простых колебаний вокруг какого-то уровня, а есть процесс развития через циклы и кризисы (см. по этому вопросу также: Гринин, Коротаев 2012: 48). Вопросом о взаимоотношении статике и динамике, как известно, Кондратьев продолжал заниматься и в тюрьме, написав там «Основные проблемы экономической статике и динамике» (Кондратьев 1991). Вместе с тем отмечая, что большие циклы «являются весьма важным и существенным фактом экономической динамики» (Он же 1926/2002: 387), Кондратьев, разумеется, признавал, что большие циклы отражают некоторую тенденцию системы к равновесию, поскольку «волнообразные колебания происходят в каждый данный период около какого-то уровня равновесия», что в какой-то мере аналогично постоянному колебанию уровня цен вокруг цены производства и т. п. (Там же: 388). Все это вполне логично: систему можно одновременно рассматривать и как неравновесную, и как равновесную. Сегодня мы могли бы сказать, что происходят колебания вокруг некоего аттрактора. Следует иметь в виду, что общей теории неравновесных систем тогда не было, но, как бы предвосхищая ее в области экономики, Кондратьев последовательно говорил о равновесии первого, второго, третьего и более высокого уровней, имеющих значительные особенности (Кондратьев 1926/2002: 388–391).

Примечание 80 (на с. 129). Стоит обратить внимание на то, что с самого начала статьи, уже в аннотации, Смирнов утверждал, что «большие волны конъюнктуры были присущи исключительно для XIX в., когда возникла *аграрно-индустриальная экономика* (курсив наш. – Л. Г., А. К.). Причем каждая отдельная волна имела одну главную причину. Повыша-

тельная волна 1789–1814 гг. была вызвана Наполеоновскими войнами, понижательная волна 1815–1849 гг. индустриальной революцией, повышательная волна 1850–1873 гг. открытием огромных запасов золота, понижательная волна 1874–1896 гг. индустриализацией транспорта и падением цен на продукты земледелия... Следовательно, присущие XIX в. большие волны конъюнктуры – явление не всеобщее, а уникальное». Теперь же он утверждает, что «*большие циклы Кондратьева – результат не только инновационных изменений, порожденных индустриальной революцией*». Что-то здесь у Смирнова не сходится. Или большие волны конъюнктуры XIX в. были вызваны внешними случайными явлениями, и тогда это действительно нерегулярные волны, а не повторяющиеся циклы, либо это все же циклы, у которых была одна общая причина – инновационные изменения плюс собственные внешние причины (см. также прим. 55 и 62). Во втором случае приходится признать, что большие волны конъюнктуры XIX в. и большие циклы XX и XXI вв. имеют одну общую причину, даже если эта причина более ярко выражена в XX и XXI вв. Попытка А. С. Смирнова усидеть на двух стульях, постоянно подменяя одни термины другими, не может, тем не менее, затмить то обстоятельство, что он порядком запутался в своих критических обвинениях, которые, естественно, трудно принимать всерьез. Надо четко понимать, что все это нагромождение критики нужно Смирнову только затем, чтобы объявить, что все до сего дня известные длинные циклы – плод грубых ошибок, а истинные длинные циклы открыл только он (см. чуть дальше). Ну и доказывал бы свое. Почему бы с этого и не начать статью, зачем очернять Кондратьева?

Примечание 81 (на с. 130). Обратите вначале внимание на логику А. С. Смирнова. Он пишет: «Но этот факт свидетельствует только о том, что российские авторы хорошо изучили лишь главную работу Кондратьева». Какой именно факт об этом свидетельствует? То, что мы не согласны с подходом Шумпетера? Никакого факта Смирнов нам не сообщает. Но зато он, ничтоже сумняшеся, утверждает, что мы незнакомы с другими работами Кондратьева, кроме его доклада 1926 г. Но разве в работах Кондратьева, на которые мы не сослались, содержались какие-то важные идеи о связи средних и длинных циклов, которые мы не учли? Нет, таких идей там не содержится, поэтому мы и не считали нужным ссылаться на них в указанной работе. Довольно странно проводить такой ликбез, но все же приходится. Уважаемый г-н Смирнов, наша работа была посвящена не анализу эволюции идей Кондратьева, а исследованию взаимосвязи длинных и средних циклов. Поэтому мы брали из его работ только то, что относилось к нашей теме. Анализ всех трудов Кондратьева не входил в цели нашей работы, объем которой и без того слишком увеличился (см. также прим. 82 и далее). Теперь, в свою очередь, спросим г-на Смирнова: почему он сам, десятки раз повторив, что Кондратьев заимствовал модель больших циклов у Туган-Барановского, не привел прямую цитату из работ

Кондратьева о том, какую именно идею Туган-Барановского тот считал позитивной и развивал? Почему не привлек биографический очерк Кондратьева (1923) о Туган-Барановском? Почему, написав огромную статью и потратив массу времени на совершенно ненужные вещи (типа того, что Кондратьев называл средние циклы то малыми, то средними – об этом см. прим. 16), ни разу не сообщил читателю главного – о том, как Кондратьев сам видел взаимоотношение средних и длинных циклов?

Ну что же, несмотря на то, что наш оппонент этого не сделал, приведем полностью цитату, касающуюся так называемой четвертой правильности, о взаимосвязи средних и длинных циклов:

Большие циклы экономической конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы (то есть среднесрочные J-циклы. – Л. Г., А. К.) с их фазами подъема, кризиса и депрессии. Средние циклы поэтому как бы нанизываются на волны больших циклов. Но если это так, то ясно, что характер фазы большого цикла, на которую приходятся данные средние циклы, не может не отражаться на ходе средних циклов. Действительно, если мы возьмем средние циклы, то очевидно, что все повышательные тенденции элементов, участвующих в средних циклах, будут ослабляться, а все понижательные тенденции их будут усиливаться общей понижательной волной большого цикла. Если, наоборот, мы возьмем средние циклы, падающие на повышательный период большого цикла, то будем наблюдать обратную картину. Отсюда – средние циклы, приходящиеся на понижательный период большого цикла, должны характеризоваться особой длительностью и глубиной депрессий, краткостью и слабостью подъемов. Средние циклы, приходящиеся на повышательный период большого цикла, должны характеризоваться обратными чертами (Кондратьев 2002: 379–380).

Именно отталкиваясь от этой идеи Кондратьева, мы и строили свою концепцию взаимосвязи средних и длинных циклов, с которой читатели могли ознакомиться в нашей статье в настоящем издании. Что же делает Смирнов? Из всего этого фрагмента он приводит (немного ниже этого примечания) только первые четыре строчки, а главное от читателя скрывает. Потратив массу энергии на не относящиеся к делу вещи в отношении нашей книги, он так и не сообщил читателю, в чем же заключается наш подход. Почему? Потому что сообщение об этом и анализ того факта, что цепочки средних циклов радикально отличаются друг от друга по активности и депрессивности, просто разрушает его собственную теорию, которая абсолютно игнорирует этот фундаментальный и установленный еще Шпитгофом факт. Если следовать смировскому методу обвинения оппонентов, то нам следовало бы сказать, что этот факт свидетельствует лишь о том, что Смирнов хорошо изучил только отдельные страницы и фрагменты цитируемых им сочинений, а остальные изучил плохо. Но полбеды, если бы это было так. К сожалению, приходится признать, что

А. С. Смирнов сознательно замалчивает и искажает смысл того, что писали и пишут его оппоненты.

Мы уже не говорим о лексике Смирнова. «Хорошо изучили» вместо использовали. И сразу читатель ощущает недоверие к авторам, которые, как плохие студенты, не изучили всего, что требовалось. Между тем используют все работы, которые изучили, только начинающие ученые, а серьезные указывают только те, которые необходимы в данной работе, оставляя за полем внимания читателя гораздо большее количество известных им работ.

Примечание 82 (на с. 130). Для целей нашей книги нам не требовалось использовать работу Туган-Барановского «Бумажные деньги и металл», так как проблема денег не стояла в центре нашего внимания, тем более что мы никогда не считали ее важнейшей среди работ этого исследователя. Важнейшей мы считаем его работу «Периодические промышленные кризисы». И нас в данном аспекте, собственно, и интересовали только его взгляды на средние циклы. Повторим, используют все, что прочитали, только начинающие ученые. В настоящей статье мы имели возможность представить основные идеи книги Туган-Барановского «Бумажные деньги и металл». Но, как видит читатель, никаких особых открытий в ней нет, несмотря на все восклицания Смирнова. Что касается материалов дискуссии, то, повторим, мы не писали историографическую работу по истории эволюции идей Кондратьева, соответственно это нам и не требовалось. В отношении же взаимосвязи длинных и средних циклов дискуссия практически ничего нам не давала, поскольку о таком взаимоотношении никто, кроме Кондратьева, не говорил.

Примечание 83 (на с. 130). Кондратьев дал очень четкие пояснения по поводу того, какие идеи Туган-Барановского он использовал (а именно – только идею неравномерности накопления капитала), которые, однако, Смирнов упорно скрывает от читателя. Мы их приводим полностью в прим. 15. А утверждение, что упоминание о схеме (модели) средних циклов в отношении длинных волн было одной из главных претензий оппонентов, однозначно неверно и является грубым искажением. Мы уже приводили эти претензии в прим. 15. О структуре среднего цикла было упомянуто только Опариным, но не в основном докладе, а в Заключительном слове (Опарин 1926б/1989: 356) лишь один раз, без пояснений (см. прим. 15). Главная претензия оппонентов была в том, что доказательства существования длинных циклов их не удовлетворяли. Ясно, что для нашей книги (Гринин, Коротаев, Цирель 2011) материалы дискуссии нам никаким образом не были нужны. Теперь же, когда появилась важная причина обратиться к дискуссии в связи с инсинуациями Смирнова, мы с удовольствием это делаем. Попутно обращаем внимание, что участника с фамилией Дойчер в дискуссии не было. Это ошибка. Мы знаем Исаака Дойчера, биографа Троцкого и Сталина, но он никакого отношения к длинным волнам не имел. Возможно, Смирнов имел в виду Фалькнера,

но написал Дойчер, поскольку более ни разу этой фамилии в статье он не упоминает.

Примечание 84 (на с. 131). По поводу странных утверждений Смирнова о якобы обозначенном Кондратьевым цикле 1911–1924 гг. в работе, которая вышла в 1922 г., мы уже писали (см. прим. 29).

Примечание 85 (на с. 131). В этой работе Кондратьева действительно были некоторые интересные моменты, в частности то, что Кондратьев выделял оборванный войной цикл 1911–1914 гг., а следующий цикл он начинал с 1914 и заканчивал 1920/21 гг. (Кондратьев 2002: 323, см. выше прим. 29). Но об этом А. С. Смирнов предпочитает не упоминать, упорно приписывая Кондратьеву выдуманный им цикл 1911–1924 гг. (и это в книге 1922 г.!). Так что эту работу стоило бы лучше изучать самому Смирнову, нам же для целей монографии (Гринин и др. 2011) она не требовалась. Что касается утверждения Смирнова, что в работе «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» содержится более важная информация о том, как представлял себе отношения циклов Жюгляра и конъюнктурных волн Кондратьев, чем в работе «Большие циклы конъюнктуры», то это абсурд уже потому, что, как указывал сам Кондратьев через четыре года (Кондратьев 1926/2002: 344), хотя в 1922 г. он и высказал гипотезу о существовании таких циклов, но «эта мысль была основана тогда на некоторых довольно отрывочных данных». Нет ничего такого в работе 1922 г. о средних циклах, чего бы ни было в докладе 1926 г.

Примечание 86 (на с. 131). По поводу того, что на самом деле Кондратьев считал циклы 7–11 средними, называя их короткими, или малыми, только для удобства и особо оговаривая это, мы уже подробно говорили (см. прим. 16). То, что Смирнов не забывает напоминать об этом, но стабильно «забывает» упомянуть об этих оговорках Кондратьева, только лишний раз характеризует его научную добросовестность. Вышеприведенная цитата из Кондратьева о различиях в поведении покупательной силы цен сельскохозяйственных и промышленных товаров и особенно интерпретации ее Смирновым тоже многое может сказать о его научной добросовестности. Начать с того, что эта цитата находится не на 445-й, а на 500-й странице. Но это самое малое. Далее, ничего принципиально отличного от того, что говорилось в «Больших циклах экономической конъюнктуры» (Кондратьев 1926/2002), здесь нет, вопреки утверждениям Смирнова. Здесь исследуется особый аспект проблемы различий в поведении цен и покупательной силы товаров (специфический термин), упоминать о котором было бы лишним в нашей работе (Гринин и др. 2011). Кондратьев высказывает абсолютно верную мысль, что «в процессе хозяйственного развития меняется не только общая конъюнктура, но и сравнительное или относительное положение различных отраслей и сфер народного хозяйства» и что важно исследовать эту относительную конъюнктуру, то есть различия в колебаниях разных сфер и отраслей

(Кондратьев 1928/2002: 407 и др.). В то же время он приходит к выводу, что при определенных существенных различиях конъюнктуры общая динамика просматривается везде. «Таким образом, ясно, что индекс промышленных цен описывает почти совершенно те же $2\frac{1}{2}$ большие волны, что и индекс сельскохозяйственных цен. При этом условии понятно, что те же волны находим мы и в общем индексе. Причем характер их ближе напоминает движение цен промышленных товаров», – например, пишет он (Там же: 448). Из этого очевидно, что интерпретация Смирновым цитаты Кондратьева в том смысле, что «большие циклы и конъюнктурные волны вообще зависят от динамики сельскохозяйственных цен», а не от промышленных, абсолютно не соответствует идеям Кондратьева. Последний также никогда не утверждал, будто сельскохозяйственные цены выключены из средних циклов. «Приведенная диаграмма убеждает в том, что покупательная сила сельскохозяйственных и промышленных товаров подчинена ритму более или менее правильных малых циклов», – например, писал он (Там же: 495). Это значит, что сельскохозяйственные продукты вовсе не исключаются Кондратьевым из малых (средних) циклов, как интерпретирует Смирнов, а активно вовлечены в них. Но при этом имеются определенные особенности. В частности, цены на сельскохозяйственные товары в период подъема среднего цикла растут медленнее, чем на промышленные. И наоборот, в период спада цены на промышленные товары падают быстрее, чем на сельскохозяйственные. Как указывает Кондратьев, такой разнонаправленный характер движения покупательной силы сельскохозяйственных и промышленных товаров в средних циклах достаточно четко обнаруживается только со второй половины XIX в., что «нужно связать с фактом превращения Англии в чисто индустриальную страну» (Там же: 498). Таким образом, Кондратьев показывает определенную эволюцию среднесрочной цикличности: по мере роста объемов индустриального производства индустриальные товары начинают играть все более важную роль. Далее Кондратьев выделяет еще одну особенность поведения цен, а именно: движение в сторону понижения покупательной силы сельскохозяйственных товаров в средних циклах в фазе подъема характерно не для всех сельскохозяйственных товаров, а для продовольственных (Там же: 498). Напротив, группа технического сырья (как хлопок) в этом отношении приближается к промышленным товарам и более чутко реагирует на подъемы и спады. Ведь в период промышленного подъема потребление продуктов питания рабочими растет не так быстро, как потребление сырья, хлопка или льна. Таким образом, Кондратьев углубил понимание того, что разные группы товаров имеют разную эластичность и волатильность в отношении изменения спроса и предложения, но он твердо придерживается идеи, что так или иначе и в средних, и в длинных циклах меняется конъюнктура всех групп товаров, и динамика и тех и других цен находится «в достаточном, хотя и не в строгом соотношении

с колебаниями общей конъюнктуры в рамках торгово-промышленного цикла, постольку и причины разнообразных циклических колебаний цен по существу те же, которыми вызываются торгово-промышленные циклы общей конъюнктуры» (Кондратьев 1928/2002: 461–462). При этом бывают средние циклы, когда и сельскохозяйственные цены очень чутко реагируют на смену фаз среднего цикла (Кондратьев приводит пример кризиса 1920/21 гг.). Чтобы понять общую идею Кондратьева, надо учитывать, что он говорит не о ценах, а о покупательной силе товаров (то есть об их сравнительной, а не абсолютной стоимости; своего рода определение этого понятия см.: Там же: 464). Поэтому динамика роста или падения сельскохозяйственных цен более заметна в длинных циклах.

Итак, утверждение Смирнова, что в своей последней опубликованной работе по циклам Кондратьев «фактически девальвировал проблему отношения циклов Жюгьяра и конъюнктурных волн, в силу их различного происхождения», абсурдно. Кондратьев ввел раздел 6 «Малые циклы колебания уровня цен» (Там же: 454), поскольку он понимал, что «в действительности развертывание больших циклов, и в частности циклов цен, идет сложнее (чем он представил выше в схематическом описании. – Л. Г., А. К.) и прежде всего оно осложнено одновременным проявлением циклических колебаний более коротких периодов. К этим колебаниям мы и переходим». Естественно, что средние циклы усложняют определение тренда длинного цикла, но Кондратьев нигде не говорит, что динамика цен в средних циклах каким-то образом действует так, что средние циклы выпадают из длинных. Напротив, он подчеркивает, что цены на все группы товаров подчиняются в целом (с особенностями) динамике как средних, так и длинных циклов. См. также прим. 88.

Примечание 87 (на с. 132). Прежде всего вновь напомним, что Смирнов грубо и намеренно обрезал цитату Кондратьева, тем самым не просто исказив, но скрыв его основную идею о взаимоотношениях средних и длинных циклов (см. эту цитату и ее объяснение выше в прим. 81). Если бы он привел цитату полностью, то смысл высказывания Кондратьева был бы абсолютно ясным. Тем не менее объясним, что означает «средние циклы поэтому как бы нанизываются на волны больших циклов». Мы полагаем, это можно интерпретировать так, что он считал длинные циклы определяющими характер средних, а колебания в рамках средних своего рода важными, но все же флуктуациями вокруг длинного тренда²³. Кроме того, Кондратьев подчеркивал, что некоторые жюгьяровские кризисы становятся переломными и в отношении смены фаз длинных циклов и са-

²³ Отметим, что, если читатель обратил внимание, в нашей теоретической статье в настоящем альманахе (с. 54–55) мы подчеркивали, что не считаем такой взгляд на соотношение средних и длинных циклов верным, напротив, мы полагаем, что цепочки средних циклов скорее определяют характер фаз длинных циклов. Но это вовсе не означает, что слова Кондратьева, как полагает Смирнов, не имеют смысла.

мих циклов. Что же касается утверждения Смирнова о неспособности Кондратьева «решить проблему отношения больших циклов и циклов Жюгляра», то надо понимать, что Кондратьев такой задачи перед собой просто не ставил. У него были иные задачи – прежде всего убедить остальных в реальном существовании длинных циклов. Поэтому, хотя из работы в работу описание взаимоотношений между двумя типами циклов дополняется, оно остается кратким и каждый раз Кондратьев оговаривается, что анализ особенностей средних циклов не входит в его задачу (Кондратьев 1922/2002: 322; 1926/2002: 397)²⁴. В работе 1928 г. он также касается этой проблемы, поскольку есть необходимость более подробно показать особенности поведения цен (покупательной силы) сельскохозяйственных и промышленных товаров (Он же 1928/2002: 454).

Примечание 88 (на с. 132). Выше, в прим. 86, мы уже подробно объясняли идеи Кондратьева, не имеющие ничего общего с интерпретациями Смирнова. Здесь же добавим, что об особенностях поведения сельскохозяйственных цен в длинных циклах Кондратьев говорил еще в статье 1925 г. и докладе 1926 г., выделив эту тему в так называемую третью эмпирическую правильность, согласно которой в период понижительных волн больших циклов цены на сельскохозяйственные товары падают сильнее, чем на промышленные (Он же 1926/2002: 376–379; см. также с. 394). Таким образом, вовсе не внезапно Кондратьев стал исследовать динамику цен на разные группы товаров, а работа 1928 г. была развитием его предшествующих идей начиная с 1921 г. Но никоим образом его идеи ни в 1926, ни в 1928 г. не заключались, как считает Смирнов, в том, что «конъюнктурные волны у него превращаются в следствия колебаний цен в аграрном секторе». Напротив, в прим. 86 мы уже видели: Кондратьев отмечал, что волны общей конъюнктуры отражают такие же движения как сельскохозяйственных, так и промышленных цен, но даже несколько ближе к движению промышленных (Кондратьев 1928/2002: 448). Конъюнктурные волны у Кондратьева, вопреки утверждениям Смирнова, формируются в результате волн как промышленных, так и сельскохозяйственных цен, но поскольку реакция этих двух групп товаров на изменения отличается, в течение понижительных волн покупательная способность сельскохозяйственных товаров (за исключением сырьевых) уменьшается сильнее, чем промышленных. Вот и все. Неужели Смирнов ожидал, что все цены будут изменяться синхронно? Это было бы наивно. Тогда бы не образовывались пузыри, более активные и депрессивные сектора. Именно

²⁴ В работе 1924 г. он еще не готов говорить о движущих силах обоих циклов, поэтому пишет: «Мы не говорим, что большие циклы имеют ту же природу, что и малые циклы. Мы утверждаем лишь то, что эти колебания конъюнктуры должны быть изучаемы» (Кондратьев 1924/2002: 38). Эти слова, кстати, дополнительно опровергают навязчивую идею Смирнова о том, что Кондратьев перенес модель среднего цикла на большой.

асинхронность развития разных секторов и сфер ведет к цикличности (что, собственно, отмечал и сам Смирнов на с. 101–102).

Во время дискуссии 1926 г., заключая доклад, Кондратьев отметил, что «при построении модели больших циклов мы игнорировали факт существования средних циклов и других колебаний конъюнктуры, которые значительно осложняют ход больших циклов. Для полного объяснения хода конъюнктуры было бы необходимо дать анализ и этих средних циклов, и других колебаний. Однако это не входит в задачу моего доклада» (Кондратьев 1926/2002: 397). То есть все ясно. В докладе он сосредоточился на главном в отношении динамики цен на промышленные и сельскохозяйственных товары, но предупредил, что для средних циклов имеются особенности, на которых он не может останавливаться. Теперь, в 1928 г., он публикует специальную работу, в которой пытается все эти особенности учесть, причем он повторяет ровно то же, что и в 1926 г.: «В действительности развертывание больших циклов, и в частности циклов цен²⁵, идет сложнее и прежде всего оно осложняется одновременным проявлением циклических колебаний более коротких периодов. К этим колебаниям мы и переходим» (Он же 1928/2002: 454). И далее он посвящает особенностям колебаний цен на промышленные и сельскохозяйственные товары параграф 6 из 7,5 страниц. Но ни к какому выводу о том, чтобы, употребляя странное выражение Смирнова – *«девальвировать»* проблему отношения циклов Жюгляра и конъюнктурных волн в силу их различного происхождения», – он не пришел и не мог прийти. Напротив, заключая данный параграф, он отметил – здесь нам приходится повторять цитату, – что динамика промышленных и сельскохозяйственных цен находится «в достаточном, хотя и не в строгом соотношении с колебаниями общей конъюнктуры в рамках торгово-промышленного цикла, постольку и причины разнообразных циклических колебаний цен по существу те же, которыми вызываются торгово-промышленные циклы общей конъюнктуры» (Кондратьев 1928/2002: 461–462). Отметим, что это не Кондратьев, а один из его критиков – С. А. Первушин (см. о нем, кстати, статью в настоящем альманахе), признававший большие волны (но как более глубинное явление экономики вообще, а не просто капиталистической экономики), предлагал Кондратьеву искать большие волны не в капиталистиче-

²⁵ Обратим внимание, что конъюнктуру Кондратьев рассматривает шире, чем просто изменение цен или спроса и предложения, как «направление и степень изменения совокупности элементов народнохозяйственной жизни по сравнению с предшествующим моментом» (Кондратьев 1924/2002: 33); он специально подчеркивает, что определение конъюнктуры как отношения спроса и предложения на рынке, как у В. Репке, неудовлетворительно (Там же: 28). А это значит, что большие циклы конъюнктуры и большие циклы цен, по Кондратьеву, различаются, и, следовательно, движение цен тех или иных товаров может не совпадать с общим трендом конъюнктуры в большей или меньшей мере.

ском хозяйстве, а в динамике сельского хозяйства (Первушин 1926/1989: 295; см. также: Белянова и др. 1989: 482).

Итак, ясно, что нам в работе (Гринин, Коротаев, Цирель 2011) не требовалось дополнительно подключать работу Кондратьева 1928 г., так как все основные идеи о соотношении средних и длинных циклов им были высказаны в докладе 1926 г.

Примечание 89 (на с. 132). Смирнов обладает удивительным зрением: с одной стороны, он видит то, чего нет в текстах оппонентов, с другой – не видит их совершенно ясных утверждений и оговорок. Поэтому он не заметил, что мы писали по поводу того, что очень многое в теории кондратьевских волн все еще находится в статусе гипотезы: «Сам вопрос существования К-волн вызывает сомнения у многих экономистов... Во многом это объясняется тем, что даже к настоящему времени мы можем обобщить данные всего по четырем полным К-волнам, что является все же недостаточным для строгого подтверждения многих выводов и гипотез» (Гринин и др. 2011: 8); «В отношении причин возникновения и повторения К-волн (длинных циклов)... преимущественно господствуют гипотезы» (Там же 2011: 122).

Примечание 90 (на с. 132). Надо полагать, А. С. Смирнов считает, что он доказал реальность циклов Жюгляра! Но главное – Смирнов не обратил внимания на соответствующие места в нашей работе (Гринин и др. 2011), где говорится о том, что и средние, и тем более длинные циклы оспариваются (Там же: 8, 122). Что касается различий в подходах европейских и американских экономистов, то, на наш взгляд, хорошее объяснение дал этому Э. Хансен, причем намного позже работ Митчелла. Прочитируем то, что мы писали по этому поводу в нашей книге (Там же: 13):

В этой связи важно пояснить, что хотя по вопросу о длительности бизнес-циклов и нет полного единства, но это далеко не всегда связано с концептуальными расхождениями, а очень часто вызывается научной традицией, разной в американской и европейской литературе. Американские экономисты (см., например: Хансен 1959) использовали понятие бизнес-циклов как для малых (Китчина) циклов, связанных с колебаниями товарно-материальных запасов (2–4 года), так и для жюгляровских (связанных с колебаниями в инвестициях), которые они называли большими, тогда как сегодня мы используем понятие больших циклов в основном для К-волн. Этот момент различия традиций хорошо объяснен Э. Хансеном. Он, в частности, пишет: «Термин “экономический цикл” употребляется обычно особенно в Соединенных Штатах, не только в отношении того, что именуется *большим* циклом, но также в отношении *малого* цикла. И термин “депрессия” часто применяется как для обозначения малых рецессий, так и для обозначения больших депрессий. В Европе же, когда говорят об “экономическом цикле”, обычно имеют в виду то, что мы называем *большим* циклом» (Хансен 1959: 71).

При этом Хансен показывает, что с 1865 по 1938 г., то есть за 73 года, в США сменилось в общей сложности 18 циклов – 7 больших (то есть жюгляровских среднесрочных) и 11 малых (см. Рис. 2; см. также: Burns, Mitchell 1946). В *Главе 1* мы приводим из (Хансен 1959) несколько графиков отдельных циклов, на которых хорошо видно, что налицо, действительно, определенная система коротких и среднесрочных циклов. «Продолжительность больших (то есть среднесрочных жюгляровских. – *Авт.*) циклов, от исходных до конечных низин, колеблется между минимумом в 6 лет и максимумом в 13 лет²⁶. Если мы наряду с большими циклами включим в подсчет также все малые вершины и депрессии, то 18 циклов, имевших место с 1865 по 1938 г., подсчитанные таким образом, образуют по своей продолжительности (от низины до низины) ряд с минимумом в 2 года и максимумом в 9 лет. Средняя продолжительность составляет 3 года; 13 циклов из 18 находятся в пределах ряда, охватывающего период от трех до пяти лет» (Хансен 1959: 73).

Примечание 91 (на с. 133). Поскольку Смирнов не приводит никаких ссылок, мы позволим себе усомниться в последней части его утверждения, будто Жюгляр и ряд других экономистов думали, что промежуточные спады есть начало и конец всего цикла. Мы не встречали таких утверждений и не нашли подтверждения этому в работе Шумпетера по истории экономической науки (Шумпетер 2004). Экономисты либо считают циклы по принципу Митчелла либо включают колебания в средние циклы (как делал, например, Хансен, см. ниже приводимые графики, Рис. 11А и 12А). Нам кажется, что в прим. 90 все объяснено достаточно ясно.

Примечание 92 (на с. 133). Если мы правильно поняли эту мысль Смирнова (его «открытие» причин промежуточных спадов), то он считает, что не во всех трех типах циклов Жюгляра, которые он выделяет (роста, инноваций, сдвига), возможны промежуточные спады. В циклах инноваций, по Смирнову, они возможны, если цикл роста продолжает на него действовать. Значит, надо понимать, что в циклах роста и сдвига нет промежуточных спадов (иначе в чем тогда состоит «открытие»?). Но почему же тогда промежуточные спады также имеют место и в этих типах циклов? Например, цикл 1867–1873 гг. – это цикл сдвига по Смирнову. Вот его графическое выражение, сделанное Хансеном.

²⁶ Стоит отметить, что в конце XIX – начале XX в. в США циклы Жюгляра были длиннее европейских по той причине, что они, с одной стороны, следовали за европейскими циклами и потому реагировали на кризисы и спады в Европе очень чутко, а с другой – имея более мощные резервы, американская экономика могла преодолевать эти заминки и удлинять цикл (см. об этом: Гринин, Коротаев 2010). Поэтому с учетом цикла в Мир-Системе и ее центре мы исходим из того, что чаще длительность жюгляровских циклов, как правило, находится в интервале 7–11 лет, хотя отдельные циклы могут быть короче или длиннее.

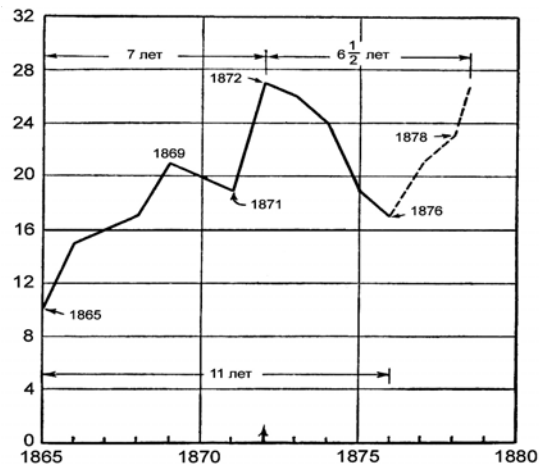

Рис. 11А. Среднесрочный цикл 1865/6–1873 гг. Индекс производства промышленных товаров длительного пользования (1899 г. = 100)

Источник: Frickey E. *Production in the United States, 1860–1914* (приводится по книге Э. Хансена [1959: 78, рис. 9]).

А цикл 1922–1930 гг., по Смирнову, цикл роста.

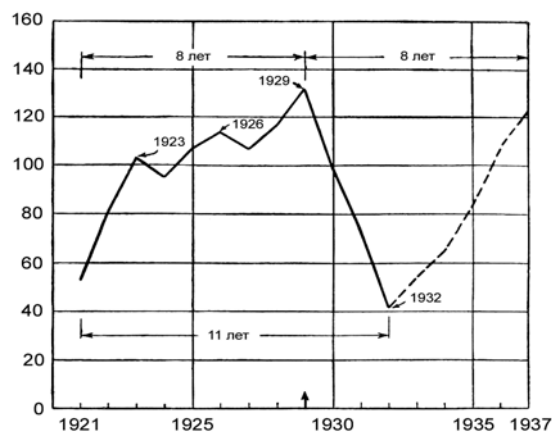

Рис. 12А. Среднесрочный цикл 1921–1933 гг. Индекс производства промышленных товаров длительного пользования (1935–1939 гг. = 100)

Источник: Federal Reserve Board, *Index of Production of Durable Manufactures* (приводится по книге Э. Хансена [1959: 87, рис. 16]).

На обоих графиках очень четко видны промежуточные спады (в первом случае в 1871 г., во втором – в 1923 и 1926 гг.). Таким образом, от «открытия» Смирнова, что промежуточные спады возможны, потому что циклы Жюгляра различны (по типам), ничего не остается. Если же Смирнов имел в виду, что они возможны, потому что циклы Жюгляра неодинаковы как таковые, то тут он изобрел велосипед. Действительно, циклы Жюгляра различны, но не в том смысле, в каком открывает их Смирнов (что они функционально повторяются через три цикла). Они различны, потому что любой из них не похож на другие. И на это указывали не только мы, но и другие исследователи задолго до нас, например Й. Шумпетер (2004, т. 2: 985).

Промежуточные спады возможны по разным причинам, прежде всего потому, что средние циклы не являются чем-то, что действует с железной необходимостью, а лишь некоторой тенденцией, просматривающейся то лучше, то хуже, всегда опосредуясь внешними факторами и реакцией различных сил, которые индивидуальны. Искать в них какую-то четкую последовательность не приходится.

Поскольку на этом Смирнов заканчивает содержательный «анализ» нашей концепции соотношения средних и длинных циклов, приходится повторить, что о главной идее нашей работы он не сказал ни слова, а именно о том, что средние циклы можно группировать по 2–4 на основании того, что они имеют разную динамику по активности и депрессивности и что именно эта динамика определяет особенности фаз длинных циклов (см. хотя бы нашу теоретическую статью в настоящем альманахе на с. 45, 51, 53–54).

Как мы видели, один из главных методов анализа Смирнова – умалчивать и замалчивать основные идеи его оппонентов. Он не привел или исказил ведущие идеи Кондратьева относительно взаимосвязи средних и длинных волн (как и другие идеи). Почему Смирнов, исследующий взаимосвязь циклов Жюгляра и длинных циклов, ни слова не говорит ни о том, как видел их соотношение Кондратьев, ни о нашем подходе, при обилии (см. ниже) его совершенно не относящихся к делу рассуждений о мир-системной теории? Потому что, во-первых, это ему невыгодно, а объективностью он не отличается, а во-вторых, ему хочется быть единственным и неповторимым исследователем средних циклов, которые он для оригинальности называет «малыми». Но все это только делает ценность представленной работы ничтожной. См. также в прим. 104, о чем еще умолчал Смирнов.

Примечание 93 (на с. 133). Даже как-то неловко оправдываться. Первое. Исследовать все проблемы циклов Жюгляра никому не дано, и мир-системная теория тут ни при чем. Во-вторых, мы давно исследуем мир-системные проблемы. А длинные волны и средние циклы имеют характер мировых изменений и потрясений, поскольку экономические из-

менения в мире передаются очень быстро и взаимозависимость между экономиками крайне высокая. Соответственно было совершенно логично использовать мир-системный анализ в некоторых аспектах и логично, что жюглярские и кондратьевские циклы мы исследуем в аспекте мир-системного анализа, ведь это мировые явления! (См. об этом в нашей теоретической статье в настоящем альманахе, с. 30, 46–47 и др.) Объединение теорий было важно не для того, чтобы «создать более солидное основание под теорией Кондратьева», как выражается Смирнов, а для того, чтобы сделать наш анализ более релевантным, поскольку мы глубоко убеждены, что только в таком мир-системном аспекте и можно по-настоящему понять экономическую цикличность. В-третьих, вновь наличие изобретение теорий за оппонента. Сколько же можно? Пусть он комбинировал в отношении умерших ученых, приписывая им несуществующие теории и несуществующие заимствования. Они уже ответить не смогут. Но в отношении живых ученых, которым ты посылаешь статью на рецензию, зачем придумывать? Никакого синтеза Кондратьева и Валлерстайна у нас нет и быть не могло уже потому, что и в отношении идей Кондратьева мы многое не принимаем, отдавая при этом ему должное, как положено, а Валлерстайна мы много критикуем. Если бы Смирнов внимательно читал наши работы, то понял бы, что мы гораздо более склонны к гундерфранковской модели мир-системной теории (см., например: Frank 1990), чем к валлерстайновской. Но, по-видимому, Смирнов никого из мир-системщиков, кроме Валлерстайна, не знает, зато уж здесь он получил оперативный простор для своей критики. Только какое отношение это имеет к нашей книге? Мы ни теорию Валлерстайна в ней не рассматривали (это было сделано в другой нашей книге: Гринин, Коротаев 2009), ни отношение Валлерстайна к теории Кондратьева. Зато о главных наших идеях Смирнову, видимо, места не хватило сказать.

Примечание 94 (на с. 133). Полагаем, И. Валлерстайна проблема отношения модели циклов Жюгляра и циклов Кондратьева интересовала в последнюю очередь.

Примечание 95 (на с. 133). Вряд ли правомерно ставить знак равенства между цивилизационным подходом и пространственным анализом. У Шпенглера, например, пространственный анализ весьма слаб. Зато у Валлерстайна его более чем достаточно. Кто и что должен, по мнению Смирнова, скрыть, неясно. Иммануил Валлерстайн в общем-то не из тех ученых, которые что-то скрывают. Опять наличие ситуация, когда Смирнов придумывает за оппонента теорию или обвиняет его в том, о чем тот не думал, за цели, которые он не мог ставить, за отсутствие качеств, которые как раз у него присутствуют и т. п.

Примечание 96 (на с. 134). Смирнов очень плохо понимает логику теории Валлерстайна. Так, он явно путает мир-империи, при которых во-

шедшие в империю территории теряют независимость, и мир-экономики, при которых экономики разных стран становятся взаимосвязанными. Так вот, Мир-Система включала в себя и мир-империи, такие как Испанская, и мир-экономики.

Из рассуждений А. С. Смирнова видно, что он именно из тех авторов, которые готовы писать обо всем, полагая, что они хорошо изучили предмет анализа. Это видно и из его фрагментов, посвященных цивилизациям. Ни о каких практически независимых цивилизациях в отношении, например, Османской (Турецкой) империи не может быть и речи. Турция была включена в мировую экономику, отсюда мощное влияние революции цен на ее экономику в XVII в. Не говоря уже о том, что шли постоянные войны между европейскими странами, Россией и Турцией. Кстати, ниже он сам об этом говорит. Просто удивляешься, что человек через страницу забывает, о чем только что писал.

Примечание 97 (на с. 134). И такие сложные контакты дают основания Смирнову считать, что цивилизации были практически независимы. От кого? От чего? Такое можно было бы сказать лишь о цинском Китае и токугавской Японии. Или Смирнов путает политическую независимость с изоляцией? Но тогда как могла раздробленная Европа быть независимой?

Примечание 98 (на с. 134). Какое, однако, отношение имеют XVI–XVII вв. и тем более эволюция человечества к проблеме соотношения длинных и средних циклов? Что же касается империализма, то не только в XX, но и в предшествующие века валлерстайновская теория его активно исследует, поскольку империализм центра Мир-Системы как раз и являлся основным предметом изучения (и социальной критики) у мир-системщиков и особенно у Валлерстайна. Еще раз видно, что Смирнов привык критиковать не реальные идеи оппонента, а выдуманные им самим.

Примечание 99 (на с. 134). См. выше прим. 96 о том, что Смирнов не понимает сути термина «Мир-Система».

Примечание 100 (на с. 134). Подчеркнем еще раз, что поскольку Смирнов по своему обыкновению смешивает идеи разных исследователей, то получается, будто бы мы несем какую-то ответственность за построения Валлерстайна, если используем мир-системный анализ. Это все равно как если бы мы обвинили Смирнова в ошибках исследователей глобализации, поскольку ему нравится эта теория. Нам, кстати, она тоже нравится, и мы не видим противоречия между использованием мир-системного и глобального подходов. Они дополняют друг друга. См., например, наши работы по исследованию глобализации в мир-системном аспекте (Гринин, Коротаев 2010, 2008, 2009, 2010; Grinin, Korotayev 2012, 2013a, 2013b, 2013c; Korotayev 2007, 2008, 2012, 2013).

Примечание 101 (на с. 135). Мы не припомним такого рода критику, тем более беспощадную, от оппонентов Кондратьева. Смирнов же, как обычно, не дает ссылок. Да, например, Фалькнер критиковал Кондратьева, считая, что перелом в первом цикле произошел намного раньше, чем считал Кондратьев, а Опарин говорил, что при нескольких годах переходного периода (туда-сюда) длина фаз некоторых циклов может не подтверждать вторую правильность Кондратьева о большей концентрации общественных событий в повышательных фазах. Но главная критика была в другом. Да и ни о каких 15 годах переходных периодов у Кондратьева нельзя говорить, максимальная «вилка» – 7 лет.

Примечание 102 (на с. 135). Повторим, что мы ни в коей мере не сторонники теории Валлерстайна, хотя отдельные моменты его теории, безусловно, представляют интерес. Если бы мы стремились только к громким именам, мы бы добавили и другие фамилии. Однако странно: о главных наших идеях в отношении взаимосвязи длинных и средних циклов Смирнов не говорит ни слова, но активно критикует нас за Валлерстайна. Скорее, здесь наш уважаемый оппонент выдает свои фобии. Видимо, он считает, чем больше крупных ученых он раскритикует, тем внушительнее будет казаться на этом фоне его собственная теория. Вот он и «подтягивает» Туган-Барановского, Кондратьева, Митчелла, Шумпетера, Хабрелера, Кейнса, Валлерстайна и других.

Примечание 103 (на с. 135). Смирнов постоянно ломится в открытую дверь. Любому ясно, что золото уже является не деньгами, а товаром. Пример с золотом был приведен только как одно из целого ряда доказательств того, что длинноволновая динамика не миф, а имеет под собой эмпирическую базу. И то, что даже в колебаниях цен на золото сегодня сохраняются длинные волны, говорит об этом.

Примечание 104 (на с. 137). В прим. 92 мы обещали рассказать, о чем важном еще умолчал Смирнов. Речь идет о том, что исследователи давно уже нашли «длинные циклы», отличные от кондратьевских. И Смирнов должен был бы о них знать. Дело в том, что сам Кондратьев подробно рассказывает о подходах Шпитгофа, который объединял средние циклы по три, подчеркивая, что эти цепочки имеют разный характер поведения. В работе 1925 г. (Кондратьев 1925/1993: 60) и докладе 1926 г. (Он же 1926/2002: 380) Кондратьев даже приводит очень интересную таблицу Шпитгофа по длительности числа лет подъема и депрессии в разные периоды, в целом укладывающиеся в фазы длинных волн. Приводим эту таблицу Шпитгофа, который одним из первых указал на эту особенность цепочек средних циклов, однако воздержался от объяснения ее причин. Таким образом, Кондратьев был первым, кто попытался объяснить причины такого поведения средних циклов²⁷.

²⁷ См. о преобладании депрессивных и более активных лет в длинных периодах также: Хабрелер 2008: 223; Румянцева 2003: 25–27. Как мы указывали в нашей первой критической

Табл. 2А. Распределение числа лет подъемов и депрессий в длинных циклах по А. Шпитгофу

Периоды	Число лет подъема	Число лет депрессии
Понижительная волна большого цикла с 1822 по 1843 г.	9	12
Повышательная волна большого цикла с 1843 по 1874 г.	21	10
Понижительная волна большого цикла с 1874 по 1895 г.	6	15
Повышательная волна большого цикла с 1895 по 1912 г.	15	4

Еще одним исследователем, который нашел длинные циклы, отличные от кондратьевских, длительностью 17–25 лет, является Саймон Кузнец. Но о циклах Кузнец Смирнов тоже не желает упомянуть. Упорно не замечал он и нашу идею объединения нескольких циклов Жюгляра в кластеры-цепочки, связанные дополнительно особыми характеристиками (одна цепочка связана депрессивной тенденцией, другая – повышательной, активной).

Примечание 105 (на с. 137). Нам ни разу не встречались подобного рода жалобы на монотонность циклов Жюгляра, зато многие исследователи (как Шумпетер или Хансен) указывают на индивидуальный характер каждого цикла. Напротив, типичное возражение против циклов Жюгляра, что они нерегулярны, но отнюдь не монотонны. «Подменить» их некоторые исследователи стараются именно потому, что находят циклы Жюгляра нерегулярными или неявно выраженными, а не потому, что они монотонны. Собственно, выше, упоминая Митчелла, Смирнов неявно выражал подобную мысль. Здесь же он себе противоречит, но не замечает этого.

Примечание 106 (на с. 137). Как мы уже показывали и как увидим дальше, Смирнов ничем не доказал это весьма важное утверждение. Если бы оно было правильным, это означало бы, что в процессе инноваций есть определенная повторяющаяся логика. Но при этом ниже Смирнов, хотя и упомянул об идее Шумпетера относительно важности инноваций в длинных циклах, главным образом сосредоточился на критике Шумпетера. Однако он абсолютно не показал читателю логику работы инноваций, о которой говорил уже Кондратьев, системно писал Шумпетер и которую

статье (с. 79, сн. 9), такого рода идеи стали появляться уже в начале XX в., например у Лескюра (1908: 167–168).

концептуально развивали последователи Шумпетера. И человек, который постоянно повторяет, что инновации – это основа среднесрочной цикличности, умалчивает о том, что начиная с Кондратьева и Шумпетера целый ряд исследователей доказывали: больше фундаментальных инноваций возникает в депрессивные периоды, то есть на понижательной фазе большой волны. Именно это в конечном счете становится экзогенным механизмом, который переключает понижательную фазу длинного цикла на повышательную. Здесь опять четко прослеживается манера Смирнова: замалчивать реальные достоинства теории оппонентов, будь то Кондратьев, Туган-Барановский, Шумпетер, Митчелл, Валлерстайн либо мы, Гринин и Коротаев, и страстно, неумолимо критиковать выдуманные им же недостатки этих теорий.

Примечание 107 (на с. 137). Мы еще вернемся к анализу того, насколько обосновано такое распределение типов циклов вообще. Пока же заметим, что именно в цикле «роста» 1816–1826 гг. (а не в цикле инноваций 1827–1837 гг.) появились *первые* железные дороги, паровозы и множество других изобретений, о которых можно прочесть хотя бы в работах Кондратьева 1925 и 1926 гг. В то же время утверждение, что «в цикле 1838–1848 гг. происходили хозяйственные, политические и пространственные сдвиги», звучит весьма странно. Что же, хозяйственных сдвигов не было в двух других типах циклов? Или пространственные сдвиги в них не происходили? Но в отношении 1816–1825 гг. сам же Смирнов описывает грандиозные экономические связи Англии и с Европой, и с обеими Америками (с. 143). Более понятна мысль о политических сдвигах, наиболее сильные из которых действительно могут происходить в определенные сжатые периоды времени. Но ведь и цикл «инноваций», по Смирнову, 1826–1837 гг. также характеризуется целым рядом войн Англии и первой, очень трудно давшейся парламентской реформой 1832 г., организацией чартистов, восстаниями рабочих во Франции (в Лионе) и т. д.

Примечание 108 (на с. 137). Однако очень важные политические события в США, России, Италии, усиление Пруссии и ряд других политических событий пришлось на предшествующий цикл «инноваций» 1858–1866 гг. Это показывает сугубую условность типологии циклов, предложенной Смирновым, тем более ниже он сам пишет, что «частично в циклах инноваций политические процессы могут быть определяющими» (а где грань между полным и частичным?). А следовательно, это показывает и неэффективность такого деления.

Примечание 109 (на с. 138). Теперь мы перешли к позитивной части работы А. С. Смирнова, к его собственной концепции. К сожалению, вынуждены отметить, что в концептуальной части много пороков. Скажем о наиболее бросающихся в глаза недостатках методики Смирнова. Во-первых, автор почти не упоминает исследователей, которые так или иначе

связывают цикличность с политическими изменениями, кроме К. Маркса и Дж. Гаттеи. Смирнов даже не потрудился сказать, что Кондратьев указывал на то, что в повышательных фазах длинных циклов больше политических потрясений, чем в других, то есть что политика, по Кондратьеву, отчасти развивалась циклично (см. его так называемую вторую эмпирическую правильность, например: Кондратьев 1926/2002: 374–376). Если он не знаком с современными теориями, которые связывают длинные циклы с политическими изменениями (Моделски, Томпсон 1992; Modelski 2006; Modelski, Thompson 1996; Thompson 1988; Пантин, Лапкин 2006), то, несомненно, с ними надо ознакомиться, если знаком, о них стоит упомянуть. Смирнов также проигнорировал и наши идеи о связи понижительных фаз длинных циклов и активизации политических решений (см. в нашей теоретической статье в этом выпуске альманаха, например, с. 57). Во-вторых, абсолютно неясна методика Смирнова. В частности, в каком контексте он рассматривает рост, инновации и сдвиги? Если в рамках одной страны, тогда причем, скажем, Германия, если он ранее вел речь об Англии? А если по всему миру, тогда почему на одни страны и события он указывает, а на другие нет? Далее, как он измеряет рост и инновации? Ведь рост идет во всех циклах. Следовательно, Смирнов должен был бы доказать, что циклы роста имеют наивысшие темпы роста ВВП (или других показателей) во всех тройках циклов. Либо надо дать какое-то особое объяснение, что значит «рост» (см. также прим. 116). Объяснение, которое дает Смирнов на с. 143: «Их название вытекает из того факта, что в этих циклах действительно наблюдается экономический рост. Но всегда с сильной инфляционной составляющей и без заметных качественных изменений. Поэтому их можно назвать также циклами количественного роста» – только запутывает дело (см. об этом прим. 126). Четкие разъяснения различия циклов в тройках тем более важны, что сам Смирнов признает: «...различия между короткими циклами не являются абсолютными» (с. 140). А раз так, различия становятся весьма размытыми, и их доказательству требуется уделять много внимания. Относительно инноваций также масса неясностей. Невозможно понять, что он подразумевает под циклом инноваций: период создания, период первичного или, напротив, широкого внедрения инноваций. Об этом мы скажем ниже, см. прим. 112 и 113.

В-третьих, конечно, вызывают большие сомнения попытки объединить чисто экономические циклы с политическими изменениями. И хотя Смирнов уделяет этому аспекту достаточно внимания, пытаясь даже увязать циклы Жюгляра и смену американских президентов, все же, на наш взгляд, никакой ясной методики здесь нет²⁸. То, что экономические кри-

²⁸ Отметим, кстати, что, говоря о цикличности политики в США, он не упоминает знаменитую книгу А. М. Шлезингера «Циклы американской истории» (1992 г.). Нельзя же везде пытаться предстать первопроходцем. В науке это выглядит довольно глупо.

зисы могут влиять на политические решения, а политические события – на развитие экономики, правильно, но тривиально. В то же время политические процессы редко определяют инновации в капиталистической экономике. В-четвертых, попытки объять все в этой системе ведут к эклектике, совмещению разных теорий без учета их особенностей, да еще в собственной интерпретации (таких понятий, как постиндустриальное общество, геополитика и т. п.). В-пятых, и это едва ли не главное, Смирнов очень неясно и неубедительно объясняет причины декларируемой им повторяемости функционала циклов. Почему, в самом деле, рост не может идти два средних цикла? Почему цикл сдвига не может сместиться, а должен четко идти за циклом инноваций? И т. п. Это очень непростые вопросы для теоретика. Также не объяснен сам внутренний механизм цикличности. Почему цикл инноваций обязательно сменяется циклом сдвига, а не циклом роста, например? (Что было бы вполне логично: внедрение инноваций ускоряет рост.) Опять же после Второй мировой войны Смирнов ориентируется только на США, называя их циклическим лидером. Но что с циклическостью в других странах? В-шестых, как мы уже говорили, он никак не комментирует фундаментальный факт, на который обращено внимание со времен Шпитгофа и Кондратьева, – различия в поведении группы средних циклов в периоды длительностью 20–30 лет. Мы уделили этому феномену – более активному экономическому росту на одних (2–4 средних) циклах и менее активному, депрессивному росту на других (2–3 средних) циклах – очень большое внимание. Обратим также внимание, что смена ритма в характере роста во многом сама по себе объясняет внутренний механизм цикличности. Важно также иметь в виду, что средние циклы ведут себя по-разному на повышательных и понижательных фазах, в отличие от недоказанных схем Смирнова, и это твердо установленный эмпирически факт, не опровергнутый, кстати, и критиками Кондратьева. Понятно также, что признание этого для Смирнова означает отказ от собственной теории, где тройки циклов ведут себя одинаково. Правда, иногда (как на с. 140) он все-таки признает, что «конъюнктура длинных циклов (вроде цикла 1816–1848 гг., цикла 1849–1873 гг. и т. д.) действительно могла отличаться», но дальше этого не идет.

Более конкретные замечания по методике Смирнова см. ниже в целом ряде примечаний.

Примечание 110 (на с. 138). Не объяснено, какой потенциал реализовывался в самом первом цикле. Ведь А. С. Смирнов ставит стену между аграрной и индустриальной экономикой, отказывая Кондратьеву в праве присоединять период 1789–1810-х гг. к первому циклу.

Примечание 111 (на с. 138). Непонятно, что значит «ведущая роль»? Следовательно, кредитно-финансовая система обеспечивает какой-то особый рост в цикле роста?

Примечание 112 (на с. 138). Здесь, конечно, налицо заимствование идей от шумпетерианцев, которые указывали на связь депрессий и роста базисных инноваций. Только у них теория была более логичной. На возникновение, апробацию и внедрение базисных инноваций требуется достаточно длительное время, как раз укладывающееся в фазу длинного цикла Кондратьева, но для полного разворачивания и затухания требуется полный цикл (см. детальные обоснования этого в работах К. Перес [2011; Perez 2002, 2010, 2011], С. Ю. Глазьева [1993, 2009] и др., на которые Смирнов никак не ссылается; см. также наши статьи в предыдущих выпусках альманаха: Гринин 2012; Коротяев, Гринин 2012). Таким образом, не только создать, но даже внедрить базисные инновации за один средний цикл нельзя. К внедрению нового уклада толкает именно длительность депрессивного периода. У Смирнова же, в отличие от Кондратьева, Шумпетера и нас, средние циклы по депрессивности не различаются. А значит, непонятна мотивация предпринимателей на внедрение инноваций после того, как кризис проходит. Почему бы не продолжать вести дела по-старому? Где-то он понимает, что у инноваций есть срок развертывания и исчерпания, более длинный, чем один средний цикл. Но выражено это крайне непонятно и противоречиво. Например, что можно вывести из этой его фразы: «Когда исчерпан старый инновационный потенциал, грянет острый кредитно-финансовый кризис и депрессия, принуждающие внедрять базисные инновации»? Получается, острый финансовый кризис грянет только в случае исчерпания старого инновационного потенциала. Но так ли это? Нет. Например, цикл 1867–1873 гг., цикл сдвига, по Смирнову, ознаменовался в конце грандиозным финансовым и биржевым кризисом. Но кризис этот, даже по Смирнову, не был связан с исчерпанием инновационного потенциала, так как за ним идет цикл роста, в котором, согласно Смирнову, «еще реализуется инновационный потенциал прошлого длинного цикла». Также из фразы о том, что после цикла роста грянет острый кредитно-финансовый кризис, неясно, имеют ли другие типы цикла особые типы кризисов или же кредитно-финансовый кризис характерен для всех типов цикла. Смирнов просто не желает задумываться над этими вопросами, без четких доказательных ответов на которые вся его теория является просто зарисовкой для себя.

Напомним также: из объяснений А. С. Смирнова нельзя понять, что он подразумевает под инновациями – период создания, первичного или широкого внедрения. Он использует их во всех трех смыслах, в зависимости от того, как ему удобнее (см. также прим. 113 и др.). Если бы он, например, именовал типы циклов: создания, внедрения и распространения инноваций, то это выглядело бы логично. Но при его названиях и объяснениях все запутывается и становится малопродуктивным. Читатель легко увидит это также из следующего и других фрагментов статьи.

Примечание 113 (на с. 138). Так что же такое цикл инноваций? Создание, внедрение или распространение их? «Иного выхода из кризиса завершившего цикл роста, кроме внедрения базисных инноваций, нет», – утверждает Смирнов. Отсюда следует, что инновации – это внедрение, что инновации уже имелись, но не внедрялись. Ведь для создания базисных инноваций требуется время. Но из первой части этой фразы: «Если в цикле инноваций депрессия затягивается...» – вроде бы следует, что инновации – это создание, иначе почему бы производительность труда не росла при их внедрении? Но тогда, значит, инновации внедряются в следующих двух циклах? Из фразы (с. 139) «В циклах сдвигов происходят глубокие изменения в экономике. Инновационные отрасли быстро расширяются, изменяя отраслевую структуру хозяйства» как будто так и следует. Однако некоторые циклы, как, например, 1908–1914 гг. (см. ниже с. 148–149), Смирнов характеризует именно как цикл, когда инновации *распространяются*, начинается массовое производство автомобилей, хотя изобретен автомобиль был намного раньше. Словом, тут масса возможностей для интерпретаций, только досадно, что они не принесут никакой пользы.

Примечание 114 (на с. 138). Падение темпов роста производительности труда в условиях депрессии, особенно в конце 1970–1980-х гг., может быть банально связано с неполной загрузкой предприятий, соответственно и занятость работников в фирмах и на предприятиях меньше, чем во время подъема. Иными словами, падение темпов роста производительности может объяснять кризис, а, напротив, кризис может вести к падению темпов роста производительности труда.

Примечание 115 (на с. 139). Почему конфликты могут начинаться даже «в начале цикла инноваций», когда они только внедряются и для них достаточно ниш, остается неясным. Но логика здесь хромает. Непонятно также, какие конфликты имел в виду Смирнов в отношении периода 1883–1892 гг., в котором, кроме некоторых колониальных войн, ничего такого не было. Также непонятно, о каких конфликтах 1958–1966 гг. ведется речь – в Алжире и Индокитае? Но предшествующий период был еще более богат конфликтами. Наконец, довольно странная ремарка: «1983–1991 гг. (рейганомика)». А какого рода конфликты соединились с рейганомикой? Что касается Ближнего Востока, то там, заметим, ситуация обостряется перманентно начиная с 1948 г., без связи с циклами сдвига. Так, период 1948–1957 гг. почему-то не попадает в перечень Смирнова. А, например, в 2003 г. было вторжение в Ирак, которое пришлось на цикл роста, по Смирнову, политически спокойный.

Примечание 116 (на с. 139). Если «инновационные отрасли быстро расширяются, изменяя отраслевую структуру хозяйства», значит, идет

быстрый рост экономики. Непонятно, чем этот рост отличается от роста в цикле роста? (См. также прим. 109.)

Примечание 117 (на с. 140). Но в цикле 1827–1836 гг. в экономике США, в отличие от экономики Англии, никакой длительной депрессии не было, напротив, экономика развивалась вполне успешно.

В 1820 г. в Соединенных Штатах работало уже 250 тыс. прядильных веретен. Но наибольшие успехи были сделаны в следующее десятилетие. В 1830 г. количество веретен равнялось 1 млн, то есть возросло в 4 раза за десять лет. От прядения не отставало и ткачество. Первый механический ткацкий станок был установлен в 1814 г. Лоуэллом в Вольтеме. В 1820 г. существовало уже больше десятка ткацких фабрик. В период 1820–1830 гг. количество действующих механических ткацких станков увеличилось в 10 раз (Цейтлин 1940: 237). В США уже в 1818–1820 гг. регулярное пароходное сообщение установилось на крупнейших реках и на Великих озерах. В 1925 г. завершилось строительство канала Эри протяженностью в 580 км, соединившего Великие озера с портом Нью-Йорка через реку Гудзон (Захарова 1961: 265). Таким образом, в США развитие пароходства успешно шло и в предшествующем периоде. Следовательно, механизм внедрения инноваций в 1818–1836 гг. в США имел иной характер, чем описывает Смирнов, он не был связан с исчерпанием возможностей для роста. К чему тогда приводить примеры из истории США?

Примечание 118 (на с. 141). Только по длительности пары указанных Смирновым периодов (1849–1873 и 1873–1900 гг.; 1901–1921 и 1922–1948 гг.) были одинаковыми, а по их характеристикам, по депрессивности или экономической активности отличались радикально. Как видим, даже Смирнов робко признает это, замечая, что «конъюнктура длинных циклов (вроде цикла 1816–1848 гг., цикла 1849–1873 гг. и т. д.) действительно могла отличаться». Только не могла, а реально отличалась. Но почему же тогда нельзя объединить их в один цикл? Колебания более активных и более депрессивных периодов и составляли основу теории длинных циклов Кондратьева, но именно это Смирнов как будто не замечает.

Примечание 119 (на с. 141). Это предмет обсуждения. Но тем не менее отметим, что основные изобретения начала индустриальной эпохи были сделаны в 1789–1814 гг. (и даже раньше), причем многие именно в наполеоновскую эпоху, включая и изобретение парохода.

Примечание 120 (на с. 141). Мы рады, наконец, услышать признание Смирнова о генезисе его идей. Если бы он сразу начал свое исследование отсюда, а не придумывал недостоверные истории о генезисе теорий Кондратьева, то и отношение к его работе, и восприятие его идей было бы более позитивным. Относительно взглядов Смирнова на постиндустриальность – особая история, к этому вопросу нам еще придется вернуться.

Здесь же отметим, что, исходя из логики автора, переход от индустриальности к постиндустриальности, как и переход от аграрного общества к индустриальному, должен был бы менять причины цикличности. Однако Смирнов считает, что цикличность только усиливается.

Примечание 121 (на с. 141). Смирнов здесь смешал средние и длинные циклы, тем самым исказив причины цикличности и запутав читателя. В средних циклах главная причина цикличности связана с исчерпанием доступных резервов развития: капиталов, кредита, трудовых и сырьевых ресурсов, перекредитованием и переинвестициями. Собственно, выше он так и объяснял циклы Жюгляра (с. 101): «Общей причиной циклов Жюгляра является несовпадение производства и потребления в индустриальной рыночной экономике и нарастание структурных и стоимостных диспропорций по мере развертывания циклов». Мы же добавим, что инновации играют в средних циклах важную, но не решающую роль. Более заметна роль инноваций в длинных циклах.

Что касается роли кредитно-финансовой сферы в средних циклах, то Смирнов ломится в открытую дверь, пытаясь доказать ее важность. На то, что перекредитование играет важнейшую роль в возникновении кризисов, а значит, и циклов, указывал еще Рикардо и любой другой исследователь средних циклов, включая Туган-Барановского. Мы в своей книге (Гринин, Коротаев 2010) подробно показывали, что в каждом новом цикле либо возникали новые финансовые технологии, либо они широко распространялись. То же касается и расширения арены действия циклов.

Примечание 122 (на с. 142). «Совершенно определенные начало и конец» циклов – это, конечно, сильное преувеличение. Такие границы всегда условны. Почему, скажем, цикл 1816–1826 гг. надо начинать с 1816, а не 1818, 1819 или 1814 г.? Серьезных объяснений этому у Смирнова нет. Объяснение начала цикла изменениями в Европе после Наполеоновских войн абсолютно неубедительно. Тогда надо представлять предшествующий период как протодлинный цикл, конец которого представляет нечто вроде среднего цикла сдвига, после которого, по Смирнову, наступает цикл роста. Однако сам Смирнов категорически против того, чтобы наполеоновскую эпоху относить к индустриальной. Но тогда почему не начать цикл с 1812–1813 гг., когда фактически рухнул режим континентальной блокады? Или не после кризиса 1818 г., когда как раз логично начать новый индустриальный цикл? Для ответа на эти вопросы требуются более фундаментальные объяснения, чем голословные утверждения. Мы предполагаем, что Смирнов просто опирается на среднюю длительность среднего цикла в 10 лет. Мы не говорим уже о сложности установления «границ» более поздних циклов, особенно в войнах и кризисах первой половины XX в.

Примечание 123 (на с. 142). Здесь как раз совершенно наглядно видна условность границ длинных циклов. Чем дата 1900 г., кроме того, что она круглая, отличается от 1996 или 1903 г.? Даже взять период 1905–1907 гг. как момент окончания периода и цикла сдвига было бы более правдоподобно, так как это как раз период политических изменений, связанных с завершением ряда войн и революций, а также «полевением» в Европе. Однако 1901–1907 гг. у Смирнова обозначены как цикл роста, а не цикл сдвига. Чем рост в 1893–1900 гг. был хуже роста в 1901–1907 гг.? Опять неясно.

Примечание 124 (на с. 143). Подобная нумерология не сильно впечатляет, поскольку можно говорить и об изменениях каждые 15, 30 или 40 лет.

Примечание 125 (на с. 143). Другими словами, далеко не всегда в циклах сдвигов решающее значение имеют именно политические сдвиги. Отсюда выделение таких циклов проблематично.

Примечание 126 (на с. 143). Нетрудно видеть, что Смирнов здесь существенно запутался. Во-первых, он добавил инфляционную составляющую. Но в течение всей статьи он неоднократно подтверждал, что волны конъюнктуры в XIX в. действительно имели место. А это значит, что имели место как инфляционные длительные периоды, так и дефляционные. Следовательно, он должен теперь доказать, что в течение инфляционного длинного цикла (например, 1849–1873 гг.) цикл роста (1849–1857) был особенно инфляционным, а другие два – менее инфляционными или даже неинфляционными. И напротив, в дефляционные периоды циклы роста (например, 1816–1826 гг.) в целом были инфляционными. Между тем ниже Смирнов сам пишет, что после 1815 г. последовало «быстрое падение цен военно-инфляционной экономики» и в целом после 1815 г. было характерно быстрое снижение цен (с. 143). Что тогда значит «инфляционная составляющая» в его циклах роста?

Далее встает вопрос о том, что если есть «заметные качественные изменения», то каковы тут критерии? Является ли открытие первой железной дороги в 1825 г. заметным качественным изменением или это незаметное изменение?

Указанная характеристика циклов роста еще более запутывает вопрос об инновациях, поскольку одна треть времени длинного цикла (цикл роста), по Смирнову, выпадает для инноваций.

Наконец, наличие циклов «количественного роста» не проясняет вопроса о том, имеет ли место количественный рост (например, в увеличении объемов и ВВП) в других циклах. И для каких циклов более характерен застой?

Примечание 127 (на с. 144). Как уже было сказано, инновации в финансовой системе характерны для любого среднего цикла (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2010). Отметим также, что хотя Смирнов именуует 1816–1826 гг. циклом роста, на самом деле в целом в экономике в основной период этого цикла преобладал застой. Туган-Барановский (1913/2008: 90) говорит, что и через шесть лет после кризиса 1818 г. экспорт Англии не достиг уровня 1818 г. В 1818 г. экспорт составлял 46,4 млн. ф. ст., а в 1823 г. – только 35,4. И в целом торговля была в застое. Фактически оживление началось с 1822 г., заметный рост – только с 1823 г., он перешел в ажиотаж и закончился катастрофой. Й. Шумпетер (2004, т. 2: 937) также пишет о том, что в период с 1815 по 1830 г. в Англии преобладала депрессия за исключением подъемов 1817 и 1824 гг. Таким образом, неясно, почему Смирнов считает этот цикл циклом роста. Даже начало периода роста наиболее передовой текстильной отрасли датируется не ранее 1821 г. (Цейтлин 1940: 227).

Примечание 128 (на с. 144). В 1957 г. финансовое общество “*Société générale du Crédit Mobilier*” испытало большие трудности, в 1859 г. его дела пошли совсем худо, но банкротство произошло только в 1867 г. См., например, примечание редакции (Маркс 1958: 661) к статье К. Маркса, который в 1857 г. посвятил ее этому банку. Приводим выдержку из примечания. «Имеется в виду “*Société générale du Crédit Mobilier*” – крупное французское акционерное общество, созданное в 1852 г. братьями Перейр. Основной целью *Crédit Mobilier* было посредничество в кредите и грондерство (участие в учредительстве промышленных и других предприятий). Общество участвовало в железнодорожном строительстве во Франции, Австрии, Венгрии, Швейцарии, Испании и России. Главным источником его доходов была спекуляция на фондовой бирже. На средства, полученные от выпуска своих собственных акций, гарантируемых только имеющимися у него ценными бумагами других предприятий, *Crédit Mobilier* скупал акции разных компаний, гарантируемые стоимостью их имущества. Таким образом, одна и та же реальная собственность вызывала к жизни фиктивный капитал в двойном размере. *Crédit Mobilier* был тесно связан с правительством Наполеона III и пользовался его покровительством. В 1867 г. общество потерпело банкротство и в 1871 г. было ликвидировано. Появление в 50-х гг. XIX в. *Crédit Mobilier* как финансового предприятия нового типа было вызвано специфическими особенностями эпохи реакции, которая характеризовалась невероятным разгулом биржевого ажиотажа и спекуляции. По образцу французского *Crédit Mobilier* аналогичные учреждения были созданы в ряде других стран Центральной Европы. Подлинную сущность *Crédit Mobilier* Маркс раскрыл в ряде своих статей» (см.: Маркс 1958а; 1958б; 1958в; 1958г).

Примечание 129 (на с. 144). Итак, Смирнов утверждает, что Н. Д. Кондратьев обращал внимание только на конъюнктуру. Однако Кондратьев, в отличие от своих предшественников, как раз обращал внимание не только на конъюнктуру, но и на инновации, социально-политические события, кредитную систему и многое другое. Смирнов не может этого не знать, но не может хоть в чем-то не «уколоть» Кондратьева.

Примечание 130 (на с. 144). Что касается так называемой «долгой депрессии» (Long Depression) в США с 1873 по 1897 г. (которую до кризиса 1930-х гг. называли также Великой депрессией и цитату из Ротбарда о которой привел выше Смирнов), то остается фактом, что это была самая длительная рецессия в истории экономики США, то есть даже более длительная (хотя и гораздо менее тяжелая), чем Великая депрессия (см., например: Fels 1949: 69). Она длилась 65 месяцев. А весь период с 1873 по 1897 г. в экономике США также называли длинной волной депрессии (The Long-wave Depression). Дефляция давила на американскую экономику в этот период, хотя ее потенции были столь велики, что в целом экономический рост за период 1873–1897 гг. был значительным, однако с 1879 по 1901 г. из 253 месяцев 114 были месяцами рецессий (NBER 2009). Так что этот период вполне заслуживает статуса понижательной волны длинного цикла даже в отношении экономики США. Что касается Англии, то там ситуация была в чем-то тяжелее. Дефляция означала падение нормы прибыли, банкротства и прочие прелести в указанный период. Например, Туган-Барановский (1913/2008: 195) пишет, что промышленное оживление в Англии в начале 1880-х гг. было гораздо слабее, чем в начале 1870-х, поэтому переход от подъема к депрессии был нерезким, и вряд ли когда-либо застой в торговле в Англии был столь продолжителен и губителен для страны, как в 1880-е гг. «Жалобы на низкие цены, срезавшие почти всю предпринимательскую прибыль, в половине 80-х гг. были всеобщими». При этом из отчетов следовало, что «в некоторых отраслях промышленности производство несколько не сократилось, но все жалуются, что прибыль совершенно исчезла» (Там же). О длительной депрессии в 1873–1893 гг. совершенно однозначно писал и Лескюр (1908: 167–168).

Примечание 131 (на с. 145). Смирнов утверждает: «Цикл роста 1874–1883 гг. имел вполне типичные черты». Факты, однако, говорят о другом: что это был не типичный, а достаточно депрессивный цикл (см. выше прим. 130). Подъем был достаточно коротким и закончился в 1882 г. И ощущался он только в некоторых странах, в Англии же многие исследователи вообще говорили о сплошной депрессии с 1873 по 1885 г. (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2010: 84).

Примечание 132 (на с. 145). Все эти характеристики свойственны любому циклу за исключением политических процессов, периодичность

которых трудно привязать к экономическим циклам. Тем не менее отметим, что, вопреки утверждениям Смирнова, многие так называемые циклы роста были весьма не бедны политическими процессами и событиями, оказывавшими большое влияние на экономику. Возьмем, например, цикл роста 1849–1857 гг. Еще шли революции в Европе, например в Венгрии, устанавливались парламентские режимы в Пруссии и Австрии, произошло установление Второй империи во Франции, Крымская война, нарастало напряжение между Севером и Югом в США, начинались реформы в России. Да и ниже, говоря о цикле роста 1949–1957 гг., Смирнов сам же указывает, что этот цикл был сильно деформирован войной в Корее. То же касается и цикла роста 1975–1983 гг. Он был весьма насыщен политическими событиями. Революция в Иране и его противостояние с США, война между Ираком и Ираном, другие кризисы на Ближнем и Среднем Востоке, интервенция СССР в Афганистане, усиление противостояния между Западом и социалистическим блоком, повышение цен на нефть в 1979 г. и т. п.

Примечание 133 (на с. 145). Смирнов утверждает: «Уже следующий цикл роста 1922–1930 гг. закончился глубочайшим в мировой истории крахом кредитно-финансовой системы». В связи с этим представляется необходимым отметить, что в 1929 г. произошел биржевой крах на американской бирже (что не относится непосредственно к кредитно-финансовой системе). Что касается собственно краха банковского и валютного, то и в Европе, и в США он произошел позже, в 1931–1933 гг. Между тем этот период Смирнов искусственно оторвал от цикла 1922–1930 гг. и отнес к циклу 1931–1938 гг., циклу инноваций. Все это дополнительно показывает искусственность смирновской классификации циклов на циклы роста, инноваций и сдвига. В результате все его особые характеристики типов циклов хромают на обе ноги.

Тем не менее, пользуясь случаем, мы хотели бы отметить, что в указанном выше Смирновым ряду крупных потрясений финансовой системы есть определенная логика. Она заключается в том, что особо серьезные кризисы, так или иначе потрясающие всю сферу обращения (биржи, банки, валютную систему и т. д.), приходятся на рубеж между повышательными и понижательными фазами длинных циклов, а иногда и между понижательными и повышательными. А к таким относились кризисы 1929–1933, 1971–1973 и 2008–2013 гг. – все они пришлись на перелом между повышательной и понижательной фазами. Кризис 1982 и последующего годов – это рубеж между понижательной фазой четвертого длинного цикла и повышательной фазой пятого длинного цикла. В своей теоретической статье в настоящем альманахе (с. 58–64) мы также указывали, что, во-первых, наиболее тяжелыми кризисами становятся кризисы, так сказать,

«поворотные», от повышательной фазы к понижательной (в частности, кризисы 1847, 1873, 1929, 1973 гг.), к которым относится и современный глобальный кризис 2008–2011 гг., во-вторых, рубежные J-циклы особо связаны с финансовыми технологиями, которые являются результатом – помимо других причин – чрезмерного оптимизма и повышенных ожиданий, проистекающих из характера предшествующих циклов. Отсюда и наибольший размах финансовых крахов. Что касается кризиса 1907 г. в США, то хотя он был сильным, но быстро закончился, поскольку повышательная фаза была только в начале своего развития.

Примечание 134 (на с. 145). Выше (с. 142–143) Смирнов, кажется, намечал такой рубеж 1900-м годом. Почему он меняет свои же рубежные даты, непонятно. Отметим, что 1929 г. как рубеж, обозначающий переход в индустриально-аграрную, а не индустриальную фазу, в отношении экономики, которая давно стала уже первой в мире, выглядит странно. Кроме того, вряд ли есть смысл сравнивать мощный, но быстро прошедший кризис 1907 г. и Великую депрессию. Кстати, не объяснено, почему в Европе 1929–1932 гг. были столь тяжелыми. Ведь там давно перешли в указанную индустриально-аграрную стадию (см. прим. 56).

Примечание 135 (на с. 146). Предлагаемая Смирновым периодизация выглядит довольно странно. В 1949–1957 гг. доля США в мировом ВВП была наивысшей. А по Смирнову, США только достигали уровня индустриальной зрелости. И не успели достигнуть этого уровня к 1970 г., как сразу же страна перешла в постиндустриальное состояние, не успев насладиться зрелостью. Кстати, в своих таблицах в начале статьи Смирнов обозначает 1901–1975 гг. как период индустриальной зрелости. Получается, США перешли к зрелости позже других? В общем, что-то не сходится. А если считать по Д. Беллу (1999), то такой переход относится и к более раннему времени. Д. Белл считал, что если определять постиндустриальное общество как такое, где произошел сдвиг от промышленного производства к сфере услуг, то получится (к моменту выхода книги, то есть к 1970-м гг.), что Великобритания, почти вся Западная Европа, Соединенные Штаты и Япония вступили в постиндустриальный век. А если определять информационное общество как такое, в котором существуют научный потенциал и способность трансформировать научные знания в конечный продукт, или «высокие технологии», то только Соединенные Штаты и Япония отвечали данному условию. Но довольно странно определять постиндустриальное общество по признаку отмены золотого стандарта. Тогда в СССР наступление постиндустриального общества произошло еще раньше. Словом, с периодизацией этапов индустриализации у Смирнова не все сходится.

Что же касается использования понятия постиндустриализма (постиндустриального общества), то здесь опять нарушены общепринятые нормы. В научном мире принято: если человек ни на кого не ссылается, значит, он работает в рамках более или менее общепризнанной парадигмы. А если он что-то меняет в ней, то объясняет, что меняет и почему. В данном случае (и дальше) Смирнов ни словом не обмолвился, что не согласен с Д. Беллом, автором теории постиндустриализма. США, по Смирнову, только при Рейгане вступают в постиндустриальное общество. Хорошо, но тогда надо дать свои критерии постиндустриального общества.

Что же касается выделения цикла 1975–1982 гг. как цикла *роста*, то это кажется явно несоответствующим фактам. Даже из Рис. 1 статьи Смирнова хорошо видно, что темпы роста предшествующего цикла (1968–1974) выше, а если бы этот последний цикл были представлен на диаграмме полностью, различие в темпах роста стало бы еще нагляднее (см. рис. 1А и 2А в настоящей статье). Лишний раз мы видим, что критерии Смирнова в целом не выдерживаются и не работают.

Примечание 136 (на с. 147). Отметим, что цикл роста 2002–2009 гг. действительно был циклом роста для мировой экономики. Но назвать его циклом роста для экономики США будет очень сильной натяжкой. А что касается темпов роста производительности труда в мировой экономике, и особенно в развивающихся странах, то ситуация здесь иная. Там темпы роста производительности труда не падали, а скорее росли (см. Conference Board 2014). Отметим, что в разных регионах и в разные периоды темпы роста производительности труда весьма различны. Так, в Европе в период с 1950 по 1973 г., то есть как раз в повышательной фазе четвертого длинного цикла, ежегодные темпы роста производительности были 5,3 %, так что ВВП (ежегодный рост 5,5 %) был почти полностью создаваем за счет роста производительности труда. А в США в это время ежегодный рост производительности труда составлял только 2,5 % (Арк и др. 2009: 41; см. также: Пиндайк, Рабинфельд 2011: 190; Грейсон, О’Делл 2004). В Японии и вовсе производительность труда в период с 1960 по 1973 г. росла темпами 8,3 % в год. Таким образом, темпы производительности труда в США были самыми низкими среди других развитых стран (Пиндайк, Рабинфельд 2011: 190).

Примечание 137 (на с. 147). Очень странный перечень. Во-первых, когда сфера быта и медицина относились к индустриальным отраслям? Во-вторых, чем автор собрался заменить медицину? В-третьих, в азиатских и некоторых африканских экономиках, наиболее быстро растущих, как раз идет развитие индустриальных структур.

Примечание 138 (на с. 148). С периодизацией перехода разных стран и мира в индустриально-аграрное и индустриальное состояние А. С. Смирнов основательно запутался. Выше, например (с. 116, см. также наши прим. 52 и 56), он писал, что «уже на рубеже XIX–XX вв. хозяйства сначала Англии, а затем Германии и США становились индустриально-аграрными». Но тогда явно весь мир не мог перейти к такому состоянию, если к нему перешли только самые передовые страны. Да и мы указывали, что только в 1940 г. мировое промышленное производство обогнало мировое сельское хозяйство (прим. 63). Но на с. 145 г-н Смирнов заявил, что США перешли к такому индустриально-аграрному состоянию где-то в районе конца 1920-х гг. Получается, что весь мир перешел в такое состояние, а США еще отставали. А поскольку на точной датировке такого перехода зиждется вся концепция Смирнова (в индустриальных обществах нет длинных волн конъюнктуры), то ясно, что эта концепция построена на фундаменте его путаницы.

Примечание 139 (на с. 148). См. выше прим. 113 о противоречиях определения Смирновым цикла инноваций. А на с. 149–151 вообще речь идет об опытных образцах в цикле инноваций 1931–1938 гг. Все-таки хотелось бы, чтобы он определился: инновации в цикле инноваций – это либо период создания, либо начало производства, либо массовость.

Примечание 140 (на с. 148). И еще больший размах автомобилестроение приняло в следующем цикле – 1922–1930 гг. Оно росло и во время Второй мировой войны, и в послевоенном цикле. Смирнову надо определиться с дефиницией цикла инноваций, поскольку он рассматривает этот цикл как центральный из трех.

Примечание 141 (на с. 149). Смирнов утверждает: «...для цикла 1908–1914 гг. были присущи и типичные для циклов инноваций процессы обострения политических противоречий». Нам не кажется, что это типично. Например, обострения политических противоречий сверх обычного не видно в циклах 1884–1892 или 1959–1967 гг., несмотря на объяснения, данные Смирновым ниже. В то же время мы указывали на то, что в ряде циклов роста они проявлялись. Все это лишний раз говорит о том, что критерии классификации средних циклов Смирнова не работают.

Примечание 142 (на с. 149). По поводу противоречий Смирнова в выделении циклов инноваций см. наши прим. 139, 140.

Примечание 143 (на с. 151). Таким образом, Смирнов сам же показывает, что для ряда длительных периодов крайне сложно разделить такие характеристики, как рост, инновации и политические изменения. Предшествующий цикл 1949–1958 гг. был не менее, а в чем-то и более инновационен, чем последующий, в то же время он демонстрирует бурные темпы роста. И в целом это может объясняться тем, что послевоенный период

имел повышательный характер, это была повышательная фаза четвертой К-волны. Этот момент Смирнов упорно не замечает. В то же время отличие предшествующих, довоенных циклов от послевоенных связано в том числе с тем, что это была понижательная фаза третьей волны. Действительно, разница в характеристиках была связана с разницей в эпохах, о чем подробно было рассказано в статьях Гринина (2012; 2013) в предыдущих выпусках этого ежегодника.

Примечание 144 (на с. 151). Рост внешней торговли в целом постоянно опережал и опережает рост ВВП из цикла в цикл, поэтому он не является каким-то особым маркером.

Примечание 145 (на с. 153). Такой процесс, как нам представляется, прослеживается едва ли не в каждом цикле так называемого роста и инноваций.

Примечание 146 (на с. 156). Здесь абсолютно без какого-то предварительного объяснения Смирнов как будто выдвигает совсем новую идею в своей концепции. До этого у него шла речь о так называемых «настоящих» длинных циклах длительностью 20–30 лет, которые состоят из трех жюгляровских средних циклов. При этом все длинные циклы Смирнов описывал как равнозначные. Теперь оказывается, что среди трех «настоящих» длинных циклов с 1975 по 2055 г. (1975–2001, 2002–2027, 2029–2055), один 2002–2027 будет центральным. Что это значит? Что на самом деле «настоящие» длинные циклы неравноправны? Или что на самом деле есть «настоящие» сверхдлинные циклы по 70–80 лет? (Судя по тому, что все его длинные циклы разбиты в таблицах в начале статьи на три части, три «проекта», возможно, так и есть.) Но тогда получается, что Смирнов, который критиковал мир-системщиков за введение сверхдлинных циклов, сам «грешит» этим. И в его концепции может найтись все, что в любой момент может ему понадобится. Эдакая «резинная» концепция, растягивается и сжимается по желанию хозяина. (См. также прим. 147.)

Примечание 147 (на с. 157). Выше ничего такого показано не было, поскольку, как мы отметили в прим. 146, никаких «центральных» длинных циклов Смирнов не вводил. Мало того, вопреки последнему утверждению, что «короткие циклы предельно обособлены», выше на с. 156 и других говорилось о «теснейшей связи циклов инновации и сдвига». Однако же если исходить из приведенного примера 1922–1948 гг., то речь может идти как раз о понижательных фазах длинных кондратьевских циклов, в которых депрессивность действительно несколько обособливает средние циклы. Но идею о том, что есть длительные депрессивные и активные полосы, составляющие вместе длинный кондратьевский цикл,

Смирнов упорно не признает, вместо этого нагромождая непонятные термины и загадочные фразы.

Примечание 148 (на с. 157). Выше Смирнов несколько раз говорил, что цикл инноваций – центральное звено в трех средних циклах, прослеживая это почти с начала XIX в. И вдруг теперь заявляет, что инновационный сектор имеет гораздо большее значение для постиндустриальной экономики. Это по меньшей мере недоказанное утверждение. Период 1948–1974 гг. отличался не меньшим, если не большим, количеством возникновения новых секторов, чем последующий, равно как и предшествующие периоды. Инновационные кластеры постоянно создавались в индустриальной экономике, и если бы Смирнов соизволил учесть теорию смены технологических укладов, это могло бы помочь ему действовать более логично. Одно из двух: либо рассматриваемое утверждение автора неверно, либо должен меняться характер цикличности, чего нет в теории Смирнова.

Примечание 149 (на с. 157). Смирнов утверждает: «Уже сейчас, в начале 2012 г., можно назвать еще целый ряд типичных для цикла инноваций явлений». Но зададим вопрос: типичных в каком смысле? Если для постиндустриальных циклов инноваций, в которых характер инновационности, по Смирнову, меняется, тогда невозможно говорить о типичности, поскольку идет, согласно автору, только второй инновационный цикл, который еще не закончился. Если для инновационных циклов любого периода, тогда непонятно, к чему выше шла речь об изменении инновационности? Эти вопросы показывают, что логики в высказываниях Смирнова не прослеживается, на одной и той же странице он противоречит сам себе.

Примечание 150 (на с. 157). В отношении циклов 1959–1967 гг., 1931–1938 гг., 1883–1892 гг. важно учитывать (чего не делает Смирнов), что они либо открывали после своего завершения депрессивную полосу, либо уже протекали в ней, иными словами, располагались погранично или в пределах понижательной фазы большого цикла. То же самое касается и цикла 2002–2009 гг., который завершал повышательную фазу и открывал понижательную. Именно близостью или локализацией в понижательных фазах и объясняется сходство, а не мифическими типичными чертами инновационных циклов, по Смирнову. Каждый раз, открывая для себя явления, уже объясненные кондратьевской теорией, он упорно ее игнорирует, выдумывая собственные неуклюжие объяснения.

Примечание 151 (на с. 160). С учетом того, что президентское правление обычно бывает по 8 лет – два срока, такое совпадение там, где оно есть, не является внутренне взаимосвязанным.

Примечание 152 (на с. 160). Почему Смирнов решил, что Кейнс был далек от понимания цикличности, неясно. Если врач стремится ликвидировать болезнь, то он должен как нельзя лучше понимать ее природу. То же и рекомендации Кейнса по устранению цикличности и поддержке высокой конъюнктуры. Стремление обязательно раскритиковать и уличить в «непонимании» выдающихся ученых, видимо, подпитывается убежденностью, что чем значимее будут объекты критики, тем выше оценят идеи Смирнова.

Примечание 153 (на с. 160). Это неверно. См. выше прим. 10, 13, 15 и др.

Примечание 154 (на с. 161). Что это за военная цикличность, остается только гадать. Ведь здесь существуют самые разные гипотезы (см., например: Thompson 1988). Введение загадочных терминов без объяснения – конек Смирнова.

Примечание 155 (на с. 162). Еще один пример терминотворчества Смирнова. «Политическая доминанта цикличности», которая непонятно как связана с военной цикличностью. Но все-таки для военного периода одно из двух: или военная цикличность, или политическая. Мы уже не говорим о том, что для разных стран «военная» и «политическая» цикличности были по результатам диаметрально противоположными.

Примечание 156 (на с. 165). То, что Смирнов говорит об изменении характера средних циклов во второй половине XX в., вполне соответствует истине. Однако выше он никаким образом не объяснял этого феномена, а гипотеза Смирнова о равноправности его «настоящих» длинных циклов (а также его идея, что с переходом к постиндустриальности циклы Жюгляра стали еще более типичными, чем ранее) с данным феноменом сглаживания проявления цикличности во второй половине XX в. никак не согласуется.

Примечание 157 (на с. 165). О том, что идет на смену постиндустриальному обществу, Смирнов как будто ничего не говорил. В чем может заключаться перелом постиндустриального общества, также неясно. Но, как мы уже говорили, новые термины, вводимые без объяснения, и загадочные фразы – это стиль Смирнова.

Заключительные выводы. Столь объемный и скрупулезный анализ работы Смирнова, к сожалению, подтверждает, что абсолютное большинство его идей и выводов являются неверными, часто просто намеренно искажающими реальные факты и взаимосвязи. Много же из того, с чем со Смирновым согласиться все-таки можно, не является оригинальным. Полезным является поднятие вопросов о связи идей Кондратьева и Туган-Барановского, попытка анализа взаимосвязи длинных и средних циклов, введение в оборот книг и работ, которые сегодня мало используются. Ут-

верждения же, что истоки теории Н. Д. Кондратьева находятся в работах Туган-Барановского, что эти истоки лежат прежде всего в исследовании последнего «Бумажные деньги и металл» (1917 г.), «что теорию Кондратьева нельзя правильно оценить без знания этой работы Туган-Барановского», что критика теории Кондратьева в дискуссии 1926 г. была разгромной, что Кондратьев якобы фальсифицировал длинные циклы, являются в принципе неверными. Собственно теория Смирнова о том, что длинные волны конъюнктуры прослеживаются только в XIX в., что длинных кондратьевских циклов не существует, не доказана и противоречит многим фактам. Идея о том, что в триадах средних циклов, которые объединяются в цепочки длинных, каждый средний цикл выполняет особую роль, потенциально могла бы быть интересной, если бы не многочисленные логические противоречия, несоответствия фактам и не попытки замолчать исследования других авторов в этом направлении.

Библиография

- Арк Б. ван, О'Махони М., Тиммер М. 2009. Отставание Европы от США по росту производительности: Тенденции и причины. *Экономический журнал ВШЭ* 1: 35–58.
- Базаров В. А. 1926. «Кривые развития» капиталистического и советского хозяйства. *Плановое хозяйство* 5: 71–90.
- Белл Д. 1999. *Грядущее постиндустриальное общество*. М.: Академия.
- Белянова Е. В., Комлев С. Л. 1989. Проблемы экономической динамики в творчестве Н. Д. Кондратьева. *Проблемы экономической динамики*, с. 21–47. М.: Экономика.
- Белянова Е. В., Иванов В. В., Комлев С. Л., Макашева Н. А. 1989. Комментарии и библиография. В: Кондратьев 1989: 451–520.
- Богданов В. Е. 1926/1989. [Выступление на «Обсуждении докладов на заседаниях 6 и 13 февраля 1926 г.».] В: Кондратьев 1989: 300–304.
- Бродель Ф. 1987–1992. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.*: в 3 т. Т. 1. *Структуры повседневности: возможное и невозможное*. М.: Прогресс.
- Вирт М. 1877. *История торговых кризисов в Европе и Америке* (пер. с нем.). СПб.: Редакция журнала «Знание».
- Гайсин Р. С. 2007. *Теория эволюции агропродовольственного рынка*: уч. пособ. URL: http://rgau-economics.ucoz.ru/index/uchebnometodicheskie_materialy/0-38.
- Глазьев С. Ю. 1993. *Теория долгосрочного технико-экономического развития*. М.: ВладДар.
- Глазьев С. Ю. 2009. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов. *Вопросы экономики* 3: 26–32.

- Грейсон Д. К. мл., О'Делл К. 2004. *Американский менеджмент на пороге XXI века*. М.: Экономика.
- Гринин Л. Е. 2012. Кондратьевские волны, технологические уклады и теория производственных революций. *Кондратьевские волны: Аспекты и перспективы* / Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 222–262. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2013. Динамика кондратьевских волн в свете теории производственных революций. *Кондратьевские волны: Палитра взглядов* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 31–83. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2008. Прологомены к краткой истории Мир-Системы. *Философия и общество* 2: 22–53.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. Москва: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010. *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов от Ликурга до Алана Гринспена*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012. *Циклы, кризисы и ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ.
- Гринин Л., Коротаев А., Цирель С. 2011. *Циклы развития современной мир-системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Губанов С. 1999. Цикличность – форма кризисности. *Экономист* 1: 63–56.
- Захарова М. Н. 1961. Развитие капитализма в Соединенных Штатах Америки в первой половине XIX в. *Всемирная история*: в 10 т. Т. 6 / Отв. ред. Н. А. Смирнов, с. 257–275. М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры.
- Игнатъев М. В. 1926/1989. [Выступление на «Обсуждении докладов на заседаниях 6 и 13 февраля 1926 г.».] В: Кондратьев 1989: 297–298.
- Кондратьев В. Б. 2010. *Сфера услуг в постиндустриальной экономике*. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/sfera_uslug_v_postindustrialnoj_ekonomike_2010-12-21.htm.
- Кондратьев Н. Д. 1922/2002. Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны. В: Кондратьев 2002: 40–341.
- Кондратьев Н. Д. 1923. *Михаил Иванович Туган-Барановский... (Биографическая справка)*. Пг.: Колос.
- Кондратьев Н. Д. 1923/1988. Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса (Ответ нашим критикам). *Мировая экономика и международные отношения* 1988, 9: 64–76.
- Кондратьев Н. Д. 1923/1990. Михаил Иванович Туган-Барановский (Основные черты научного мировоззрения). *Общественная мысль: исследования и пуб-*

- ликации / Ред. К. Х. Делокаров, М. А. Абрамов, А. Л. Андреев и др., с. 231–254. М.: Наука.
- Кондратьев Н. Д. 1923/1993.** *Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта.* М.: Центросоюз.
- Кондратьев Н. Д. 1923/2004.** Михаил Иванович Туган-Барановский (Основные черты научного мировоззрения). В: Кондратьев Н. Д., *Суздальские письма*, с. 776–778. М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 1924/2002.** К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры. В: Кондратьев 2002: 9–39.
- Кондратьев Н. Д. 1925/1993.** Большие циклы конъюнктуры. В: Кондратьев 1993: 24–83.
- Кондратьев Н. Д. 1926.** К вопросу о больших циклах конъюнктуры. *Плановое хозяйство* 8: 167–181.
- Кондратьев Н. Д. 1926a/1989.** [Большие циклы экономической конъюнктуры.] В: Кондратьев 1989: 172–226.
- Кондратьев Н. Д. 1926б/1989.** [Заключительное слово.] В: Кондратьев 1989: 310–343.
- Кондратьев Н. Д. 1926/2002.** Большие циклы экономической конъюнктуры. В: Кондратьев 2002: 341–400.
- Кондратьев Н. Д. 1928/2002.** Динамика цен сельскохозяйственных и промышленных товаров. В: Кондратьев 2002: 401–502.
- Кондратьев Н. Д. 1989.** *Проблемы экономической динамики* / Отв. ред. Л. И. Абалкин. М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 1991.** *Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз.* М.: Наука.
- Кондратьев Н. Д. 1993.** *Избранные сочинения.* М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 2002.** *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды.* М.: Экономика.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2012.** Кондратьевские волны в мир-системной перспективе. *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы* / Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 58–109. Волгоград: Учитель.
- Лескюр Ж. 1908.** *Общие и периодические промышленные кризисы.* СПб.: Общественная польза.
- Лукашевич И. В. 1993.** *Теории длинных волн и проблемы научно-технического прогресса.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Макашева Н. А. 2002.** Первая книга Н. Д. Кондратьева о конъюнктуре и некоторые проблемы исследования экономического цикла. В: Кондратьев 2002: 737–750.

- Маркс К. 1958а.** Французский Credit Mobilier. (Статья первая.) В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 12, с. 21–26. М.: Политиздат.
- Маркс К. 1958б.** Французский Credit Mobilier. (Статья вторая.) В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 12, с. 27–31. М.: Политиздат.
- Маркс К. 1958в.** Французский Credit Mobilier. (Статья третья.) В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 12, с. 32–37. М.: Политиздат.
- Маркс К. 1958г.** Французский Credit Mobilier. *Сочинения.* В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 12, с. 300–303. М.: Политиздат.
- Меньшиков С. М., Клименко Л. А. 1989.** *Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу.* М.: Международные отношения.
- Митчелл У. 1930.** *Экономические циклы: Проблема и ее постановка.* М.: Госиздат.
- Модельски Дж., Томпсон У. 1992.** Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и международная политика. *Вопросы экономики* 10: 49–57.
- Опарин Д. И. 1926а/1989.** [Критический анализ «Больших циклов конъюнктуры». Проф. Кондратьев и объяснение длительных колебаний некоторых экономических элементов. Контр-доклад.] В: Кондратьев 1989: 227–292.
- Опарин Д. И. 1926б/1989.** [Заключительное слово Д. И. Опарина.] В: Кондратьев 1989: 343–356.
- Пантин В. И., Лапкин В. В. 2006.** *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века.* Дубна: Феникс+.
- Первушин С. А. 1926/1989.** [Выступление на «Обсуждении докладов на заседаниях 6 и 13 февраля 1926 г.»] В: Кондратьев 1989: 294–295.
- Перес К. 2011.** *Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания.* М.: Дело.
- Пиндайк Р., Рабинфельд Д. 2009.** *Микроэкономика.* СПб.: Питер.
- Подтягин М. Е. 1926/1989.** [Выступление на «Обсуждении докладов на заседаниях 6 и 13 февраля 1926 г.»] В: Кондратьев 1989: 292–294.
- Полетаев А., Савельева И. 1988.** Длинные волны в развитии капитализма. *Мировая экономика и международные отношения* 5: 71–86.
- Ротбард М. 2005.** *История денежного обращения и банковского дела в США: с колониального периода до Второй мировой войны.* Челябинск: Социум.
- Румянцева С. Ю. 2003.** *Длинные волны в экономике: многофакторный анализ.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Рязанов В. Т. 1998.** *Экономическое развитие России. XIX–XX вв.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Самуэльсон П., Нордхаус В. 2009.** *Экономика.* М.: Вильямс.
- Спектатор (Нахимсон) М. И. 1926/1989.** [Выступление на «Обсуждении докладов на заседаниях 6 и 13 февраля 1926 г.»] В: Кондратьев 1989: 298–300.

- Туган-Барановский М. И. 1894. *Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь*. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова.
- Туган-Барановский М. И. 1900/2004. *Промышленные кризисы. Очерк из социальной истории Англии*. 2-е изд. Киев: Научная мысль.
- Туган-Барановский М. И. 1913/2008. *Периодические промышленные кризисы*. М.: Директмедиа Паблишинг.
- Туган-Барановский М. И. 1917/1998. Бумажные деньги и металл. В: Туган-Барановский М. И., *Экономические очерки*, с. 284–422. М.: РОССПЭН.
- Туган-Барановский М. 1997. Бумажные деньги и металлические. *Деньги*. Киев.
- Туган-Барановский М. 2004. *Промышленные кризисы: очерки из социальной истории Англии*. Киев.
- Фалькнер С. А. 1926/1989. [Выступление на «Обсуждении докладов на заседаниях 6 и 13 февраля 1926 г.»] В: Кондратьев 1989: 304–310.
- Фомина А. В. 2005. *Циклы Кондратьева в экономике России: монография*. М.: Международный фонд Н. Д. Кондратьева.
- Хаберлер Г. 2008. *Процветание и депрессия: Теоретический анализ циклических колебаний*. Челябинск: Социум.
- Хансен Э. 1959. *Экономические циклы и национальный доход*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Харрод Р. 1959. *К теории экономической динамики. Новые выводы экономической теории и их применение в экономической политике*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Цейтлин Е. А. 1940. *Очерки истории текстильной техники*. М., Л.: Гизлегпром.
- Шумпетер Й. 2004. *История экономического анализа: в 3 т.* СПб.: Экономическая школа.
- Яковец Ю. В. 2002. Наследие Н. Д. Кондратьева: взгляд из XXI века. В: Кондратьев 2002: 708–736.
- Bairoch P. 1976. Agriculture and the Industrial Revolution. *The Industrial Revolution, 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 452–506. New York: Barnes & Noble.
- Bergier J.-F. 1976. The Industrial Bourgeoisie and the Rise of the Working Class 1700–1914. *The Industrial Revolution, 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 397–451. New York: Barnes & Noble.
- Berry V. J. L. 1991. *Long Wave Rhythms in Economic Development and Political Behavior*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Berry V. J. L., Dean D. J. 2012. Long Wave Rhythms: A Pictorial Guide to 220 Years of U.S. History, with Forecasts. *Kondratieff Waves: Dimensions and Prospects at the Dawn of the 21st Century* / Ed. by L. Grinin, T. Devezas, A. Korotayev, pp. 107–119. Volgograd: Uchitel.
- Burns A. F., Mitchell W. C. 1946. *Measuring Business Cycles*. New York, NY: National Bureau of Economic Research.

- Conference Board. 2014.** *The Conference Board Total Economy Database*. January. URL: <http://www.conference-board.org/data/economydatabase/>
- Duijn J. J. van. 1983.** *The Long Wave in Economic Life*. London: George Allen and Unwin.
- Fels R. 1949.** The Long-Wave Depression, 1873–97. *The Review of Economics and Statistics* (The MIT Press) 31(1): 69–73.
- Foster L., Haltiwanger J., Krizan C. J. 2002.** *The Link between Aggregate and Microproductivity Growth: Evidence from the Retail Trade*. National Bureau of Economic Research NBER Working Paper 9120, August.
- Frank A. G. 1990.** A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History. *Review* 13(2): 155–248.
- Gaysin R. 2012.** Price Dynamics in Stages of Long-Term Cyclic Fluctuations of Conjunction of the World Agro- Food Market. *Scientific Journal: Oeconomica* 298 (69): 15–28. URL: <http://www.wydawnictwo.zut.edu.pl/fileadmin/pliki/wydawnictwo/Folia/Oeconomica/298/Gaysin.pdf>.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Afroeurasian World-System: Genesis, Transformations, Characteristics. *Routledge Handbook of World-Systems Analysis* / Ed. by S. Babones, C. Chase-Dunn, pp. 30–39. London: Routledge.
- Grinin L., Korotayev A. 2013a.** Globalization and the World System Evolution. *Evolution: Development within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms. Yearbook* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 30–68. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L., Korotayev A. 2013b.** Origins of Globalization. *Globalistics and Globalization Studies Theories, Research & Teaching. Yearbook* / Ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, A. V. Korotayev, pp. 8–35. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L., Korotayev A. 2013c.** The Origins of Globalization. *Globalization. Yesterday, Today, and Tomorrow* / Ed. by J. Sheffield, A. Korotayev, L. Grinin, pp. 1–29. Litchfield Park, AZ: Emergent Publications.
- Hartwell R. M. 1976.** The Service Revolution: The Growth of Services in Modern Economy 1700–1914. *The Industrial Revolution, 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 358–396. New York: Barnes & Noble.
- Hirooka M. 2006.** *Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective*. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar.
- Jevons W. S. 1884.** *Investigations in the Currency and Finances*. London: Macmillan and Co.
- Korotayev A. 2007.** Compact Mathematical Models of World System Development, and How They Can Help Us to Clarify Our Understanding of Globalization Processes. *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change* / Ed. by G. Modelski, T. Devezas, W. R. Thompson, pp. 133–160. London: Routledge.
- Korotayev A. 2008.** Globalization and Mathematical Modeling of Global Development. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Political Aspects of Moder-*

- nity / Ed. by L. E. Grinin, D. D. Beliaev, A. V. Korotayev, pp. 225–240. Moscow: LIBROCOM/URSS.
- Korotayev A. 2012.** Globalization and Mathematical Modeling of Global Development. *Globalistics and Globalization Studies* / Ed. by L. Grinin, I. Ilyin, A. Korotayev, pp. 148–158. Moscow; Volgograd: Moscow University; Uchitel.
- Korotayev A. 2013.** Globalization and Mathematical Modeling of Global Evolution. *Evolution: Development within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms. Yearbook* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 69–83. Volgograd: Uchitel.
- Maddison A. 2010.** *World Population, GDP and Per Capita GDP, A.D. 1–2008*. URL: www.ggdc.net/maddison.
- Miron J. A., Romer C. D. 1990.** A New Monthly Index of Industrial Production, 1884–1940. *Journal of Economic History* 50: 321–335.
- Mitchell B. R., Dean Ph. 1962.** *Abstract of the British Historical Statistics*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Modelski G. 2001.** What Causes K-waves? *Technological Forecasting and Social Change* 68: 75–80.
- Modelski G. 2006.** Global Political Evolution, Long Cycles, and K-Waves. *Kondratieff Waves, Warfare and World Security* / Ed. by T. C. Devezas, pp. 293–302. Amsterdam: IOS Press.
- Modelski G., Thompson W. R. 1996.** *Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
- NBER 2009.** *Business Cycle Expansions and Contractions*. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. URL: http://www.nber.org/cycles/US_Business_Cycle_Expansions_and_Contractions_20120423.pdf.
- Perez C. 2002.** *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. Cheltenham: Elgar.
- Perez C. 2010.** Technological Revolutions and Techno-Economic Paradigms. *Cambridge Journal of Economics* 34(1): 185–202.
- Perez C. 2011.** The Advance of Technology and Major Bubble Collapses. *On Capitalism: Perspectives from the Engelsberg Seminar 2010* / Ed. by A. Linklater, pp. 103–114. Stockholm: Ax:on Foundation.
- Rainoff T. Y. 1929.** Wave-Like Fluctuations of Creative Productivity in the Development of West-European Physics in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. *ISIS* 12/1(37): 287–319.
- Schumpeter J. A. 1939.** *Business Cycles*. New York, NY: McGraw-Hill.
- Sutch R. 2006.** Indexes of Industrial Production: 1884–2003. Table Cb28-31. *Historical Statistics of the United States, Earliest Times to the Present: Millennial Edition* /

Ed. by S. B. Carter, S. S. Gartner, M. R. Haines, A. L. Olmstead, R. Sutch, G. Wright. New York, NY: Cambridge University Press.

Thompson W. R. 1988. *On Global War: Historical-Structural Approaches to World Politics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.

Thompson W. R. 2007. The Kondratieff Wave as Global Social Process. *World System History, Encyclopedia of Life Support Systems, UNESCO* / Ed. by G. Modelski, R. A. Denemark. Oxford: EOLSS Publishers.

Wicksell K. 1898. *Geldzins und Güterpreise: Eine Studie über die den Tauschwert des Geldes bestimmenden Ursachen*. Jena: Fischer.

World Bank. 2014. *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.